

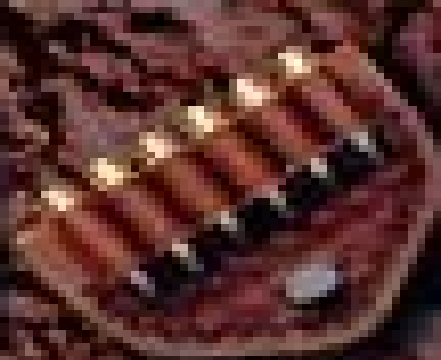
ЭРИ СТЕНЛИ

ГАРРОД ДНЕР

НЕ УПУСТИ
СВОЙ ШАНС

УБИЙСТВО
ВО ВРЕМЯ
ПРИЛИВА

СОДЕРЖАНКИ
ПО СВОЕЙ ВОЛЕ
НЕ УХОДЯТ

Annotation

Южная Калифорния, роскошные яхты, шикарные женщины в купальниках. И двойное убийство на борту одной из яхт. Дело поручено местному прокурору и, так случилось, что страстный любитель детективных загадок Грэмпис Виггинс оказывается близким родственником прокурора и обращает внимание на себя тем, что расхаживает в женском купальнике. Но только ли ради потехи он это сделал???

- [Эрл Стенли Гарднер](#)
  - [Основные действующие лица](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
-

Эрл Стенли Гарднер
«Убийство во время прилива»

Основные действующие лица

Тед Шейл. Он прибыл в Санта-Дельбарру, чтобы получить выгодный заказ от миллионера Эддисона Стирна, и случайно оказался вовлеченным в разыгравшуюся драму.

Нита Молин. Очаровательная и обворожительная блондинка. Какие отношения связывают ее с Эддисоном Стирном? И что она делает на борту яхты?

Джоан Харплер. Ее яхта «Альбатроса» стоит на якоре неподалеку от роскошной „Джипси Квин“. Большую часть своего времени она проводит на „Альбатросе“ и в воде.

Пирл Райт. Мучается угрызениями совести. Считает, что своей ревностью толкнула мужа на убийство.

Уоррен Хилберс. Брат Пирл. Озабочен исключительно проблемами своей сестры. Делает все возможное, чтобы помочь ей избавиться от мучающих ее угрызений совести.

Эуэлл и Филдинг. Им бы хотелось, чтобы Стирн отказался от нефтяных скважин.

Френк Дюриэа. Молодой окружной прокурор графства. Его жена в некотором роде принимает участие в проводимом им расследовании. А также ее дед Виггинс, находчивый, расторопный, хитроумный, неотразимый, безудержный, дергающий за ниточки всех действующих лиц драмы.

Время действия: конец 40-х годов.

Место действия: модный пляж на Калифорнийском побережье.

Глава 1

Тед Шейл задумчиво идет по мокрому и твердому песку, обнажившемуся после отлива.

Водная гладь океана без единой морщинки напоминает глубокое синее зеркало. Небо безоблачно. И город Санта-Дельбарра уютится у подножия холмов, которые отливают синевой, окутанные теплой голубоватой дымкой.

Ослепительное солнце освещает белоснежные виллы, и пальмы склоняют свои темно-зеленые кроны к красным черепицам крыш.

Сегодня воскресенье. Мягко льется хрустальный колокольный звон.

В бухте покачиваются стоящие на якорях яхты. На палубе одной из них, словно изваяние, замерла под солнцем молодая женщина.

На ней плотно облегающий мини-купальник — две узкие полоски. Солнце ласкает ее золотистую кожу. У нее стройное, гибкое и соблазнительное тело, и она знает об этом.

Ни малейшего признака жизни на соседних яхтах.

Метрах в тридцати от яхты молодой женщины покачивается на волнах величественная «Джипси Квин». Стилизованная выхлопная труба придает ей очертания удлиненного корабля в миниатюре. Сверкая на солнце медью, белой эмалевой краской и красным деревом, «Джипси Квин» затмевает своим великолепием всех соперниц в бухте.

Шейл, замороженный красотой судна, не в силах оторвать от него взгляд. Да к тому же это яхта Эддисона Стирна, человека, с которым ему хотелось бы встретиться. Эддисон Стирн — владелец самых фешенебельных отелей на Калифорнийском побережье.

Патрон Шейла, коммерческий директор «Фрилендер Продактс Компани», поручил ему непростую миссию. «Отправляйтесь в Санта-Дельбарру, — сказал он. — И сделайте что хотите, но получите от Стирна заказ. В настоящее время нам просто необходим хороший контракт».

И вот Шейл на месте, он нервничает, потому что до сих пор ему ни разу не удалось даже увидеть Стирна, не говоря уже о большем.

Разумеется, воскресенье — не самый подходящий день для разговоров о бизнесе, но у Теда нет выбора, и он должен попытаться счастья сегодня. Беседуя накануне вечером с матросами «Джипси Квин», сошедшими на берег погулять, он узнал, что сегодня в три часа дня яхта должна выйти в море.

Он узнал также, что весь экипаж получил увольнительную на всю ночь и что всем, включая повара, приказано вернуться на яхту не раньше, чем ко времени отплытия.

Поэтому Шейл решил во что бы то ни стало не упустить свой шанс. Поскольку повара на борту яхты не будет, то Стирн наверняка спустится позавтракать в яхт-клуб, и тогда Шейл, невзирая на воскресный, а значит, неблагоприятный, день, попытается заарканить миллиардера, как только тот появится на плавучем доке.

А пока ему остается лишь ждать и следить за яхтой.

В этот ранний утренний час на пляже почти безлюдно — всего несколько небольших семейных групп. А чуть поодаль совершают свои маневры морские птицы, напоминая высадку войск военно-морской авиации.

Тед Шейл искоса бросает восхищенные взгляды на женщину в купальнике.

У нее темно-русые волосы, узкие бедра с плавным изгибом, которые не оставили бы равнодушным даже монаха.

Она только что искупалась, и на ее коже еще блестят на солнце капли воды.

— Прекрасная упаковка! — говорит Тед вполголоса.

Затем он снова переводит взгляд на «Джипси Квин» и замирает с открытым ртом.

Из каюты выходит молодая особа и направляется к борту яхты. На ней белая блузка и голубые полотняные брюки.

Она подбегает к борту и наклоняется к воде. Ее лицо закрывает копна рассыпавшихся золотистых волос.

Левая рука ее делает судорожное движение, словно пытаясь приподнять массу волос, но затем опускается в воду. Голова женщины раскачивается из стороны в сторону, затем свешивается вниз.

В течение нескольких секунд бессильное тело сохраняет равновесие, затем неожиданно переваливается через борт, падает и скрывается под водой.

Тед Шейл испускает вопль «Ого-го!», обращенный к прекрасной наяде. Она поворачивается к нему с невозмутимым видом и меряет его холодным взглядом. Тед кричит и делает ей знаки. Она отворачивается с пренебрежением, давая понять, что он зря теряет время.

— Черт побери! — скрипит Шейл зубами.

И он со всех ног мчится вдоль берега к понтонному мосту яхт-клуба. Несколько секунд спустя одним прыжком он запрыгивает на него, окидывает быстрым взглядом пришвартованные к нему шлюпки, выбирает один ялик, садится в него, развязывает трос, отталкивается от моста, берет весла и начинает грести быстрыми и мощными рывками.

Его движения почти профессиональны, и он летит вперед, как стрела.

Неожиданно застывшая фигура на палубе «Альбатроса» поворачивается в его сторону, гибкий силуэт отделяется от горизонта, ныряет в воду и плывет в направлении к «Джипси Квин» ритмичным кролем, двигаясь вперед, как торпеда.

Шейл опережает ее всего на несколько секунд.

Подплыв к месту падения девушки, в первое мгновение он ничего не может различить из-за солнечных лучей, отражающихся в сине-зеленой кильватерной струе. Наконец он замечает воздушные пузыри и золотистую шевелюру, вынырнувшую возле корпуса яхты.

Тед быстро снимает куртку и бросается в воду. Он приготовился к борьбе, но в его руках оказывается бесчувственное тело. Шейл переворачивается на спину, притянув за волосы золотистую голову к своему животу и зажав молодую утопленницу между колен. Затем он мощными бросками плывет к ялику. В этот момент к нему присоединяется прекрасная наяда и, устремив на него свои великолепные глаза орехового цвета, спрашивает чарующим голосом:

— Все в порядке?

— Мне понадобится ваша помощь, чтобы затащить ее в ялик, — отвечает Шейл.

Подплыв к лодке, Тед разжимает колени, передает безвольное тело молодой женщине и с легкостью поднимается на корму шлюпки, невзирая на отяжелевшую мокрую одежду, прилипшую к его телу.

— Давайте ее сюда, — говорит он.

Вдвоем им удастся поднять тело на борт, не опрокинув шлюпку, и положить его на дно. Белая блуза выбилась из брюк, золотистые волосы прилипли к бледному лицу.

Наяда в свою очередь с помощью Шейла поднимается в шлюпку, и он ощущает под пальцами ее крепкие мышцы и нежную кожу.

Шейл окидывает взглядом соседние яхты и пляж. Похоже, что спасение утопающей никем не замечено. Родители что-то кричат мальчуганам, бегающим за морскими птицами, а те кричат им в ответ.

Ни одной живой души на других яхтах и на понтонном мосту.

— Что мы будем с ней делать? — спрашивает наяда.

Шейл делает жест в сторону «Джипси Квин», стоящей в нескольких метрах от них.

— Я поднимусь и посмотрю, что там происходит. Наяда одобрительно кивает, и Шейл принимается грести кормовым веслом к сходням яхты.

Поднявшись на борт, он кричит «Хэлло!», но ему никто не отвечает. Он снова кричит. Ответа нет.

— В чем дело? — цедит Шейл сквозь зубы.

Он подходит к открытому люку и видит внизу великолепную каюту. Шейл спускается по ступеням лестницы и останавливается, чтобы глаза привыкли к полумраку.

В первое мгновение он не видит ничего, кроме солнечных бликов на ковре, проникающих сквозь овальные иллюминаторы.

Когда его глаза привыкают к темноте, он замечает, что один из овальных бликов окрашен в цвет крови.

Яхта слегка покачивается на волнах, и солнечные блики перемещаются по темному ковру. Другой луч осветил еще одно кровавое пятно.

Шейл делает шаг вперед, чтобы получше разглядеть его.

На полу что-то лежит... Шейл присматривается и видит человеческую руку, ногу, потом еще одну ногу и еще одну. На ковре лежат два трупа странной формы из-за сведенных в судороге конечностей.

Один труп лежит лицом вверх, и когда по нему пробегает солнечный луч, то видны остекленевшие глаза и, искаженные в гримасе черты лица.

Тед отшатывается. Ему необходим глоток свежего воздуха. Он быстро поднимается по ступеням.

— Что там? — спрашивает спокойным голосом наяда.

Тед переводит дыхание и произносит:

— Плыдем к берегу.

— Там никого нет?

Прежде чем ответить, Тед спускается по бортовой лестнице и усаживается на корме шлюпки. Его тошнит.

— Почему у вас такой вид? — спрашивает с любопытством наяда. — В чем дело? Что там произошло?

— Два трупа, — лаконично отвечает Тед. В этот момент женщина с золотистыми волосами шевелится и открывает глаза, затем, постанывая, приподнимается и садится на дне лодки.

Секунду она смотрит на Шейла с отсутствующим видом, потом внезапно прикрывает блузой обнаженный живот.

— Что все это значит? — спрашивает она. Ее глаза округляются, рот остается полуоткрытым, так что Теду виден ее розовый язык. Неожиданно она начинает громко визжать.

— Сейчас же прекратите! — приказывает ей Тед. — Расслабьтесь. Все будет хорошо.

Она бросает на него бессмысленный взгляд и снова начинает визжать.

— Заткнитесь! — кричит Шейл. — У меня от этого воя вся кожа покрывается мурашками. Господи, ну что вы так вопите?

По глазам девушки он видит, что до нее не доходят его слова. Она снова открывает рот, чтобы закричать. Тогда Тед нагибается к ней и со всего размаху дает ей пощечину.

Наяда что-то восклицает, затем встает со своего места и говорит:

— Я вижу, вы прекрасно справляетесь один. Я вас оставляю и возвращаюсь на свою яхту.

— Сядьте, — приказывает Тед, — у вас еще есть дела на берегу.

— В самом деле? С вашего позволения, я бы хотела узнать, какие именно?

— Извольте, это не секрет. Нам придется вместе кое-что объяснить полиции.

Глава 2

Френк Дюриза переворачивается на бок, потягивается, зевает и склоняется над будильником. Его жена бормочет сквозь сон:

— Поспи еще немного. Еще слишком рано. Дюриза протирает глаза и, когда ему удастся их окончательно открыть, бросает взгляд на циферблат часов и восклицает:

— Надо же! Уже девять часов!

— Ну и что? Сегодня воскресенье.., а мы легли вчера в три часа ночи.

— Давай, милая, просыпайся. Посмотри, какая стоит чудная погода!

Милдред накрывает голову подушкой. Дюриза встает, подходит к окну и поднимает жалюзи. Солнечный свет заливает комнату.

— Что ты скажешь насчет стакана томатного сока? — спрашивает он. — С перчиком и уксусом? Милдред приподнимается на кровати.

— О'кей, — говорит она, — только не увлекайся пряностями. Ты становишься невозможным.

— Это почему же?

— Мужчина не должен будить женщину, которая спит в его постели.

— Ты вычитала это в учебнике о правилах хорошего тона? Или это правила этикета, которые ты усвоила до меня?

Дюриза ловко уворачивается от запущенной в него подушки.

Шелковая ночная сорочка подчеркивает нежность кожи молодой женщины. У нее гибкое, стройное тело, она красивая брюнетка.

Ей двадцать семь лет, и она крепко держит в руках своего мужа.

Френк на пять лет старше жены, и у него уже намечается небольшой животик. В течение трех лет он исполняет обязанности прокурора в Санта-Дельбарре.

В тот момент, когда в него летит вторая подушка, он выбегает из комнаты.

— Я принесу оружие, — обещает он, — а заодно и сок.

Когда он возвращается в комнату с подносом, на котором стоят два стакана, раздаётся телефонный звонок.

— Сними трубку, милая. Вероятно, это какой-нибудь рогоносец хочет пожаловаться на жену. Милдред снимает трубку.

— Хэлло? Да... О! Я передаю трубку Френку.

Она прикрывает трубку рукой и поворачивается к мужу:

— Это шериф. Он очень возбужден. Держи. Дюриза берет одной рукой трубку, а другой — стакан с соком.

— Хэлло! Пит, это Френк. Что случилось?

— Два трупа на яхте, на яхте из Лос-Анджелеса. Один из убитых — Стирн, владелец яхты. Другого зовут Райт. Я предупредил coronera и начальника полиции. Желательно, чтобы вы приехали как можно быстрее.

— Откуда вы звоните?

— Из яхт-клуба.

— Как называется яхта?

— «Джипси Квин».

— О'кей! Еду. Секунду! Скажите, трупы еще на борту?

— Да.

— Там кто-нибудь есть?

— Да, Арт Перрин и Сэм Крайс.

— До моего прихода ничего не трогать. Свидетели есть?

— Да, трое. Они вымокли до нитки, только что вылезли из воды.

— Хорошо. Задержите их до моего прихода. Дюриза вешает трубку и задумчиво пьет томатный сок.

— Что-нибудь серьезное? — спрашивает Милдред.

— Двойное убийство.

— В таком случае я уступаю тебе очередь в ванную.

— Черт побери! Я не успеваю ни побриться, ни принять душ.

Дюриза снимает пижаму и натягивает брюки.

— Лассен, как обычно, сообщает мне о случившемся в последнюю очередь. Остальные уже на месте. Он вызвал их по меньшей мере полчаса назад.

Милдред подбирает с пола обе подушки и кладет их на кровать.

— Френк, эта сорочка уже несвежая. Надень другую.

— Некогда. Там три свидетеля, вымокших до нитки. Я не хочу, чтобы они простудились из-за меня, а то будет сразу пять трупов.

— Сегодня ночью, когда мы вернулись, ты положил шляпу на радиоприемник...

— Спасибо. Я исчезаю.

— А я еще немного посплю. Будь так любезен, опусти жалюзи, чтобы не мешал свет.

Дюриза уходит. Милдред сквозь сон слышит, как хлопает входная дверь.

На плавучем доке собралась небольшая группа зевак, которую тщетно пытается разогнать полицейский. Никто не двигается с места, все взгляды устремлены на яхту.

Полицейский приветствует Дюриза и говорит:

— Шеф там, с шерифом. Берите любую из этих шлюпок. Моторной лодки в данный момент нет.

Дюриза кажется, что все смотрят на него, и он немного боится уронить свой престиж, так как, по его мнению, он не слишком ловко справляется с веслами. Его политические соперники могут воспользоваться этим, чтобы высмеять его.

Ему удается распутать якорную цепь, и он удаляется. Он не демонстрирует высокого мастерства, но гребет вполне сносно, если не считать странного ощущения, что горизонт все время куда-то отодвигается.

Он подплывает к яхте, привязывает шлюпку к сходням и поднимается на борт.

Там он видит коронера^[1] Сэма Крайса, шефа полиции А. Дж. Перрина, помощника шерифа Вилла Вигарта, которому поручено сделать снимки и снять отпечатки пальцев.

Затем Дюриза спускается в каюту, чтобы взглянуть на трупы. Ему становится дурно. Если его и так часто мутит по утрам, то сегодня на это есть особые причины.

— Где свидетели? — спрашивает Дюриза у Лассена.

— В каюте лоцмана.

— Пойду допрошу их, — говорит Дюриза. Он чувствует, что ему необходимо глотнуть свежего воздуха, но легкий океанский бриз и ласковое солнце не могут изгладить неприятное ощущение.

Он не испытывает никакого желания допрашивать свидетелей, ему не хочется говорить с кем бы то ни было.

— Зрелище не из приятных, — замечает Лассен, присоединяясь к нему.

Дюриза утвердительно кивает.

— Я не успел позавтракать, — говорит он. — Трудно вынести такое на пустой желудок. Сколько там свидетелей?

— Трое. Мужчина, Шейл, коммивояжер; Джоан Харплер предстанет перед вами в одном купальнике, ее небольшая яхта стоит на якоре неподалеку отсюда; Нита Молин из Лос-Анджелеса приехала сюда по приглашению Стирна, знает обоих убитых. Если верить тому, что она говорит, то у нее есть алиби. Все трое изрядно вымокли в воде. Эддисон Стирн — это тот, кто лежит на спине с открытыми глазами. Второй, помоложе, Артур Райт... Вот мы и пришли.

Шериф представляет Дюриэа свидетелям.

— Я попрошу вас рассказать мне все, что вам известно, — обращается к ним Дюриэа усталым голосом. — Рассказывайте в общих чертах, а я буду задавать вам наводящие вопросы. Начнем с вас, мисс Молин.

Нита кивает золотистой головой.

— Я знаю мистера Стирна и мистера Райта, — говорит она. — Я... Мы все трое были друзьями. Они прибыли сюда вчера на яхте. Эддисон говорил мне, что предоставит экипажу увольнительную на двадцать четыре часа, как только они станут на якорь... Послушайте, мне нужно переодеться, я вся дрожу.

— Потерпите еще немного, мисс Молин. В котором часу вы приехали сюда?

— Примерно час назад. Я не знаю который сейчас час. У понтона была пришвартована шлюпка. Я села в нее и приплыла к яхте. На борту никого не было, и я подумала, что все еще спят. Я спустилась в каюту..., и тут же поднялась наверх. Я..., я помню, что меня тошнило и я склонилась над барьером... А потом..., потом я очнулась в шлюпке и увидела этих двух людей...

— Когда вы видели ваших друзей живыми в последний раз?

— Артура я видела два дня назад, а Эддисона вчера утром, в Лос-Анджелесе, перед самым его отплытием. Я отвезла его на своей машине в порт... Я больше не могу оставаться в мокрой одежде!

— Почему вы не отплыли вместе с ним?

— У меня были кое-какие дела... Я должна была сходить к своему парикмахеру... Я уже говорила об этом шерифу!

— В котором часу вы выехали из Лос-Анджелеса?

— Очень рано, около шести часов утра. Дюриза поворачивается к другой молодой женщине:

— Мисс Харплер, а что вам известно обо всем случившемся?

— Ничего.

Шейл обращается к Дюриза:

— Я считаю это издевательством. Почему вы заставляете нас сидеть здесь совершенно мокрыми?

— Расскажите мне быстро все, что вам известно, мистер Шейл.

— Я встал сегодня очень рано и отправился прогуляться по пляжу. Я увидел, как мисс Молин вышла из каюты, подошла к борту яхты, перегнулась через него и свалилась в воду. Я сел в шлюпку и поплыл к яхте, чтобы вытащить ее из воды. Мисс Харплер приплыла к месту падения мисс Молин почти одновременно со мной. Нам удалось вдвоем вытащить мисс Молин в шлюпку. После этого я поднялся на яхту, чтобы предупредить ее друзей, и в каюте обнаружил два трупа. Больше мне ничего не известно.

— Вы живете в Санта-Дельбарре?

— Нет...

Шейл секунду колеблется.

— Я путешествую, разъезжаю, — объясняет он.

— Вы коммивояжер?

— Да.

— На какую фирму вы работаете?

— На «Фрилендер Продактс Компани».

— По какому делу вы приехали в Санта-Дельбарру?

— Бизнес.

— Хорошо. Теперь скажите мне, заметили ли вы пришвартованную шлюпку, когда поднялись на борт «Джипси Квин»?

— Да.

Мисс Молин нетерпеливо обрывает его:

— Это та шлюпка, на которой я приплыла. Вы что, хотите, чтобы мы все сдохли от холода?

— Еще пара вопросов, мисс Молин, и я вас отпущу — успокаивает ее Дюриза. — Яхта приплыла сюда вчера?

— Да.

— Мистер Райт был уже на борту яхты, когда вы подвезли мистера Стирна к яхт-клубу Лос-Анджелеса?

— Нет. Я его не видела, и я не стала его ждать, так как опаздывала к парикмахеру.

— Надеюсь, что вы сможете подтвердить точность ваших показаний?

Девушка меряет его презрительным взглядом:

— Разумеется.

Окружной прокурор поворачивается к женщине в купальнике.

— Как я могу связаться с вами, мисс Харплер? — спрашивает он.

— Вы найдете меня на яхте «Альбатрос».

— А с вами, мисс Молин?

— Я возвращаюсь в Лос-Анджелес.

— Назовите мне ваш адрес.

— Мэплхерст билдинг, квартира шестьсот один. Дюриза поворачивается к Шейлу.

— А с вами? — спрашивает он.

— Я остановился в отеле «Бальбоа», но я уезжаю.

— Но сегодня вы еще будете там?

— Нет, я покидаю эти края.

— Я попрошу вас задержаться по крайней мере на один день.

— Но это стоит денег, а мои средства ограничены.

Дюриза снисходительно улыбается и объясняет:

— Я мог бы попытаться урегулировать этот вопрос с отелем, но городские власти последнее время стали очень прижимистыми. Они утверждают, что мы и так располагаем семейным пансионатом, и не хотят войти в наше положение.

— Вы имеете в виду тюрьму?

— Именно так.

— Вы шутите? Вы серьезно предлагаете мне переселиться в камеру?

Дюриза пожимает плечами:

— Ничего другого не остается, поскольку у вас нет средств на отель. У нас есть боковая пристройка, довольно комфортабельная, предусмотренная как раз для таких случаев. Вы являетесь очень важным свидетелем, и я вынужден задержать вас хотя бы ненадолго, пока следствие не сдвинется с мертвой точки.

— Неужели вы думаете, что, гуляя по пляжу, я смог убить двух человек на яхте?..

— Я вас ни в чем не обвиняю, я только прошу вас задержаться здесь в качестве свидетеля.

Мисс Молин поворачивает к Шейлу свою золотистую головку.

— О Боже! — говорит она. — Не спорьте с этим господином. Я оплачу все расходы за отель. Лучше сходите за бутылкой виски., в баре...

— Здесь нельзя ничего трогать, — сухо предупреждает Дюриза.

Лицо девушки искажается в гримасе.

— Хватит! С меня довольно! — взрывается она. Она кладет руку на застежку-«молнию» своих брюк и добавляет:

— Я раздеваюсь.

Дюриза поспешно встает.

— Хорошо, я закончил, — говорит он. — Можете идти.

Джоан Харплер поворачивается к Ните Молин и предлагает:

— Идемте ко мне на яхту. Я дам вам, во что переодеться.

— Спасибо, с удовольствием.

Джоан с улыбкой поворачивается к Шейлу.

— К сожалению, у меня нет мужской одежды, — говорит она. — А у нас размеры не совпадают...

Шейл смеется.

— Обо мне можете не беспокоиться, — говорит он. — Но в будущем будьте более предусмотрительной.

Глава 3

Выпив кофе, чтобы привести себя в чувство, Френк Дюриза на полной скорости мчится домой.

Он сворачивает на углу авеню налево, чтобы въехать в ворота красивым виражом, но, удивленный, останавливается на развороте, резко тормознув. Возле крыльца дома он видит странный и незнакомый экипаж: к старой колыхаге прицеплен фургон, служащий, по всей вероятности, домом его владельцу.

Дюриза дает задний ход и припарковывает машину у обочины тротуара. Затем он поднимается по ступенькам крыльца, подозрительно косясь на дом на колесах.

Навстречу ему в холл выбегает Милдред.

— Ты уже вернулся, Френк? — спрашивает она. — Догадайся, кто к нам приехал?

— Сдаюсь...

— Это Грэмлс!

Дюриза пожимает плечами. «Грэмлс» ни о чем ему не говорит.

— Да ведь это же мой дед Виггинс! Я рассказывала тебе о нем. Когда мы поженились, он был в Мексике...

Дюриза слышит быстро приближающиеся шаги, и в следующую секунду в холле появляется невысокий пожилой мужчина с живыми глазами, седыми волосами и небольшими усами. Он подходит к Дюриза слегка подпрыгивающей походкой и говорит:

— Сынок, не стоит беспокоиться, хотя мой приезд это действительно дурная новость, но я не собираюсь навязываться вам. Не очень-то любезно с моей стороны свалиться вам на голову в воскресное утро, тем более что Милдред хотела выспаться. Она мне сказала, что накануне вы легли в три часа ночи. Это хорошо. А то я было подумал, что вы оба неженки, во всяком случае ты, сынок. Я вообще-то не очень высокого мнения о прокурорах, но рад, что могу его изменить, и с удовольствием пожму твою руку.

При этих словах маленький старичок хватает Дюриза за руку, пожимает ее и трясет.

— Повернись к свету, чтобы я мог получше разглядеть тебя.

Сквозь очки в стальной оправе на Дюриза испытующе смотрят пронизательные голубые глаза, окруженные сеточкой мелких морщин.

— Вид у тебя исправный, — говорит он. — Ты мне нравишься. Ты уже позавтракал?

— Нет еще, — отвечает Дюриза. — Мы пойдем в молочную. Кухарки по субботам и воскресеньям не бывает.

— Вы будете завтракать со мной, дети мои. Не стоит тратить деньги на плохой завтрак. Хотя я и считаюсь уродом в семье Виггинсов, готовлю я тем не менее хорошо. Пойду приготовлю гренки, а Милдред тем временем сможет посплетничать на мой счет. Я нечто вроде бродяги. Когда завтрак будет готов, я постучу по кастрюле, и вы сразу спускайтесь. Завтрак будет скромным, но вкусным, это я вам обещаю.

Он дарит их улыбкой, поворачивается и исчезает в направлении кухни:

— Итак, что мы будем с ним делать? — спрашивает Дюриза жену.

— Ничего, — отвечает Милдред. — С ним никто и никогда ничего не мог сделать. Гораздо важнее узнать, что он собирается делать с нами. От него всего можно ожидать. Я и не думала, что он когда-нибудь приедет к нам. Он терпеть не может представителей власти и закона.

Глядя на смущенную жену, Дюриза добродушно смеется.

— Что же он такого натворил? — интересуется он.

— О!.. Ничего... Мне кажется, во время «сухого закона» он был бутлегером^[2]. Кроме того, он водится со всяким сбродом. Когда я его видела в последний раз, его лучшим другом был гангстер, совершавший налеты на банки. Грэмпис был от него в восторге. Он говорил, что единственный способ не дать банку ограбить себя — это ограбить его первым. Грэмпис действительно невозможный, но все его любят.

— Мне казалось, что у него в Мексике есть какие-то прииски или шахты?

— Да, но у него их отняли. Ему выплачивают ежегодную компенсацию, и на это он живет. Вообще-то ему плевать на деньги. Послушай, Френки, если он тебе мешает, мы избавимся от него завтра же, потерпи его только сегодня.

— Ну разумеется, ведь это твой дед!

— Да, конечно, но он такой непредсказуемый..., с ним никогда не знаешь, что тебя ждет. Папа рассказывал много разных историй про Грэмпа. Папа был осторожным, рассудительным, и я думаю, что Грэмпа с трудом выносил его... Грэмпа считал, что он пошел в другую родню...

— А где он откопал этот фургон?

— Он сам смастерил его.

— И он много путешествует?

— Лучше спроси, где он только не был. У него есть друзья во всех сорока восьми штатах. Самые разные люди...

Дюриза кладет руку на плечо жены:

— Не волнуйся, дорогая, твой дед очень симпатичный. Только его фургон надо откатить куда-нибудь подальше. Мы предоставим Грэмпу комнату для друзей.

— Нет, он ни за что не расстанется со своим фургоном. Это его дом, его святыня. — Ты уже была внутри?

— Нет, он приехал только полчаса назад, когда я еще спала. Я и так заставила его ждать, пока приводила себя в порядок.

— Я вспомнил, что не брился сегодня.

— Поторопись, Френк, так как у Грэмпа все в руках горит. Скоро он застучит по кастрюле. Дюриза морщится:

— А у меня как раз болит голова. Кроме того, это может не понравиться соседям. Пойди предупреди его, чтобы он этого не делал.

— Я попытаюсь, но вряд ли он меня послушает. Если он что-нибудь решил, то ничто и никто не может его остановить. Он очень упрямый. Ладно, иди брейся, чтобы не опоздать к столу.

Дюриза идет в ванную комнату, принимает две таблетки аспирина, бреется, расчесывает волосы щеткой.

В тот момент, когда он спускается по лестнице, раздается «гонг». Грэмпа стучит оловянной ложкой по сковороде...

Они поднимаются в фургон.

Здесь царят чистота и порядок.

Под старой кофеваркой синее пламя спиртовки. На столе стоят три чашки и три тарелки с ветчиной, взбитой яичницей и тостами.

— Милдред говорит, что ты неважно себя чувствуешь, сынок. У тебя мигрень? Дюриза кивает головой.

— Я вылечу тебя, сынок.

Грэмпис лезет под стол, открывает сундук, достает из него бутылку и наливает в чашку прокурора жидкость золотистого цвета. Он наливает и себе тоже и вопросительно смотрит на Милдред.

— Что это? — спрашивает она.

— Микстура, которая моментально вылечит твоего мужа. Тебе налить?

Она покорно соглашается:

— Давай, Грэмпис.

В то время как Грэмпис убирает бутылку в сундук, Милдред нюхает напиток, и у нее округляются глаза. Дюриза смотрит на нее с беспокойством.

Грэмпис тем временем разливает по чашкам кофе.

— Попробуйте по глотку, прежде чем начать есть. Дюриза берет чашку и отпивает глоток.

— Восхитительно! — говорит он, глядя на Грэмписа с уважением. — Что это?

— Самое лучшее в мире бренди! — заявляет Грэмпис. — Мне прислал его один из моих друзей. У него виноградники на севере Калифорнии, Я направлялся к нему и по дороге заехал к вам. Это очень старая водка, он угощает ею только самых близких друзей.

Дюриза отпивает еще несколько глотков и принимается за яичницу. Его лицо выражает искреннее изумление.

— Это мой собственный рецепт, который я совершенствовал в течение ряда лет, — говорит Грэмпис. — Не правда ли, вкусно, сынок?

— Несравненно! От такой пищи сразу начинаешь приходить в чувство, а сегодня утром мне казалось, что я уже никогда не смогу есть.

— Что же случилось сегодня утром?

— Меня вызвали чуть свет...

Неожиданно Милдред начинает сильно кашлять.

Дюриза умолкает, не понимая, почему жена делает ему этот знак... Кажется, он не сказал ничего предосудительного.

Дед Виггинс ждет продолжения. Он склоняет голову набок, чтобы лучше слышать...

— Почему тебя вызвали ни свет ни заря, сынок?

— Убийство. Двойное убийство. На трупы было страшно смотреть.

— Убийство!..

Глаза Грэмпа блестят за стеклами очков. Его лицо кажется просиявшим.

— Убийство! — с удовольствием повторяет он. Затем поворачивается к Милдред и с упреком замечает:

— И ты мне ничего не сказала!

— Я не думала...

— «Не думала»! Я случайно появился здесь в момент убийства, а ты забываешь сказать мне об этом! Это невообразимо!

Милдред с запозданием объясняет Френку:

— Грэмпа увлекается полицейскими загадками. Грэмпа поднимает вилку вверх, чтобы призвать Бога в свидетели.

— Увлекается... Я вам сейчас продемонстрирую, вы увидите...

Он встает из-за стола, подходит к шкафу и открывает его. Внутри на полках видны кипы книг и журналов.

— Взгляните! — говорит он. — Лучшие детективные романы последнего десятилетия, а здесь вырезки из журнала «Детектив» о реальных преступлениях, которые я досконально изучил. Я вырезаю все статьи, касающиеся одного преступления, и завожу на него «дело». Потом я тщательно все анализирую. Если бы вы знали, сколько раз я распутывал эти дела раньше полиции!

Грэмпа закрывает шкаф и возвращается к столу.

— Итак, сынок, что ты говорил об этом убийстве? Продолжай, пожалуйста.

— Двойное убийство, Грэмпа, во всяком случае двойная смерть, если допустить, что убийца покончил с собой после преступления. Дело кажется очень непростым.

Грэмпа поворачивается к Милдред:

— Ты правильно сделала, что вышла замуж за прокурора. — Затем, обращаясь к Френку, добавляет:

— Я помогу тебе распутать это дело, сынок. Можешь рассчитывать на меня.

— Спасибо, — сухо благодарит Френк, — можете не волноваться, Грэмпа, для этого есть шериф. Грэмпа поднимает руки и глаза к небу.

— Шериф! — говорит он презрительным тоном. — Тоже мне полицейский! Ты когда-нибудь видел, чтобы полиция поймала преступника сама, без помощи доносчика? Тебе повезло, что я здесь!

Милдред смотрит на мужа:

— Пей кофе с бренди, милый, и попроси у Грэмпса добавки. Тебе нужно запастись калориями. Они тебе скоро понадобятся...

Глава 4

Тед Шейл вынимает из своего чемодана спортивную майку и полотняные брюки. Он решил немного пройтись по городу, а затем пообедать.

Перед этим он прополоскал намокшие в соленой воде брюки и сорочку и повесил их сушить над ванной. С них стекает вода, и это действует Теду на нервы. Кроме того, он уверен, что коммерческий директор «Фрилендер Продактс Компани» не будет в восторге от того, что его служащего задержала полиция на Калифорнийском побережье.

В тот момент, когда он уже собирался выходить, в его комнате звонит телефон. Тед снимает трубку. Женский голос спрашивает:

— Мистер Шейл?

— Да.

— Вы не простудились?

— Кто говорит?

— Нита Молин.

— Вы уже обсохли?

— Да. Мисс Харплер одолжила мне свою одежду. У нас оказался один размер.

— Поздравляю вас. Откуда вы звоните?

— Из яхт-клуба. Я думаю, администрация вашего отеля не одобрит, если вы примете женщину в своей комнате, но я знаю один потрясающий бар. Я хочу пригласить вас на коктейль. Вы ведь спасли мне жизнь, не так ли? Вы согласны?

— С удовольствием. Когда?

— Я заеду за вами через десять минут.

— Буду ждать вас внизу.

— Тогда до скорой встречи.

Тед осматривает себя в зеркало, проводит щеткой по волосам, после чего спускается в холл.

Он не дал никаких объяснений служащему, когда вернулся, промокнув до нитки. Сейчас тот с любопытством смотрит на Тед а.

— Все в порядке, мистер Шейл? — спрашивает он.

— Да, все в полном порядке.

— Я думал, что, может быть..., э..., вы...

— Ничего подобного, — говорит Тед, широко улыбаясь.

Он останавливается у входа, всматриваясь в машины. Но ничего подобного он не ожидал: перед ним тормозит великолепный спортивный автомобиль кремового цвета. Прекрасная машина тихонько мурлычет, но стоит только захотеть, как ее мотор взревет на полную мощность.

На Ните Молин полотняные брюки, шелковая блузка и красный жакет с широкими отворотами. Ее волосы зачесаны назад и схвачены лентой на затылке. Эта прическа делает ее еще моложе и естественнее.

Она машет ему рукой и открывает дверцу роскошного лимузина. Тед садится, с удовольствием отмечая ошеломленный вид служащего отеля. Тед подмигивает ему, чем смущает еще больше. Служащему еще никогда не доводилось видеть коммивояжеров, прогуливающихся в мокрой одежде под палящим солнцем и разъезжающих с хорошенькими девицами в машинах, стоящих по меньшей мере пять тысяч долларов.

— Вы не простудились? — спрашивает Нита.

— Нет, мне только пришлось прополоскать одежду. А вы?

— Нет. Джоан Харплер предложила мне рюмку виски. Мне это так понравилось, что я хочу повторить с вами. Кроме того, мне нужно с вами поговорить.

— Я вас слушаю.

— Я хотела сказать, что мне необходимо с кем-то поговорить, так как мои нервы на пределе. Вы понимаете, я ведь обоих хорошо знала..., но лучше не будем об этом! Если я начну ныть, дайте мне оплеуху.

Обещаете?

Тед отрицательно качает головой. Нита хмурит брови.

— Надеюсь, что я не ошиблась в вас, — говорит она. — Когда я завизжала в лодке, вы приказали мне замолчать, но я не могла остановиться, так как это было не в моих силах. Тогда вы ударили меня, и я пришла в чувство. Со мной еще никто так не обращался...

— Мне очень неприятно. Прошу вас забыть об этом.

— Жаль! Я только потому и приехала к вам! Вы ударите меня снова, если я начну визжать?

— Нет.

Нита кажется разочарованной.

— Я мог пойти на это только при исключительных обстоятельствах.

— Ба! Надеюсь, вы возражаете мне только ради приличия. Кроме того, пока рано об этом говорить, так как у меня еще болит челюсть от вашего удара. — Она улыбается и добавляет:

— Само собой разумеется, мистер Шейл, что в баре плачу я.

— Но...

— Никаких «но». А чтобы ваша мужская гордость не страдала от посторонних взглядов, возьмите вот это.

Она сует в руку Теда сложенную бумажку.

— Заберите это, — протестует он. — В конце концов, я не совсем... Она перебивает его:

— Это просто-напросто торговая сделка. Мне нужен галантный рыцарь, а вам нужно встряхнуться.

— Боюсь, что алкоголь не пойдет мне на пользу, если я буду пить в обществе такой красивой девушки, но за ее счет.

— Мистер Шейл, какой-то китаец, имя которого я забыла, сказал, что если человек спасает жизнь другому человеку, то он всю свою жизнь будет должником того, кого он спас, так как не дал ему покончить с существованием, а значит, освободиться, то есть успокоиться навеки. Вы видите, мистер Шейл, что, спасая меня, вы взяли на себя определенные обязательства. Сейчас мне необходимо опереться на чье-либо плечо. Разве вы откажете мне в этом?

— Разумеется, нет, мисс Молин. Хорошо, будь по-вашему, только моя одежда не совсем подходит для посещения модных баров.

— Можете не беспокоиться. Я приглашаю вас в очень дорогой бар, а если у вас есть средства посещать такие места, то никого уже не волнует, что на вас надето. Впрочем, вы одеты не хуже любого голливудского магната. Вас примут за одного из них.

— Может быть, когда-нибудь...

— Действительно, а почему бы и нет? Как вы оказались в этой «Продактс Компани»?

— В силу обстоятельств. Однажды мой компаньон сбежал вместе с кассой... Мне пришлось расплачиваться с долгами.., а потом прикрыть дело из-за нехватки средств. — Тед ненадолго умолкает. — Не знаю, почему я рассказываю вам об этом на трезвую голову. Обычно я открываю свое сердце девушке после третьей рюмки.

— Тогда поспешим наверстать упущенное. Нита сворачивает на широкую аллею, вымощенную гравием, и останавливает машину перед величественным крыльцом. Швейцар в галунах приказывает груму позаботиться о машине.

Нита берет Шейла под руку, и они входят в бар-ресторан, где их встречает вышколенный метрдотель. Ниту здесь знают, и Шейл отмечает, что ему выказывают почтение, так как он составляет «эскорт» молодой особы.

Они устраиваются в небольшом алькове, возвышающемся над пляжем, и любуются бирюзовой гладью океана.

Нита заказывает два фирменных коктейля, которые им приносят в высоких стаканах. Тед поднимает свой стакан и произносит:

— За здоровье мудрого китайца. Они делают несколько глотков, после чего Нита говорит:

— Мне показалось, что вы не воспринимаете всерьез афоризм Сына Неба. Очень жаль, потому что я хотела вас кое о чем попросить, но теперь не осмеливаюсь.

— О чем?

— Об одной вещи.

— Выкладывайте смелее. Разве я не ваш рыцарь? Неожиданно Шейл замечает слезы в глазах своей спутницы. Он берет ее руку и гладит.

— Не могу же я, в самом деле, дать вам здесь пощечину. Сожмите зубы, Нита.

Она делает усилие и берет себя в руки. Затем нагибается к Теду и говорит:

— Мне кажется, что с вами лучше всего говорить прямо, без обиняков.

Шейл кивает.

— Скажите мне, мистер Шейл, что вы делали сегодня утром на пляже?

— Оздоровительная прогулка, свежий воздух...

— А в течение какого времени вы там находились, когда.., когда я упала за борт?

— Около часа.

— Неужели вы ходили по пляжу в течение целого часа?

— Да.

— Вокруг яхт-клуба?

— Да.

— Оттуда вы могли видеть любого, кто бы поднялся на борт «Джипси Квин»?

— Да.

— Мистер Шейл, давайте проясним ситуацию. Ваша фирма занимается производством стройматериалов для отелей. Эддисон Стирн контролировал все крупные отели на побережье. Он говорил мне, что собирается сделать большой заказ. Ваш приезд в Санта-Дельбарру имеет к этому отношение?

— Да.

— Вы видели Стирна?

— Нет.

— Вы поджидали его на пляже?

— Должен признаться, да. Я решил воспользоваться случаем и попытаться счастья.

Нита морщит лобик и задумчиво смотрит в свой стакан:

— И тем не менее вы не заметили, как я поднялась на борт... — Немного помолчав, она поспешно добавляет:

— Я только хочу подвести вас к мысли, что либо ваше внимание временами было рассеянным, либо вы удалялись по пляжу и не всегда могли видеть яхту.

Шейл на минуту задумывается, затем вспоминает:

— Верно. За пятнадцать или двадцать минут до вашего падения в воду я был погружен в созерцание ракушки. Я внимательно изучал ее в течение двух или трех минут.

— И в это время вы совершенно не обращали внимания на яхту?

— Признаться, нет.

— За пятнадцать или двадцать минут до моего появления?

— Да.

Она энергично кивает и говорит:

— Я так и думала. Все сходится. Мне кажется, я вас даже видела. Вы сидели на корточках..., или на коленях..., или просто на песке и что-то держали в руке.

— Я стоял на коленях и рассматривал ракушку. Я не брал ее в руки, потому что внутри был моллюск.

— Но ваша рука была поднята?

— Возможно.

— Да, я точно видела вас... Хотя, конечно, силуэт был расплывчат... В этот момент я гребла от понтона яхт-клуба к яхте.

Тед неожиданно спрашивает:

— Что вы хотите от меня?

— Я хочу знать, какие люди поднимутся на борт яхты в ближайшее время.

— В течение дня?

— Нет, в течение двадцати четырех часов.

— И не больше? — Тед смеется и добавляет:

— Для этого вам нужны сиамские близнецы, которые могли бы сменять друг друга, оставаясь на пляже...

— Когда я была на «Альбатросе» — это яхта мисс Харплер, — я говорила ей об этом. Она готова мне помочь в этом деле. Она сказала, что предоставит вам место на яхте, откуда вы могли бы вести наблюдение.

— Значит, вы ей уже говорили обо мне?

— О! Я только сказала, что есть человек, который мог бы понаблюдать за «Джипси Квин»... Мне было бы интересно узнать, что за люди туда поднимаются и сколько времени там остаются. Мне кажется, что это мисс Харплер посоветовала мне обратиться к вам за помощью.

— Все это очень мило, только вряд ли понравится коммерческому директору «Фрилендер Компани»...

— Но он ведь заинтересован в этом контракте по поставкам? — спрашивает Нита.

— Естественно.

— Какая вам разница, каким путем вы подпишете его?

— Не понимаю.

— Должна вам сказать, мистер Шейл, что я играю не последнюю роль в делах Эддисона Стирна. Я не могу вам это объяснить подробнее, но это так. А поскольку отели Стирна и дальше будут строиться...

— А не мог бы мой директор получить страховку?..

— В любом случае прокурор приказал вам оставаться здесь. Если вы сделаете для меня то, о чем я вас прошу, я обещаю, что у вас будет великолепный контракт. Это вас устраивает?

Шейл на минуту задумывается, — Прокурор приказал мне оставаться в отеле «Бальбоа». Он не поймет, почему я перебрался на «Альбатрос».

— Это неважно. Вы можете позвонить из яхт-клуба в отель и узнать, не оставляли ли для вас чего-либо. Вы можете звонить туда четыре или пять раз в день.

— Но я ведь все равно не знаю людей, которые могут подняться на борт «Джипси Квин». Прикажете их выслеживать?

— Нет. Мне будет достаточно получить от вас описание их примет, узнать, в котором часу они приехали и уехали и не прихватили ли что-нибудь с собой с яхты. У меня есть прекрасный ночной бинокль.

Постарайтесь запомнить этих людей, чтобы позднее вы смогли их узнать.

— И когда начинается вахта?

— Как только вы допьете коктейль. После минутного колебания Шейл кивает:

— Я согласен.

— Bravo! Мы не будем заезжать в ваш отель, а поедем прямо на «Альбатрос».

— Но мне бы хотелось заскочить в свой номер.

— Не стоит. Вас могут выследить и узнать, что вы отправились на «Альбатрос».

— Но я оставил в ванной мокрую одежду. Я хотел отдать ее отутюжить.

— Ну так позвоните в отель, и вам ее выгладят. Я сама им позвоню, пока вы будете расплачиваться.

Она входит в телефонную кабину и прикрывает за собой дверь. Тед делает знак официанту и вынимает из кармана сложенную пятидесятидолларовую купюру.

Глава 5

Джордж В. Хазлит, адвокат и поверенный Эддисона Стирна, преисполнен чувства собственного достоинства, что производит нужное впечатление на всех его клиентов и даже на некоторых коллег.

Он является членом многих профессиональных комитетов и в каждом дает понять, что почитает за честь приносить им в жертву свой труд, свое время и даже самого себя.

Вся эта общественная деятельность создает ему ореол респектабельности, являющейся одним из его основных козырей. Он может безнаказанно позволить себе некоторые вещи, на которые никогда бы не пошли другие адвокаты без огромного риска для своей карьеры.

Время от времени кому-то может показаться, что действия адвоката не совсем вписываются в рамки закона, но клиенты быстро убеждаются в том, что они ошиблись, — ведь это сам Дж. В. Хазлит!

Нелдон Таккер, компаньон Хазлита, сделан из другого теста. Он оппортунист и великолепный актер.

Его главным козырем является голос. Природа наградила его голосовыми связками, позволяющими выразить всю гамму чувств: иронию, недоверчивость, неприятное удивление, сарказм, возмущение, презрение, оскорбленную невинность, поруганную честь — таким искренним тоном, который почти всегда убеждает судей, присяжных и публику.

Надо признать, что к этому стремятся почти все адвокаты, но их игра не всегда удается, так как у них нет чувства меры и они переигрывают, наподобие жалких комедиантов. Другое дело Нелдон Таккер. Он не играет, он живет в своей роли, безошибочно чувствуя все едва уловимые нюансы.

Несмотря на воскресный день, Хазлит сидит в своем директорском кабинете за письменным столом и смотрит на телефон.

Уже в течение часа он терзает диск, каждые две минуты набирая номер. И хотя он, как обычно, держится с достоинством, на его лбу появляется вертикальная морщина.

На город спускаются сумерки, но, несмотря на это, на улице не стихает поток автомобилей, возвращающихся из пригородов.

Телефон Нелдона Таккера по-прежнему не отвечает.

Может быть, Паркер Гиббс уже вернулся домой? Это детектив, которого часто использует фирма. Его жена сказала, что ждет его с минуты на минуту.

Хазлит оставил сообщение в пансионате, где отдыхает его секретарша Этель Данн, с просьбой позвонить ему, как только вернется.

Теперь остается только ждать. Нервы Хазлита напряжены до предела.

И все из-за того, что Эддисон Стирн дал себя убить в воскресенье.

Наконец телефон трещит. Хазлит судорожно хватается трубку, но, скрывая свое нетерпение, старается говорить спокойным тоном:

— Добрый вечер. Хазлит слушает. Это секретарша.

— Вы просили позвонить вам, — говорит она, и в ее голосе слышатся нотки раздражения.

Хазлит неожиданно думает о том, что зарплата секретарши не соответствует стажу ее работы на фирме. Он повышал ей зарплату только один раз за все это время. Надо заняться этим. Недовольная секретарша не способствует процветанию фирмы.

Он отвечает деловым тоном:

— Да, мисс Данн. Речь идет об очень важном деле, и мне необходимо срочно связаться с Нелдоном Таккером. Дома его нет. Может быть, вам что-нибудь известно о его планах на уик-энд?

— Нет, не имею понятия.

Хазлит чувствует, что Этель не терпится поскорее повесить трубку. Наверное, спешит на свидание и в комнату вошла только для того, чтобы переодеться.

Он быстро добавляет:

— Секунду, Этель. Дело очень важное. Подумайте хорошенько и попытайтесь вспомнить, не говорил ли он вам о своих намерениях.

Ответ звучит так быстро, что он понимает: секретарша не намерена внять его просьбе.

— Мне ничего не известно.

— Вы знаете кого-либо из его близких друзей?

— Может быть, Мейнуорингс?

— Вы их знаете?

— Они живут в районе Буэна Виста-авеню, неподалеку от мистера Таккера. Больше я никого не знаю. До свидания.

Хазлит кладет трубку и ищет в телефонном справочнике номер Мейнуорингсов. Он набирает цифры и искренне удивляется, когда тотчас слышит голос: слишком много было за сегодняшний вечер отсутствующих.

— Говорит Джордж Хазлит, — сообщает он. — Я пытаюсь найти моего компаньона Нелдона Таккера и...

— Он здесь, — отвечает женский голос. Хазлит не может скрыть своего изумления.

— Он у вас? — спрашивает он.

— Да. Минутку, сейчас я позову его. Хазлит ждет, затем в трубке слышится голос Таккера:

— Хэлло, Джордж!

По тону, каким Таккер произносит свое восклицание, Хазлит понимает, что он изрядно выпил.

— Нелдон, я в бюро, — говорит он. — По очень важному делу. Вы должны немедленно приехать сюда.

— Не могу, Джордж! Через несколько минут будет подан ужин, а пока я плаваю в коктейлях. Момент выбран неподходящий...

— Немедленно, Нелдон! Дело чрезвычайно важное. Мы можем потерять большие деньги..., около ста миллионов долларов...

— Черт побери! Я прыгаю в машину и лечу...

— Нет, Нелдон. Мне показалось, что вы выпили. Мы не имеем права рисковать. Возьмите такси.

Хазлит кладет трубку, подходит к окну и провожает взглядом проезжающие по улице машины. Он смотрит на часы. Пять минут уйдет на то, чтобы поймать свободное такси, и еще двадцать пять на дорогу. Таккер будет здесь через полчаса.

Телефон снова звонит. На этот раз на другом конце провода Паркер Гиббс.

Сыщик говорит своей обычной скороговоркой:

— Супруга передала мне, что вы просили позвонить вам.

— Вы можете сейчас приехать?

— Что вы имеете в виду под словом «сейчас»?

— Через полчаса.

— Минут через сорок пять, — уточняет Гиббс. — Я только что вернулся с рыбалки, и мне надо переодеться. Что-нибудь важное?

— Да. Я объясню вам при встрече.

— О'кей!

Хазлит достает сигару, усаживается в кресло и погружается в свои мысли. Он почти докуривает сигару, когда до него доносится звук ключа, поворачиваемого в замочной скважине.

Таккер входит в кабинет. Чувствуется, что он выпил, хотя взгляд у него ясный.

«Он стал часто выпивать в последнее время, — думает Хазлит, — и выглядит неряшливо. Придется сделать ему замечание, но в более подходящий момент» — Хэлло, Джордж! — говорит Таккер. Хазлит делает ему знак, чтобы он подошел поближе, и говорит тихим голосом:

— Эддисон Стирн мертв. Таккер высоко поднимает брови:

— Когда это случилось?

— Пройшей ночью, вероятно, но труп обнаружили сегодня утром. Его убили.

— Убили?

— Да.

— Где?

— В Санта-Дельбарре. Вместе с Артуром С.Райтом. Двойное убийство.

— Полиция нашла след?

— Не думаю. По крайней мере, они молчат на этот счет. Впрочем, это их дело, а мы должны подумать о преемнике. Очень деликатный вопрос.

— Почему?

— Вы помните, что два месяца назад я составил завещание Стирна? Согласно этому завещанию, Стирн оставил почти все свое имущество Артуру С.Райту, а также сделал долевым отказ мисс Ните Молин.

— Я не знал таких подробностей. Я знал только, что вы составили завещание, больше ничего.

— Он сделал в завещании уточнение, что если Артур С.Райт умрет раньше мисс Молин, то она становится наследницей всего состояния Стирна.

— Очень предусмотрительно, не так ли?

— О! Мне часто приходилось составлять подобные оговорки в завещаниях. Иногда я даже сам советую это своим клиентам. Я им объясняю, что люди, которым они завещают свое имущество, могут оказаться, например, в одной машине с завещателем и стать жертвами несчастного случая, причем один может пережить другого всего на несколько часов.

— Справедливо, но какое это имеет отношение к настоящему делу?

— Насколько мне известно, — продолжает Хазлит, — пока не установлено, кто из них двоих, Стирн или Райт, умер первым. Но мы должны любой ценой остаться распорядителями имущества Стирна. Если окажется, что Стирн умер первым, то дело дрянь, потому что жена Райта, Пирл Райт, не выносит меня. Однажды Райт признался мне, что, когда он уезжает по делам, он никогда не может дозвониться жене, так как ее не бывает дома. Тогда я посоветовал ему обратиться к частному сыщику и установить за ней слежку. И этот дурак передал ей мои слова!

— Черт побери!

— Вдобавок ко всему я всегда отказывался вести дела мисс Молин. Я не знаю ее. Я считал это разумным на случай, если однажды она и Стирн начнут конфликтовать.

— Вы имеете в виду процесс, связанный с расторжением помолвки, или что-нибудь в этом роде?

— Да. В таком случае она сможет обратиться к услугам своего адвоката, а мы останемся в стороне...

— Кто вам сообщил об убийстве? — спрашивает Таккер.

— Я услышал новость час назад по радио, совершенно случайно. Я тут же попытался связаться с мисс Молин, она живет в Мэплхерст билдинг. Телефонистка сообщила мне, что она выехала рано утром, чтобы присоединиться к друзьям на яхте и отправиться с ними в путешествие.

— О-о! — восклицает Таккер.

— Все это убийственно, — добавляет Хазлит.

— А Гиббс?

— Он сейчас приедет. Мне удалось наконец дозвониться до него. Он был на рыбалке. А тут еще другая история...

— Какая история?

— Стирн заключил контракт о покупке одного нефтеносного участка. Вчера истек срок выплаты денег...

— Он отказался от него?

— Не знаю.

— Кому принадлежит участок?

— Двум бизнесменам, которые его арендуют, фирма именуется «Эуэлл и Филдинг». Стирн намеревался выкупить у них аренду за сто тысяч долларов.

— Он должен был выплатить эту сумму вчера?

— Нет, в течение тридцати дней после заключения контракта.

— А срок заключения оного истек вчера?

— Да. У меня есть на руках копия. Но я знаю, что Стирн собирался выплатить эту сумму. На соседнем участке была обнаружена нефть, но этот факт скрывали от Стирна в надежде, что он не станет заключать контракта. Владельцы соседнего участка договорились с Эуэллом и Филдингом, что выкупят его у них за более высокую цену, чем Стирн, но он узнал об этой махинации.

— Значит, Эуэлл и Филдинг прямо заинтересованы в том, чтобы контракт не был заключен?

— Да, так как они нашли более выгодный для себя вариант. — Таккер на минуту задумывается. — Если Стирн был убит в субботу, — говорит он, — то это дело окончательно запутывается. Интересно, Джордж, кому бы передала мисс Молин управление делами, если бы ее назначили преемницей прав Стирна?

— У нее нет времени искать себе других поверенных. В данный момент только мы можем защитить ее интересы.

— В таком случае я тотчас же принимаюсь за работу, Джордж. Мне придется остаться на ночь, но мне понадобится помощь Этель Данн.

— Она разговаривала по телефону довольно сухо. У меня сложилось впечатление, что она торопилась на свидание.

— Я позвоню ей, — произносит Таккер. — Она не откажет мне.

Таккер пересекает комнату и направляется в свой кабинет.

Некоторое время спустя раздается негромкий стук во входную дверь. Хазлит поднимается с места и идет открывать.

— Входите, Гиббс, — говорит он, — Через минуту я буду в вашем распоряжении. Хазлит входит в кабинет Таккера:

— Что касается контракта, Нелдон, мы должны вставить палку в колеса Эуэлла и Филдинга. Только я не знаю, какую палку. Окончательный срок заключения контракта истек в субботу, в полночь. Воскресенье является официальным выходным днем; хотя в предварительном договоре было оговорено, что срок истекает в субботу, мы могли бы попытаться продлить его с учетом выходного дня, аннулирував эту статью договора через суд, так как она противоречит нашему законодательству.

— Я подумаю над этим, Джордж. Мне нужно досконально изучить все материалы этого дела.

Хазлит возвращается в свой кабинет и жестом приглашает Гиббса занять место в кресле.

Паркер Гиббс — невысокий коренастый человек с костлявым и энергичным лицом, с которого почти никогда не сходит загар из-за постоянного пребывания на свежем воздухе.

Он вопросительно смотрит на Хазлита.

— Гиббс, — говорит Хазлит, — проблема заключается в следующем. Вчера в Санта-Дельбарре на своей яхте «Джипси Квин» убит Эддисон Стирн. Одновременно с ним был убит его молодой помощник, Артур С. Райт.

Гиббс вынимает из кармана записную книжку и быстро делает какие-то пометки. После этого он поднимает глаза на Хазлита и ждет продолжения. Хазлит добавляет:

— Если Стирн умер первым, то все состояние переходит к Артуру Райту. В случае смерти Райта состояние переходит к его наследникам, в данном случае к жене, которая меня не выносит. Вы следите за моей мыслью?

Гиббс кивает.

— С другой стороны, — продолжает Хазлит, — если Райт умер первым, то все состояние Стирна переходит к молодой особе, которую зовут мисс Нита Молин.

Гиббс быстро записывает имя в свою записную книжку.

— Нита Молин проживает в Лос-Анджелесе, в Мэплхерст билдинг, в квартире номер шестьсот один. Сегодня рано утром она выехала куда-то в спортивном автомобиле кремового цвета с номерным знаком восемь-П-тринадцать-тридцать шесть.

Гиббс старательно записывает сообщаемые ему сведения.

— Есть все основания полагать, что она отправилась в Санта-Дельбарру, чтобы присоединиться там к своим друзьям на яхте «Джипси Квин».

Гиббс молча кивает.

— Чтобы защитить имущество Стирна, завтра утром должны быть выполнены некоторые формальности. Мистер Таккер будет работать всю ночь, чтобы подготовить необходимые документы для мисс Молин. Мы хотим, чтобы вы разыскали ее и привезли завтра сюда не позднее восьми утра.

Гиббс делает новую пометку в своей книжке.

— Кроме того, — продолжает Хазлит, — вы должны представить нам доказательство, что Артур С. Райт умер раньше Эддисона Стирна.

— На сколько раньше? — спрашивает Гиббс.

— Не имеет значения, достаточно интервала в одну секунду.

— А если такого доказательства не существует?

— Но вы, Гиббс, должны найти его.

— Прошу вас говорить более прямо, так как я должен знать, что я могу себе позволить. Хазлит с раздражением морщится.

— Хорошо, — говорит он. — В бизнесе главное — результат. Когда кто-то обращается ко мне за помощью, он надеется, что я выиграю процесс, и ему наплевать, какими именно средствами я это сделаю и сколько времени затрачу на подготовку к нему. Ему нужен результат... — И Хазлит добавляет медоточивым тоном:

— Разумеется, мы действуем в высоконравственных интересах...

Гиббс поднимается с кресла.

— О'кей! — говорит он. — Я понял. Я должен представить доказательства того, что Райт умер первым.

Хазлит утвердительно кивает головой.

— Это в интересах нашего клиента, — с достоинством добавляет он.

Глава 6

Нита Молин припарковывает машину у дамбы. Морской прилив сократил поверхность пляжа до такой степени, что между дамбой и океаном осталась лишь узкая полоска мягкого сухого песка. Идущая вдоль пляжа цементная дорога ведет к понтонному мосту яхт-клуба, но доступ в клуб прегражден натянутой веревкой, на которую наталкиваются Тед Шейл и мисс Молин.

Дежурный полицейский интересуется:

— Вы члены клуба?

— Мы хотели бы навестить приятельницу на одной из яхт. Она член клуба, — объясняет Шейл. Полицейский спрашивает его:

— О какой яхте идет речь?

— Об «Альбатросе».

Полицейский достает из кармана лист бумаги и заглядывает в него:

— Как зовут вашу приятельницу? На этот раз отвечает мисс Молин:

— Мисс Харплер, Джоан Харплер. Она нас ждет. Полицейский сверяет имя со своим списком и говорит:

— Хорошо, проходите.

И он снимает с колышка конец веревки, пропуская их.

С моря дует легкий бриз, развевая волосы мисс Молин.

— Я подам ей сигнал, чтобы она приплыла за нами, — говорит Нита Шейлу. — Я вижу шлюпку, пришвартованную к «Альбатросу».

Она достает из сумочки белый носовой платок и машет им над головой. Через минуту на палубе вырисовывается женский силуэт и машет им рукой. В следующее мгновение Джоан Харплер спускается в шлюпку и начинает грести в их направлении.

— Тед Шейл согласен нести вахту на яхте, — говорит Нита. — Вы ничего не имеете против?

Теду кажется, что Джоан немного колеблется с ответом. Однако ее ответ звучит совершенно естественно:

— Разумеется, нет. Милости прошу. Тед садится за весла и гребет в направлении яхты.

— Сегодня утром я уже имела возможность оценить вашу виртуозность, — замечает Джоан.

Шлюпка подплывает к яхте, и Джоан карабкается наверх с ловкостью пантеры. Нита бросает ей трос и поднимается в свою очередь. Тед следует за ней, после чего пришвартовывает шлюпку.

Джоан приводит их в прекрасно оборудованную лоцманскую кабину. В носовой части перед штурвалом расположена полукруглая застекленная площадка для лоцмана. Широкие стекла обеспечивают прекрасный обзор и видимость. Под окнами висят полки, на которых лежат морские карты и другие навигационные предметы.

Тед обнаруживает морской бинокль с широкими стеклами. К биноклю прикреплен ремень, позволяющий повесить его на шею.

Джоан Харплер чувствует себя здесь в своей стихии, подобно людям, предпочитающим свою ореховую скорлупу безграничным просторам Вселенной.

— Усаживайтесь, — предлагает она. — Чувствуйте себя как дома. — Затем, повернувшись к Телу, добавляет:

— Надеюсь, вы не промерзли по дороге в отель, с компрессом на теле?

— Нет, все обошлось, — говорит Тед, — не считая того, что пострадала моя гордость. Когда я появился в таком идиотском виде в холле отеля, служащий из рецепции^[3] просто ошалел.

— Жаль, что у меня не нашлось для вас подходящей одежды.

— В следующий раз, когда я вернусь на побережье, я появлюсь на пляже только в купальных плавках на случай, если снова придется кого-нибудь вылавливать.

Нита Молин грустно улыбается и обращается к Джоан:

— Есть ли какое-нибудь движение на «Джипси Квин»?

— Люди так и снуют взад-вперед, но это все официальные лица с фотоаппаратами, сумками и так далее. Впрочем, пока на борту яхты находятся полицейские, я полагаю, что интересующие вас люди не сунут туда носа, не так ли?

— Да, именно. Когда полицейские уйдут, они все опечатают. Вот тогда и начнется самое интересное. Надеюсь, я не слишком обременяю вас?

— Ничуть.

— Мистер-Шейл сменит вас на посту, — говорит Нита и поворачивается к Теду:

— Вы согласны, мистер Шейл?

Тед утвердительно кивает и усаживается на маленькой площадке перед штурвалом.

В голосе Ниты Молин звучат едва уловимые командные нотки, когда она обращается к Теду.

Тед внимательно изучает бинокль.

— Пока, мистер Шейл, вам необязательно смотреть в оба. Вы должны будете сконцентрировать свое внимание после ухода полиции. — Затем, обращаясь к Джоан, она спрашивает:

— Кто сейчас на борту, мисс Харплер?

— Шериф еще не ушел. Прокурор ушел вскоре после нас и больше не возвращался. Один полицейский ходит взад-вперед. В целом их сейчас на борту около полдюжины.

— Итак, мистер Шейл, ваша задача облегчается, — говорит Нита.

Она делает почти неуловимый знак Джоан, и обе женщины выходят на палубу, а затем спускаются по лестнице во внутреннюю каюту.

Пока их нет, Тед развлекается с биноклем. Он наводит резкость, нацелив бинокль на объект наблюдения. В поле его зрения попадает субъект с кисточкой и коробочкой порошка для снятия отпечатков пальцев. Второй тип с фотоаппаратом усердно снимает все на пленку.

Полчаса спустя обе женщины возвращаются.

— Все в порядке? — спрашивает мисс Молин.

— Ничего интересного. Они снимают отпечатки пальцев.

Нита задумывается и говорит:

— Да, в ближайшее время не произойдет ничего необычного. Я сменю вас, а вы можете пока спуститься вниз и отдохнуть.

— Ваша каюта в носовой части, — сообщает Джоан Харплер, — с левого борта. Вы увидите, там довольно уютно, и вы сможете немного вздремнуть. Я спущусь за вами, когда нам надоест нести караул. А если вам что-нибудь понадобится, то позовите нас.

— Но я чувствую себя вполне бодро, — пытается протестовать Шейл. — Мне вовсе не хочется спать.

— Вам предстоит стоять на вахте всю ночь, — говорит Нита, — поэтому вам необходимо немного поспать сейчас.

В глубине души Тед ничего не имеет против того, чтобы немного расслабиться, поэтому он снимает с шеи бинокль и уходит.

Он обнаруживает, что яхта при ближайшем рассмотрении не такая уж маленькая: есть кухня, большая каюта, туалет, умывальня и, наконец, узкий проход, ведущий в носовую часть. В проход с обеих сторон выходит по одной двери. Тед пытается открыть дверь с правого борта, но она заперта на ключ. Он открывает дверь в свою каюту, расположенную с левого борта. На кушетке приготовлены покрывало и подушка.

Теду не хочется спать, но он знает, что ночь будет длинной и утомительной, поэтому он снимает пиджак и туфли и вытягивается на кушетке.

Он закрывает глаза, и его начинает убаюкивать ритмичный плеск волн, ударяющих в корпус судна.

«Все-таки удивительно, что женщина одна управляет такой посудинной... Она кажется очень уравновешенной как морально, так и физически. Она совсем не похожа на тех герлз, которые поднимаются на яхты только для распутства. Эту влечет только море и простор...

А Нита?.. Славная куколка... В ее очаровательной головке наверняка созревает какой-то план. Ей, видимо, что-то известно, но она не поделилась своими мыслями с «полицейскими». Я уверен, что вся эта история глубоко потрясла ее, хотя, глядя на нее, этого не скажешь... Мне она тоже ничего не рассказывала о том, какие отношения связывали ее с обоими убитыми...

До чего же все-таки успокаивающе действует это легкое покачивание яхты.., и плеск волн... Когда я разбогатею, я непременно куплю себе яхту и буду отдыхать на ней от бизнеса... Но ведь даже небольшая яхта стоит бешеные бабки... Везет некоторым...

Еще вчера я и не мечтал, что окажусь сегодня вечером на яхте в обществе двух очаровательных герлз, такие милашки...»

Тед Шейл неожиданно просыпается. Он понимает, что проспал довольно долго, так как солнце, лучи которого проникают в каюту через иллюминатор, переместилось на запад. Нечего сказать, сиеста затянулась...

Тед лениво потягивается на кушетке. Сон окончательно рассеивается под урчание мотора... Откуда этот гул?

Плеск волн тоже куда-то исчез. Вместо него слышится звук, напоминающий о разрезании ткани ножницами... И откуда эта вибрация, это непрерывное сотрясение?

Тед пытается сосредоточиться, чтобы понять, в чем дело.

Солнечные лучи тоже непрерывно перемещаются: они то поднимаются и некоторое время висят в воздухе, под потолком, то опускаются на перегородку.

Когда Теду удается окончательно стряхнуть анестезию необычной смеси, он осознает, что яхта идет полным ходом... Он слышит гул мощного мотора, плеск водной глади, раздвигаемой форштевнем.

Тед вскакивает с кушетки, подбегает к двери и с силой дергает ее за ручку.

Ручка поворачивается, но дверь не открывается.

Дверь заперта на ключ.

Тед Шейл чувствует себя зверем, посаженным в клетку.

Глава 7

На острове Каталина на берегу моря стоит небольшой коттедж. Его настежь открытые окна выходят на бухту.

За коттеджем на фоне голубого неба вырисовываются силуэты гор.

Коттедж сдается летом любителям морских путешествий и рыбной ловли.

Пол покрыт шероховатым ковром с широким стежком. К коврику не прилипает песок, осыпавшийся с голых ног или сандалий.

Пирл Райт и ее брат сидят на ивовом канапе в салоне.

Солнце только что зашло за горизонт, и на землю опустилась ночная мгла.

Ни единого дуновения ветра. Океан безмятежно спокоен. По бульвару, тянущемуся вдоль дамбы, не спеша прогуливаются отдыхающие.

Комнаты коттеджа постепенно погружаются во мрак, но пока еще лица беседующих различимы.

Пирл Райт в свои тридцать лет сохраняет всю красоту молодости. У нее черные блестящие глаза, свидетельствующие об эмоциональном темпераменте, и короткий носик, признак эмоциональной неуравновешенности. Ее манера высоко держать голову, выдвинув вперед подбородок, говорит о свободолюбивом и независимом нраве.

Уоррен Хилберс моложе сестры на четыре года. Его внешность свидетельствует об уравновешенном характере. Высокий лоб, темные волнистые волосы, прямой нос и глубоко посаженные глаза выдают в нем человека вдумчивого, склонного к анализу.

У него чувственный рот, глубокий, хорошо поставленный голос.

— Я не понимаю, почему ты передумала, — говорит он.

Пирл отвечает ему с поспешностью людей, которым свойственно думать и говорить одновременно и у которых иногда слова не успевают за мыслями.

— Мне все это осточертело. Мне плевать, увижу я его еще или не увижу. Мне нужно все или ничего. Мне кажется, теперь уже ничего не поправишь. Пусть он делает, что хочет. Взять хотя бы этот

таинственный круиз... Еще вчера я мучилась ревностью, а сегодня мне наплевать.

— Тогда почему ты хочешь, чтобы я... Он не договорил, так как заметил молодого парня, поставившего свой велосипед перед дверью коттеджа. Уоррен подходит к двери и открывает ее.

— В чем дело? — спрашивает он.

— Я из почтового отделения, — говорит парень, — даму, которая здесь живет, вызывают на переговоры.

— Тебе не сказали ее имени?

— Нет, только адрес.

Уоррен Хилберс секунду колеблется, затем достает из кармана монету и протягивает ее юноше.

— Спасибо, малыш.

— А дама придет на почту? — спрашивает тот. Уоррен снова колеблется, прежде чем ответить. Из комнаты раздается голос Пирл Райт:

— Да, я приду.

Парень садится на свой велосипед и уезжает. Брат и сестра заинтригованно смотрят друг на друга.

— Только одному человеку известно, что ты здесь, — говорит Уоррен. — Что ты будешь делать, если он тебе скажет, что воспользовался револьвером после всего того, что ты ему наговорила? В некотором смысле он переложит на тебя часть ответственности...

— Я сомневаюсь, что это Артур, — быстро отвечает Пирл. — Пошли, узнаем, кто это.

Почта находится в каких-нибудь ста метрах от коттеджа. Телефонистка указывает им на кабину.

— Садитесь, — говорит она. — Я вызову вашего корреспондента.

Через минуту в кабине раздается звонок. Пирл снимает трубку. Нита Молин спрашивает на другом конце провода:

— Пирл, ты узнаешь меня?

— Я не совсем уверена...

Голос на другом конце провода быстро добавляет:

— Пирл, я звоню из Санта-Дельбарры. Случилось нечто ужасное. Немедленно покидай остров и возвращайся домой. Когда ты уезжала в субботу, ты оставила дома записку? Записку для Артура?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь и почему ты мне звонишь...

— Оставь препирательства, Пирл. Ты оставила записку Артуру?

— Да, но...

— Быстро возвращайся домой и уничтожь ее. Никому не говори, что я звонила тебе, это в твоих же интересах.

В трубке раздается щелчок. Пирл Райт в свою очередь вешает трубку и выходит из кабины. На улице Уоррен спрашивает ее:

— Кто звонил?

— Нита Молин. Мне нужно немедленно вернуться в Лос-Анджелес.

— Почему?

— Потому что я оставила дома записку для Артура, в которой я сообщаю ему, что уйду от него. Кажется, случилось что-то серьезное. Мне нужно уничтожить эту записку.

Уоррен задумчиво смотрит на сестру.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Она сказала только, что случилось нечто ужасное, и повесила трубку.

— Пирл, ты думаешь, Артур передал Стирну твои слова о...

— Мне плевать на это... И не пытайся вызвать у меня комплекс вины. Ты должен верить мне, Уоррен, и помочь.

— Ты же знаешь меня, Пирл! Жаль только, что Нита не уточнила, в чем дело. Когда мы едем?

— Сейчас же.

— О'кей! Катер готов. Мы помчимся быстрее молнии.

Глава 8

Паркер Гиббс — человек очень точный. Если бы он не был сыщиком, то был бы фабрикантом и наверняка изготавливал бы точные измерительные приборы. А если бы он стал художником, то только реалистом, тщательно выписывая детали и точно воспроизводя изображаемый предмет. Из него никогда бы не получился художник-импрессионист: для этого у него бы не хватило воображения.

Гиббс в кратчайший срок покрыл на своем автомобиле дистанцию Лос-Анджелес — Санта-Дельбарра. Менее чем за два часа он собрал об убийстве почти всю информацию, которой располагала полиция. Благодаря чаевым он получил даже снимки, сделанные сотрудниками шерифа на борту «Джипси Квин».

На этих снимках Стирн лежит на спине, а Райт — у него в ногах, причем плечи Райта лежат на ногах Стирна.

Гиббс тщательно изучил снимки, вооружившись лупой, так что каждая деталь запечатлена теперь в его памяти.

Положение трупов ясно говорит о том, что Стирн убит первым, а Райт, убитый после него, упал на его ноги.

Неподалеку от Стирна, на небольшом столике, Гиббс заметил пишущую машинку. Любопытно, печатал ли Стирн что-нибудь на ней в тот момент, когда его убили?

Снимки были сделаны при помощи фотовспышки, поэтому они не очень четкие. Пишущая машинка стояла в затемненном углу, тем не менее Гиббсу удалось определить ее модель: свои рапорты он печатает на точно такой же портативной машинке.

Теперь Гиббсу предстояло разыскать Ниту Молин. Он узнал, что мисс Джоан Харплер, владелица яхты «Альбатрос», одолжила Ните свою одежду, точным описанием которой Гиббс уже располагал. Кроме того, Хазлит сообщил ему номерной знак спортивной машины девушки. Гиббс решил начать поиски с общественных стоянок и гаражей.

Ни в одном из гаражей Санта-Дельбарры машины Ниты Молин не оказалось.

Обойдя все отели города, Гиббс узнал, что ни в одном из них Нита Молин не останавливалась.

Гиббс топчется на месте, и его терзает мысль о том, что ему платят лишь за конкретные результаты...

Прежде всего необходимо выяснить, не остановилась ли Нита Молин в одном из отелей под вымышленным именем.

Гиббс готов потратить всю ночь на поиски. Он решает снять комнату в отеле «Бальбоа», в котором останавливаются в основном коммерсанты.

Заполнив регистрационную карточку и подняв багаж в номер, он спускается в холл и с задумчивым видом прислоняется к стойке рецепции.

— Я могу быть вам чем-нибудь полезен? — спрашивает служащий.

— Видите ли, я пытаюсь разыскать одну молодую особу, очень красивую, с пышными золотистыми волосами. На ней шелковая блузка и красный спортивный жакет с широкими отворотами. У нее прекрасное спортивное авто бежевого цвета с номерным знаком восемь-П-тринадцать-тридцать шесть. Вы никого не знаете, кто бы отвечал этому описанию?

— Я видел ее сегодня утром, около одиннадцати часов.

Гиббс остается непроницаемым.

— Она приходила сюда навестить кого-нибудь?

— Нет. Она даже не входила в холл. Она подцепила одного из наших клиентов, некоего Теодора Шейла, заезжала за ним. Он ждал ее у входа. Странный парень этот Шейл., впрочем, я не должен говорить ничего плохого о наших клиентах...

— Ба! — восклицает Гиббс. — В такое время можно себе позволить немного поболтать. Шейл — это тот парень, который сегодня утром занимался спасением?

Глаза служащего загораются любопытством — Я не в курсе, — признается он. — А в чем дело?

Гиббс небрежно отвечает:

— Я сам точно не знаю, но говорят, что он прыгнул в воду со шлюпки, чтобы спасти девушку, упавшую с палубы яхты.

— Это наверняка он, — уверяет служащий. — Сегодня утром он вернулся промокший до нитки, но он ничего не рассказывал о том, что

с ним произошло.

— Значит, он уехал в машине этой блондинки, которую я разыскиваю?

— Да.

— Вы не знаете, куда они поехали?

— Нет. Впрочем, Шейл до сих пор не вернулся. — Служащий подмигивает Гиббсу и говорит, хихикая:

— Если бы такая красотка пригласила меня покататься в ее автомобиле, я бы тоже не спешил возвращаться.

— Шейл..., это имя мне о чем-то говорит. Где-то я встречал этого парня... Блондин, немного сутулится...

— Нет, этот Шейл брюнет, с черными волнистыми волосами, широкоплечий, атлетического сложения. Он был в полотняных брюках и спортивной сорочке. Около полудня он позвонил и попросил отутюжить его костюм.

— Нет, этого Шейла я не знаю, — говорит Гиббс. — Чем он занимается?

— Он коммивояжер, у него льготный тариф. Секунду, я сейчас проверю. Да, точно, он представляет «Фрилендер Продактс Компани».

— Нет, тот Шейл, которого я знал, был страховым агентом... О'кей, я пройдуь немного перед сном, а то меня мучает бессонница. Я засыпаю только под утро. Это скверно.

— Я вас понимаю. Когда у меня заканчивается неделя ночной смены и я заступаю в дневную, мой сон летит к чертям в течение двух первых дней.

Гиббс сочувственно кивает и выходит на улицу.

С минуту он неподвижно стоит на тротуаре, как бы решая, в какую сторону ему направиться, затем идет налево.

Неподалеку, на площади, он припарковал свою машину. Он садится за руль и, прежде чем тронуться с места, еще раз обдумывает свой план.

Кое-какие детали уже прояснились. Он знает, что окружной прокурор задержал Шейла в Санта-Дельбарре, поэтому молодой человек вряд ли нарушит запрет прокурора покинуть город. Это было бы для него слишком рискованно. Значит, он в городе.

Кроме того, все говорит о том, что он пребывает в обществе Ниты Молин.

Это упрощает поиски. Гораздо легче напасть на след парочки, чем одной девушки, тем более что Шейл может быть только в городе или его окрестностях.

В Санта-Дельбарре имеется три ночных заведения. Гиббс поочередно посещает каждое из них, но безрезультатно.

Гиббс знает о существовании четырех или пяти загородных ресторанов, открытых до четырех часов утра. Ему понадобится больше часа, чтобы посетить их.

Следуя логике, Гиббс понимает, что он должен это сделать, но инстинкт детектива подсказывает ему направить свои поиски по другому следу.

«Любопытно было бы поговорить с хозяйкой „Альбатроса“. — думает он про себя. — Может быть, Нита Молин уже вернула ей ее одежду? Во всяком случае, я не должен пренебрегать шансом заполучить более свежую информацию.

Однако как вытащить ее из постели в такое время? Она способна выкинуть меня за борт... Действительно, это противоречит правилам приличия.

«Приличие! — скажет Хазлит. — Разве я вам плачу за приличие?»

О Господи, придется идти и забыть о всяком приличии...»

И Гиббс направляется в сторону яхт-клуба.

Он припарковывает машину и идет к понтонному мосту. Ему преграждает путь полицейский.

— Старина, здесь запрещено ловить креветок, — говорит он.

— Я возвращаюсь на яхту.

— Вы член клуба?

— Да.

— Покажите карточку.

Гиббс опускает руку в карман, вынимает бумажник и начинает в нем рыться.

— У вас не будет фонарика? — спрашивает он, — Ладно, проходите, — говорит полицейский. — Дело в том, что я получил приказ не пропускать посторонних. Вы с какой яхты?

— С «Альбатроса», с яхты мисс Харплер.

— С «Альбатроса»?

— Да.

— Ее нет. Яхта ушла в море. Гиббс ошеломлен.

Полицейский делает жест в сторону моря и черной дали:

— Яхта неожиданно снялась с якоря, оставив на берегу одну очаровательную блондинку. Она устроила здесь целый скандал!

— Я как раз разыскиваю эту блондинку. Вы не могли бы описать ее?

— Я сам ее не видел, но мне говорил о ней коллега, которого я сменил на дежурстве. Она произвела на него сильное впечатление. Красивая блондинка, на ней был красный спортивный жакет и брюки. Она очень огорчилась, что яхта ушла без нее.

Гиббс спрашивает с надеждой:

— Вы не знаете, где бы я мог ее найти?

— Не имею представления.

— А коллега, которого вы сменили, не мог бы мне помочь? Как его зовут?

— Нет, оставьте его в покое. Он заслужил немного сна. Чем неприятна наша работа, так это тем, что после дежурства, когда кажется, что ты можешь отдохнуть, с тебя требуют бесконечные рапорты, ты должен отвечать на тысячу вопросов разных людей: прокурора, комиссара, следователя, судей, а на процессах — еще и этих мошенников-адвокатов...

— В котором часу вы сменили своего коллегу? — спрашивает Гиббс.

— В десять часов вечера.

— Он не сказал, в какое время приходила эта блондинка?

— Вскоре после того, как он заступил на дежурство, за час до захода солнца.

— А когда снялась с якоря яхта?

— Точно не знаю. Я знаю только, что это было во второй половине дня.

Полицейский понижает голос и добавляет конфиденциальным тоном:

— Вы знаете, все владельцы яхт немного чокнутые. Они живут не как все люди, а по каким-то своим законам. Ночью они не спят, а бузят на своих баркасах, а потом спят целый день. Их посудина стоит почти все время на якорю. Зачем, спрашивается, она им в таком случае нужна? Если бы у меня была яхта, я бы, по крайней мере, рыбачил на ней.

— Может быть, им нравится спать на воде, — говорит Гиббс, смеясь.

— Вероятно. Что же касается загара, то этим можно заниматься и на суше.

— Да, но, может быть, это не столь комфортабельно.

— Вы хотите сказать, что на яхте они могут позволить себе загорать нагишом?

Гиббс смеется над таким поворотом мыслей и заканчивает свое интервью.

— Всего хорошего, — говорит он.

Гиббс направляется к своей машине, пытаясь решить поставленную перед ним задачу: что предпримет молодая женщина, чтобы разыскать яхту, оставившую порт за два часа до ее прихода? «Она возьмет напрокат быстроходный катер», — думает Гиббс, но потом отгоняет эту мысль, так как у девушки в распоряжении не так уж много времени до наступления темноты.

Если она умная — а, кажется, она неглупа, — то она возьмет напрокат самолет, а именно гидросамолет. Остается узнать, где можно взять самолет на этом пляже.

Гиббс выясняет это скорее, чем рассчитывал. Сторож муниципального аэродрома дает ему нужный телефон. Снявший трубку человек не выражает восторга от того, что его разбудили среди ночи, чтобы получить информацию. Тем не менее Гиббс извлекает из него необходимые сведения.

Да, сегодня днем молодая женщина, описание которой соответствует тому, которое указал Гиббс, наняла его гидросамолет. До захода солнца оставалось всего полчаса. Нет, у нее не было определенной цели, она просто хотела полетать, покружить над морем и полюбоваться сверху закатом солнца. Да, временами она просила его лететь очень низко, над самыми волнами. Да, он заметил в море яхту, которая направлялась в сторону Санта-Дельбарры. Нет, он не знает, куда отправилась девушка после воздушного путешествия. Она заплатила за развлечение и уехала в своей машине. Да, это была спортивная машина кремового цвета. Нет, молодого человека в машине не было.

Гиббс благодарит своего собеседника и еще раз извиняется за поздний звонок.

После этого он возвращается в свою машину и снова отправляется в сторону порта.

Он не потратил времени впустую: он получил ценную информацию. Значит, в тот момент, когда Нита Молин летала над волнами, яхта направлялась в Санта-Дельбарру...

Подъехав к дамбе, Гиббс припарковывает машину и ждет. В настоящий момент ему не остается ничего другого, как запастись терпением. Он достает сигарету и закуривает.

Внезапно луч прожектора освещает рейд, и Гиббс различает на фоне черной воды приближающиеся зеленые и красные огни. Яхта плавно скользит по воде в поисках бакена для швартовки.

Яхта подходит ближе, и Гиббс замечает на палубе силуэт в белой одежде, склонившийся над водой с электрическим фонарем в руке. Пучок света направляется на бакен швартовки и якорную цепь, которую белый силуэт зацепляет крюком. Слышится гудение небольшой электролебедки, и через несколько секунд габаритные огни гаснут.

Гиббс выходит из машины и идет в сторону яхт-клуба, к месту, где стоит на вахте полицейский. Сделав несколько шагов, он останавливается, решив подождать, не сойдет ли кто-либо с яхты на берег.

Несколько минут спустя к дамбе подъезжает автомобиль с включенными фарами. Машина поворачивает к дамбе на таком вираже, что шины визжат от возмущения. Затем машина останавливается рядом с машиной Гиббса.

Из машины выходит молодая женщина в брюках, шелковой блузке, спортивном жакете красного цвета и кроссовках.

Гиббс идет к ней навстречу и приподнимает шляпу.

— Добрый вечер, мисс Молин, — говорит он. — Я ищу вас уже несколько часов.

Девушка с удивлением смотрит на него. Ее красивое лицо выражает тревогу:

— Что вы хотите?

— Один мой друг очень хотел бы вас видеть.

— Очень мило с его стороны.

— Речь идет о поверенном в делах.

— И что это означает?

— Эддисон Стирн был очень богат.

— Не знаю. Я не читаю газет.

— Вы будете наследницей всего его состояния.

— Кто вам это сказал?

— Некто, кого это очень интересует. Нита Молин смеется.

— Вас не просто сбить с толку, — говорит Гиббс.

— Я исхожу из принципа, что все люди несут вздор.

— А если я вам докажу, что это не вздор?

— Я заплачу от счастья. Гиббс пожимает плечами:

— Давайте поговорим серьезно, мисс Молин. Эддисон Стирн оставил завещание, согласно которому Артур Райт является его душеприказчиком и наследует большую часть его состояния. Но в завещании оговаривается, что если Артур Райт умрет раньше Стирна, то все состояние Стирна переходит к вам.

Следует продолжительная пауза. Нита Молин, склонив голову, разглядывает носы своих белых кроссовок.

— У меня уже есть адвокат, — наконец говорит она. — Я не вижу необходимости брать другого.

— Сейчас вам необходим только один адвокат — это Джордж В. Хазлит.

— Он вел дела Эддисона Стирна.

— Именно так.

— Он меня ненавидит. Ему всегда казалось, что я любым способом обчищу Эддисона. Как-то Эддисон отправил меня к нему за консультацией и., но я не хочу говорить с вами о своих делах!

— Я уже в курсе всех дел, — возражает Гиббс. — Вы не скажете мне ничего нового. А вот у меня кое-что для вас есть. — Гиббс подходит ближе к Ните и продолжает, понизив голос:

— Если первым умирает Райт, то вы наследуете все состояние. Если первым умирает Стирн, вам нужно потуже затянуть пояс. Вы поняли? Если жена Райта начнет сейчас хлопотать, она получит все наследство. Но если мы опередим ее, пусть она потом бегаёт по судам и доказывает свою правоту.

— Хорошо, я передам это моему адвокату. Я не знаю метра Хазлита.

— Не глумитесь, — спокойно говорит Гиббс. — У вас нет времени менять лошадей, а в данный момент на вас работает лошадь Хазлита.

Сам он тоже трудится всю ночь над бумагами вместе с Таккером, чтобы утром передать все документы, кому следует. Ваш адвокат на данном этапе бессилён защитить ваши интересы. Итак, вы хотите заполучить деньги Стирна или нет?

Нита на минуту задумывается и отвечает:

— О'кей! Я загляну в Хазлиту завтра утром.

— Нет, мы едем сейчас же.

— К чему такая спешка?

— Он должен получить от вас некоторые сведения, чтобы...

— Я не могу поехать сейчас: У меня свидание.

— С яхтой, которая только что причалила?

— Откуда вы знаете?

— Я знаю все, что вы предприняли, чтобы найти ее в море. Вы взяли напрокат гидросамолет, не так ли? А когда вы увидели, что она возвращается в Санта-Дельбарру, то поняли, что опоздали.

По выражению ее лица Гиббс видит, что она удивлена и немного напугана.

Он продолжает:

— Надо отдать должное вашей находчивости и предприимчивости, однако не следует пренебрегать советами Хазлита. Пока вы не зашли слишком далеко..

— Я не зайду слишком далеко.

— Это вам только так кажется.

— Я оставила свою одежду на борту этой яхты.

— Бог с ней, с яхтой, она вам не нужна.

— Почему?

Гиббс решает рискнуть, не зная брода.

— Потому что независимо от того, где была яхта, эта прогулка связана с тем путешествием, в которое Стирн собирался отправиться сегодня днем. Либо это связано с убийством Эддисона Стирна. Поэтому не стоит вам вмешиваться в жизнь этой яхты... — Гиббс закуривает сигарету и заканчивает свою мысль:

— Послушайте моего совета. Садитесь за руль своей великолепной машины, я сяду на сиденье рядом с вами, и мы отправимся напрямик в Лос-Анджелес.

Нита внимательно вглядывается в лицо мужчины: орлиный нос, мощная челюсть, выдающиеся скулы.

— О'кей! — неожиданно соглашается она. — Вы выиграли. Вы остановились в отеле?

— Да.

— В каком?

— «Бальбоа».

— Вы детектив?

— Да.

— Хазлит нанял вас?

— Я не имею права говорить о своих клиентах. Таково правило.

— Вы будете преследовать меня повсюду?

— Я еду с вами в Лос-Анджелес.

— Это все, что вам от меня нужно?

— Да.

— Вот что я вам предлагаю: берите свою машину и возвращайтесь в «Бальбоа». Я приеду за вами в три часа ночи. В Лос-Анджелесе мы будем как раз вовремя, чтобы подписать документы.

Гиббс отрицательно качает головой.

— Как хотите, — говорит Нита, — либо так, либо никак.

— Вы можете забыть об этом.

— Даю вам честное слово.

Гиббс недоволен, он колеблется. Неожиданно Нита выходит из себя.

— Вам не удастся давить на меня, — говорит она. — Если вы не верите, что я приеду за вами в три часа, чтобы вместе поехать к Хазлиту, то я обойдусь и без вас, и без Хазлита, и без его компаньона.

И можете ему передать, что я чихала на него и на его фирму.

— Но у меня нет гарантии, что вы сдержите слово.

Она смотрит ему прямо в глаза и говорит:

— Ну и что?

Гиббсу ничего не остается, как согласиться.

— О'кей! Надеюсь, что у вас не семь пятниц на неделе.

— Если вы попытаетесь установить за мной слежку, я отказываюсь иметь с вами дело. Понятно?

Гиббс — хороший психолог, он разбирается в людях. Он знает, что порой надо рисковать, когда двойная игра не проходит. Есть люди, с которыми нельзя блефовать. Тем не менее он делает последнюю попытку:

— Если бы вы позволили мне следовать за вами, но я мог бы быть вам полезен. Вам наверняка понадобится свидетель, который сможет подтвердить ваши слова или действия.

Нита отвечает ему категоричным отказом.

— Нет, — говорит она. — Я могу сама постоять за себя. Возвращайтесь в отель, в три часа я заеду за вами. Это все.

Гиббс забирается в свою машину, включает сцепление и трогается с места.

Прежде чем повернуть налево, он смотрит в зеркало и видит тонкий силуэт девушки, машущей ему рукой. Ее прощальный жест кажется ему торжествующим, но вместе с тем дружеским и искренним.

Вернувшись в отель, Гиббс поднимается в свою комнату. Чтобы убить время в ожидании назначенного часа, он решает составить отчет для Хазлита, в котором он сообщит своему клиенту, как ему удалось отыскать Ниту Молин, подчеркнув при этом свое упорство в достижении цели, условие, которое она ему поставила, и причину, по которой он вынужден был его принять.

Гиббс уверен в том, что мисс Молин сдержит свое обещание, хотя поклясться в этом не может. Он сделал все возможное для того, чтобы разыскать ее и привезти к Хазлиту.

Гиббс снимает крышку со своей портативной пишущей машинки и устанавливает ее. Машинка в прекрасном состоянии. Накануне Гиббс вставил новую ленту.

Прежде чем вставить бумагу и копирку, Гиббс нажимает на клавиши, чтобы удостовериться в том, что каретка разблокирована и нормально передвигается. Он нажимает на букву «ж», и она отпечатывается на валике.

Гиббс задумчиво смотрит на новый валик машинки. Его осеняет великолепная мысль. Он медленно нажимает на клавиши, пока на валике не отпечатывается фраза: «Артур мертв. Меня тоже достали. Я больше не могу».

Гиббс критически всматривается в свое словотворчество. Простенько, но мило... Хорошему адвокату ничего не стоит обстряпать с этим данное дело.

Теперь надо поспешить, пока полиция окончательно не вычистила «Джипси Квин».

Решительным жестом Гиббс фиксирует каретку, ставит на место крышку, поднимается со стула, берет машинку за ручку и подходит к двери. Прежде чем погасить электричество, он смотрит на свои наручные часы.

Стрелки показывают двенадцать часов двадцать минут.

Глава 9

Джек Эуэлл — мужчина среднего возраста, любящий хорошо поесть и выпить и пренебрегающий физическими упражнениями.

Он держится с некоторой импозантностью даже в этот ранний утренний час, когда приходит в свое бюро. Часы показывают только пятнадцать минут восьмого.

Эуэлл открывает ключом застекленную дверь, выходящую на лестничную площадку. Над дверью висит табличка с названием фирмы: «Эуэлл и Филдинг. Нефтяные концессии».

Он снимает шляпу и пиджак, подходит к окну и опускает жалюзи, чтобы укрыться за ними от теплого утреннего солнца.

Эуэлл садится в кресло и разворачивает газету. Он пытается сосредоточить свое внимание на результатах скачек, но всякий раз, когда слышит шум на лестничной клетке, поднимает голову и пытается угадать его происхождение.

В семь часов тридцать две минуты в его кабинете раздается телефонный звонок. Эуэлл снимает трубку и слышит на другом конце провода голос Филдинга:

— Я только хотел удостовериться, что ты на месте, Джек. Есть новости?

— Нет, почта еще не пришла. Филдинг чертыхается и говорит:

— Представляю, как это ожидание действует тебе на нервы. Адвокат сказал, что мы можем быть спокойны только в том случае, если письмо не придет. Я не думаю, что Стирн успел отправить его в субботу. Более того, я абсолютно уверен в обратном, поэтому я договорился пообедать с друзьями.

— Я не совсем в этом уверен, Нед. Скорее бы пришел почтальон! Я состарился на десять лет за двадцать минут ожидания. Старик Стирн обожал играть с людьми, как кошка с мышью. Кроме того, у него толковые адвокаты. Он всегда знал, как получить то, что ему нужно. Ты придешь?

— Я буду через четверть часа. Я загляну в бистро выпить чашку кофе.

— Мы договорились, что ты придешь сюда в семь пятнадцать.

— Да, но я проспал, Джек. Мой будильник не прозвонил: я забыл его вчера завести. А так как я допоздна беседовал с адвокатом...

— Кончай треп, Нед. Глотай кофе и мчись сюда. Эуэлл вешает трубку и погружается в новости ипподромной жизни.

Ознакомившись с прогнозом на предстоящие скачки, он складывает газету. Его взгляд падает на заголовки первой страницы. Несмотря на свой тяжелый вес, он подсакивает, как мяч, на кожаном кресле. Его челюсть отвисает. Он лихорадочно читает статью, заголовок которой так его потряс, затем хватает телефонную трубку. Он так взволнован, что ему удается набрать номер только с третьего раза. Наконец он слышит голос Филдинга:

— Хэлло!

— Хэлло, Нед!

— Так-так, — говорит Филдинг с раздражением. — Играешь в детектива? Шпионишь за мной? Ну что, ты доволен? Да, я не в бистро, а дома, ну и что из того? Вчера я перебрал и сегодня проспал...

— Заткнись, Нед, — рычит Эуэлл в трубку. — Послушай меня. Быстро выйди на улицу, не бреясь, и купи какую-нибудь газету.

— Зачем? Что там такое?

— Кто-то пристукнул старика на его яхте в Санта-Дельбарре. Вчера на яхте были обнаружены два трупа, его и Артура Райта. Полиция пока не нашла на след. Это произошло в субботу, но в котором часу, неизвестно. Понятно?

Филдинг протяжно свистит:

— Предположим, что он умер до полуночи. Что нам это дает?

— Не знаю. Пусть этим занимаются адвокаты. Во всяком случае, трупы не подписывают купчих, а это главное.

— Да, но он мог подписать раньше...

— Давай, Нед, быстро одевайся и приезжай сюда!

— О'кей, Джек, я мигом!

Едва Эуэлл кладет трубку, как на лестничной клетке раздаются шаги, и в следующую секунду в почтовый ящик падает пакет.

Эуэлл встает с кресла и, подождав, когда почтальон удалится, подходит к двери.

Он достает из ящика пакет и кладет его на стол секретарши. Затем вынимает из пакета конверты и быстро просматривает адреса

отправителей. Когда он берет в руки последний конверт, улыбка исчезает с его лица.

Несколько секунд он пристально всматривается в имя отправителя: Эддисон Стирн. Затем он изучает почтовый штемпель: Санта-Дельбарра, Калифорния, дата и время отправления: шестнадцать часов пятьдесят пять минут, число — десятое. Письмо отправлено в субботу. Оно не заказное. Прежде чем вскрыть конверт, Эуэлл еще несколько секунд крутит его в руке.

Наконец он берет нож для бумаги, вскрывает конверт и вынимает из него сложенный лист бумаги.

Он машинально смотрит на часы: без четверти восемь.

Он разворачивает бумагу и читает. Текст составлен в духе Эддисона Стирна:

«Господа, Согласно состоявшейся между нами договоренности о покупке нефтеносного участка, срок которой истекает десятого числа текущего месяца, я хочу заявить о своих правах. Я намеренно не сделал этого раньше, исходя из дошедших до меня слухов, касающихся результатов бурения на соседнем участке. Не зная о том, что я оформил права на покупку участка „Вентура“, владельцы соседнего участка обратились к вам с предложением его покупки за сумму, значительно превышающую оговоренную нами ранее в нашем контракте. Совершенно естественно, что это предложение увлекло вас в такой степени, что вы решили попытаться убедить меня не заключать контракт на покупку участка, прибегая к довольно сомнительным средствам. Прежде всего, вы ввели в курс дела владельцев соседнего участка, которые были готовы оказать вам всяческое содействие. Вы разработали целую стратегию, согласно которой бурение нефтяных скважин на соседнем участке было временно приостановлено. Вы распустили слух о том, что бурение первых скважин не дало положительных результатов, вследствие чего владельцы соседнего участка якобы отказываются от дальнейших изыскательских работ.

Не стоит говорить о том, что я не придавал ни малейшего значения этим сплетням, а упоминаю о них лишь для того, чтобы вы поняли, почему я ждал последней минуты, чтобы заявить о своих правах. Мне просто было интересно посмотреть, насколько далеко вы зайдете в своих махинациях.

Итак, имею честь сообщить вам настоящим письмом, что я решил заключить договор о купле участка «Вентура», предложенный мне вами десятого числа прошлого месяца, согласно условиям, оговоренным данным контрактом. Я обязываюсь внести оговоренную сумму не позднее указанного срока.

Надеюсь, что мое решение не слишком нарушит ваши планы, и уверяю вас в том, что я поставил бы вас о нем в известность гораздо раньше, если бы это дело не вызвало столько неприятных эмоций.

Примите мои и так далее, и тому подобное.

Эддисон Стирн».

Лицо Эуэлла покрывается красными пятнами. Он швыряет письмо на стол и с яростью цедит сквозь зубы:

— Ублюдок!

За этим следует целая тирада не менее изысканных выражений.

Понемногу он успокаивается и снова садится за стол, погружаясь в размышления. Неожиданно его осеняет идея. Он вкладывает письмо в конверт, прячет его в карман и идет в соседнюю комнату.

Он берет со стола секретарши пакет с нераспечатанными письмами и убирает его в почтовый ящик. После этого он проходит в туалет и запирает за собой дверь. Он вынимает из кармана письмо Эддисона Стирна, берет зажигалку и сжигает конверт с письмом, после чего тщательно убирает пепел.

Вернувшись на лестничную клетку, он наталкивается на лифтера, который, заметив его, вызывает лифт.

— Вы сегодня очень рано, мистер Эуэлл, — говорит лифтер.

— Я думал, что мой компаньон уже на месте, — отвечает Эуэлл с вымученной улыбкой.

Войдя в лифт, он хочет что-то добавить, чтобы его присутствие в конторе выглядело более естественно и не запечатлелось в памяти лифтера, на случай, если будет проведено расследование, но затем отказывается от своего намерения, решив, что это может лишь возбудить подозрение последнего.

Поэтому, когда лифт останавливается на первом этаже, он ограничивается простым «спасибо», пересекает холл и выходит на улицу. Он делает несколько шагов по тротуару в направлении, откуда должен появиться его компаньон, затем останавливается и ждет.

Минут через десять появляется Нед Филдинг с газетой в руке. Эуэлл укрывается под аркой и в тот момент, когда Филдинг проходит мимо, хватая его за руку.

Филдинг вздрагивает, затем, узнав Эуэлла, хмурит брови:

— Джек! Что это за шуточки! Я решил, что на меня напали...

— Не останавливайся, Нед, иди прямо по улице.

— Мы не идем в офис?

— Нет.

— Куда мы идем? К адвокату?

— Нет.

— Ты можешь мне, наконец, объяснить, в чем дело?

— Сейчас не могу. Отойдем подальше. Они поворачивают на поперечную улицу, и Эуэлл останавливает своего компаньона.

— Оно пришло, — говорит он.

— Что?

— Письмо!

— От Стирна?

— Да. Он ждал до последнего момента только для того, чтобы мы думали, что наша игра удалась.

— Дерьмо!

— Вот именно. Но мы будем делать вид, что не получали никакого письма. Понял?

Филдинг вопросительно смотрит на него.

— Встряхнись немного! — говорит Эуэлл. — Я вынул из пакета письмо Стирна, а пакет снова сунул в почтовый ящик. Марта Гейман придет в половине девятого, достанет пакет из ящика и откроет его. У нее будет достаточно времени, чтобы ознакомиться с его содержанием. Мы как ни в чем не бывало появимся в девять часов и спросим ее, не пришло ли письмо от Стирна. Когда она ответит, что от него ничего не было, мы изобразим великую радость и начнем бурно поздравлять друг друга. После этого мы сможем позвонить нашим клиентам и объявить им, что дело в шляпе. В течение всего этого времени я буду держать газету под мышкой. После телефонного звонка я сразу разверну ее, а ты ткнешь пальцем в заголовок. Марта будет свидетелем того, когда нам стало известно о смерти Стирна. До тебя дошло?

— Марта Гейман — хитрая bestия. Нельзя переигрывать, иначе она сразу что-нибудь заподозрит.

— Ба! — восклицает Эуэлл. — Ее серого вещества хватает только на то, чтобы печатать на машинке и разбирать почту. Она глупа и напоминает мне корову, постоянно жующую сено. Единственное ее достоинство в том, что она честная и может быть для нас прекрасным свидетелем.

Филдинг таращит глаза и говорит:

— А если они все-таки докажут, что мы получили письмо?..

— Как они могут это доказать? Письма нет, от него не осталось даже пепла.

— Оно было отпечатано на машинке?

— Да.

— Значит, существует его копия.

— Плевать нам на это! Он мог с тем же успехом отпечатать десяток писем. Главное, чтобы письмо было отправлено по почте, а не отпечатано. Он мог собираться его отправить, но не отправил, а мы его не получали. Понятно? Наша секретарша подтвердит это под присягой. Она первой пришла в контору и вскрыла пакет: письма не было.

Филдинг на минуту задумывается:

— Подожди, Джек, дай подумать, дело серьезное...

— Не хлопочи, я уже все обдумал. Надо уметь рисковать. Не забывай, что речь идет о двухстах пятидесяти тысячах долларов.

— Именно поэтому я и хочу все взвесить. Письмо было отправлено из Санта-Дельбарры?

— Да.

— Он отправился туда на своей яхте и без секретаря. Значит, он сам составил его и отпечатал на машинке. Ты не заметил в левом нижнем углу письма инициалы? Тогда было бы понятно, диктовал он его или нет.

Эуэлл хмурится.

— Нет, — говорит он. — Я не обратил внимания. Господи! Почему мне это не пришло в голову? Впрочем, какая разница?

— Очень большая.

Эуэлл упрямо продолжает:

— Мы не получали никакого письма, и баста. Стирн не отправлял письма.

— Еще одна очень важная деталь, — продолжает Филдинг, — заключается в том, была ли на борту яхты пишущая машинка. Другими

словами, было ли письмо отпечатано на борту яхты или в его конторе в Лос-Анджелесе? Тебе понятно? Если он отпечатал письмо в своей конторе, значит, он взял его с собой, чтобы отправить по почте, но не успел этого сделать, так как был убит, а письмо исчезло...

— Ты все усложняешь, Нед, — нетерпеливо обрывает его Эуэлл. — Мы не получали этого письма, и баста.

— Это я все усложняю? — спрашивает Филдинг. — Я просто пытаюсь призвать тебя к логике, иначе это сделают другие, и тогда твоя жизнь и в самом деле осложнится. Представь, что прокурор Санта-Дельбарры спросит тебя, где ты находился днем и вечером в субботу. А это наверняка произойдет...

Глава 10

Нита Молин уверенно ведет свой спортивный автомобиль по оживленным улицам Лос-Анджелеса.

Подъехав к бунгалу испанского стиля, она выключает мотор, открывает дверцу и выходит из машины, демонстрируя свои красивые ноги в шелковых чулках.

На ней элегантный костюм серого цвета и светло-серые туфли. Однако на ее лице видны следы усталости, накопившейся за последние сутки.

Она нажимает на кнопку звонка. Дверь открывает горничная.

— Добрый день, мисс Молин. Прислуга отходит в сторону, чтобы пропустить Ниту, и быстро добавляет:

— Миссис Райт предупредила меня, что сегодня утром она никого не принимает. Прошу извинить меня, мисс Молин.

— Где она?

— В своей комнате. Она...

Нита делает шаг вперед и говорит:

— Мне очень жаль, но мне необходимо увидеть ее. Горничная следует за ней, слабо возражая. Когда Нита открывает дверь в комнату, служанка тут же начинает оправдываться:

— Прошу миссис извинить меня, но я предупредила мисс Молин о том, что сегодня утром мадам никого не принимает...

— Хорошо, Эдна, идите.

Когда дверь за ней закрывается, Пирл Райт спрашивает Ниту:

— Ты уже позавтракала?

— Да, уже давно.

— В таком случае извини, что я буду есть одна, и скажи, что тебя привело.

— Ты должна быть в курсе того, что мой адвокат будет пытаться утвердить меня в правах преемницы Эддисона Стирна.

— Десять минут назад мне позвонил мой адвокат и сообщил эту новость.

Голос Пирл Райт звучит абсолютно спокойно.

— Ты будешь возражать против этого? — спрашивает Нита.

— Еще не знаю.

— Я тебе не советую этого делать. В течение нескольких секунд Пирл пристально смотрит на Ниту, затем говорит:

— Создается впечатление, что ты пытаешься давить на меня, не так ли?

Нита раздраженно отвечает:

— Оставь свои предположения, Пирл. Я пришла, чтобы поговорить с тобой.

— Ну что ж, давай поговорим.

— Дело в том, что Эддисон оставил завещание, согласно которому почти все его состояние должно перейти к Артуру. Однако в том случае, если Артур умрет первым, все состояние Стирна, за исключением нескольких тысяч долларов, переходит ко мне. Ты знала об этом?

— В таких подробностях — нет, но я предполагала что-то в этом роде. Эддисон не выносил меня, поэтому распорядился таким образом, чтобы мне ничего не досталось.

— Если ты будешь так рассуждать, то мы никогда не решим этот спор.

— Почему?

— Потому что очень трудно установить, кто из них умер первым. Судя по положению обоих трупов, когда их обнаружили, Эддисон мог умереть первым.

— В таком случае его состояние переходит ко мне? — спрашивает Пирл, испытующе глядя на Ниту.

— Выходит, так.

— Поэтому ты и приехала ко мне?

— В некотором смысле да.

Пирл Райт смотрит на нее с недоверием.

— По сути, ты пришла, потому что считаешь, что Эддисон умер первым, и ты пытаешься меня...

— Не глупи, Пирл. Я хочу обсудить с тобой создавшееся положение. Вполне вероятно, что никогда не удастся доказать, кто из них двоих умер первым. В таком случае мы будем с тобой полными идиотками, платя адвокатам за удовольствие выслушивать их пустые словопрения.

— Ты хочешь, чтобы я уступила тебе все состояние?

— Нет, но мы должны действовать благоразумно. Я возьму на себя управление всем его имуществом, чтобы не разбазаривать его, а также управление его делами. Я не потрачу ни гроша лично на себя. И пусть в это время следователи спокойно устанавливают, кто из них умер раньше, а кто позже.

Пирл остается некоторое время задумчивой, затем говорит:

— Возможно, что Артур оставил завещание, в котором лишает меня наследства, так что в конечном счете результат получается один и тот же.

— Ты не знаешь, Артур действительно оставил завещание?

— Нет, не знаю.

— Но он застрахован?

— Думаю, что да.

— И теперь ты получишь по страховке деньги?

— Вполне возможно, но.., ты ведь знаешь, какие были между нами отношения... Нита смущенно ерзает на стуле.

— Послушай, Пирл, — произносит она, — я не хочу обсуждать эту тему. Я пришла, чтобы говорить исключительно по делу.

Пирл добавляет горьким тоном:

— Наш брак расстроил Стирн. Если бы его не убили, я бы возбудила против него процесс по отчуждению супруга. Я уже собиралась подать иск.

— И сколько бы ты содрала со Стирна?

— Двести тысяч долларов.

— Но зачем тебе это нужно?

— Ты знаешь сама.

Нита отрицательно качает головой.

— Не притворяйся, — говорит Пирл с неожиданной злобой. — Все это из-за тебя. Откуда ты знала, что я оставила письмо для Артура?

— Я предпочитаю не говорить сейчас об этом. Пирл меряет Ниту ледяным взглядом.

— Ты странная девушка, Нита, — заявляет она. — Если бы мне не было на все глубоко наплевать, то я бы возненавидела тебя. В данном случае я лишь пытаюсь дать тебе оценку. Я думаю, что ты позвонила мне на Каталину из чистой корысти.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты не хотела, чтобы письмо, которое я написала Артуру, получило огласку.

— Я? — с удивлением спрашивает Нита.

— Именно ты.

— Почему я?

— Потому что в письме говорилось о тебе.

— Не понимаю.

На лице Пирл появляется горькая усмешка.

— В самом деле? Или это шутка? Я писала в письме, что Эддисон Стирн хотел избавиться от тебя, но он боялся, что ты подашь на него иск за нарушение брачного обязательства и ему придется выплатить тебе кругленькую сумму. Поэтому он решил сбегать к тебе Артуру. Он знал, что Артур уже давно сохнет по тебе. А Артур был столь наивен, что никогда не замечал, что между тобой и Эддисоном...

— Пирл! — кричит Нита, поднимаясь со стула. — Замолчи! Это ложь! Это...

— О нет, это правда! Эддисон ненавидел меня еще и по этой причине, и он сделал все, чтобы настроить Артура против меня. А когда ему это удалось, он вытащил на свет тебя и стал рекламировать этому простаку, пока тот не влюбился по уши.

— Ты с ума сошла, Пирл!

— И после этого ты утверждаешь, что тебе неизвестно содержание письма!

— Я видела Артура всего два или три раза в жизни.

— Возможно, но всегда во время длительных круизов.

Следует короткая пауза, затем Пирл говорит безучастным тоном:

— Эддисон уже давно был настроен против меня и прожужжал Артуру все уши, но Артур влюбился в тебя совсем недавно, а именно в прошлый четверг. В пятницу он объявил мне, что между нами все кончено, что он любит тебя и прочее, и прочее. Он попросил меня подать на развод и предупредил, что если этого не сделаю я, то сделает он.

— Пирл, клянусь тебе, что я ничего не знала. Поверь мне!

— Разумеется, ты этого не знала, ты знала только, что было написано в письме, которое я оставила в субботу для Артура. Ты не хотела, чтобы полиция обнаружила это письмо: тогда бы ты оказалась

замешанной в это дело. Скажи мне, что на самом деле случилось в Санта-Дельбарре?

— Что ты имеешь в виду?

— Сколько времени ты находилась на борту яхты, прежде чем сообщила о случившемся?

— Всего несколько минут. Я...

— Во всяком случае, вполне достаточно, чтобы прихватить револьвер и заодно письмо.

— Не понимаю.

— Я уверена, что Артур оставил письмо, он иначе не мог.

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

— Ты прекрасно все понимаешь, Нита. Артур был без ума от тебя, он сам мне это сказал в пятницу. А Эддисон бывает временами слишком болтлив. Я опасалась, что он может проговориться о ваших с ним отношениях. Вероятно, Артур начал что-то подозревать... Я всегда знала, что однажды Артур убьет его. Я даже хотела поговорить с Эддисоном на прошлой неделе и пришла в его контору, но он не захотел принять меня.

— Однако, Пирл...

— Я уверена, что Артур убил Эддисона, а потом застрелился сам. Но он должен был оставить предсмертную записку. Когда ты поднялась на яхту и обнаружила два трупа, ты выбросила револьвер за борт, чтобы все это выглядело как убийство, и забрала письмо. Я тебя не сужу. Возможно, что на твоём месте и при подобных обстоятельствах я сделала бы то же самое, но я не хочу, чтобы ты считала, что обдурила меня.

Нита смертельно бледнеет и спрашивает:

— Так какие, по-твоему, были отношения между мной и Стирном?

— Ты хочешь, чтобы я тебе сказала более ясно?

— Да.

— Ты была его любовницей, и ты надоела ему!

— Ты на самом деле так думаешь?

— Конечно.

Стоя со сжатыми кулаками, бледная, Нита говорит хриплым и низким голосом:

— Я не должна давать тебе никаких объяснений, но я хочу, чтобы однажды ты услышала правду. Итак, знай: Эддисон был влюблен в мою мать и очень хотел на ней жениться. Но она отвергла его и вышла замуж за моего отца. А мой отец ушел от нее. Моя мать умерла. Два года назад отец погиб в автомобильной катастрофе. Эддисон Стирн прочитал о смерти отца в одной из газет и стал разыскивать мою мать. Он узнал, что она умерла. Я очень похожа на нее, и Эддисон решил заменить мне отца. Наряду с привлекательными чертами в нем было много и отталкивающих, и я поняла, почему моя мать его отвергла: все жизненные ценности он переводит в доллары и считает, что можно купить любого человека... Не знаю, зачем я тебе все это рассказываю?

— Зачем? — насмешливо спрашивает Пирл. — Да потому что после его смерти это выглядит так естественно! Должно быть, ты не спала всю ночь и сочиняла эту душещипательную историю.

Нита презрительно пожимает плечами:

— Мне не следовало приходить к тебе. Я надеялась, что мы сможем договориться, чтобы не выносить сор из избы.

Она снова пожимает плечами и направляется к двери.

— Подожди, — говорит Пирл. — Я еще не ответила на твое предложение. Я не сказала тебе, что собираюсь предпринять, чтобы помешать тебе взять на себя управление имуществом Стирна.

— Меня это не интересует. Мне плевать на то, что ты собираешься делать.

— Ты не любишь, когда тебе говорят правду!

— В том, что ты говоришь, нет и частицы правды!

— О, ты плохо знаешь Артура! Он иногда терял педали. В субботу, уходя, он взял с собой револьвер, потому что догадался о твоих отношениях с Эддисоном. Я пыталась предупредить Стирна, но он меня не принял...

— Артур взял с собой револьвер?

— Да, кольт тридцать восьмого калибра. Ты прекрасно знаешь, что произошло. Он убил Эддисона, потом себя. И он обязательно должен был оставить записку, в которой объясняет, почему он это сделал. У Артура была мания объясняться и выяснять отношения.

Взгляд Ниты становится жестким. Подняв глаза на Пирл, она спрашивает:

— Артур действительно сказал тебе в пятницу, что любит меня?

— Да.

— И что он уходит от тебя?

— Он сказал, что один из нас должен подать на развод.

— И с этого момента он стал таскать с собой револьвер?

— Да.

— Чтобы убить Эддисона?

— Да.

— Зачем, когда он сказал тебе, что любит меня, ты объявила ему, что я была любовницей Эддисона? Просто для того, чтобы сделать ему больно. Разве не так, Пирл?

Пирл отводит взгляд...

— Разве не так, Пирл? — повторяет Нита.

— А если и так?

— Подлость! Какая низость!

— О, успокойся, дорогая. Лучше скажи мне, что ты сделала с письмом, которое оставил Артур в свое оправдание?

Ты уничтожила его? А револьвер выбросила за борт? Ты сделала все для того, чтобы направить полицию по ложному следу. И, разумеется, твои адвокаты будут утверждать, что Артур умер первым, в то время как Артур убил Стирна и уже потом покончил с собой, а это значит, что состояние принадлежит его наследникам.

— Ты несешь вздор, Пирл. Если бы Артур убил Стирна, то ни он, ни его наследники не получили бы и гроша. Таков закон.

Пирл иронически улыбается.

— Интересно... — говорит она. — Вот ты и выдала себя. Значит, ты навела уже все необходимые справки у своих адвокатов?

Нита раздраженно отвечает:

— Это только один из вопросов, которые я задала им.

— Конечно! И ты спросила об этом как бы между прочим, с таким видом, что... Нита с трудом сдерживает ярость:

— Послушай, Лирл. Если правда, что Артур убил Стирна из-за этой грязной истории, которую ты выдумала обо мне и Эддисоне, то ты несешь ответственность за это убийство!

— А ты хотела бы, чтобы я поверила в твою сказку о том, что Эддисон любил тебя отеческой любовью? Ха, ха, ха! Не смей меня! И не думай, что я такая наивная.

— Дура!

— Но, с другой стороны, может быть, я действительно буду молчать, если мы договоримся... В сущности, между мной и Артуром все было кончено... И я не виню тебя в этом, во всем виноват Эддисон. Подожди, Нита, не уходи!..

Нита Молин, не оборачиваясь, подходит к двери и открывает ее резким рывком.

Глава 11

Паркер Гиббс сидит в своем рабочем кабинете и печатает на машинке отчет.

В это время его жена чистит пылесосом ковер в гостиной. Время от времени она выключает пылесос и прислушивается к стуку машинки, доносящемуся из кабинета мужа.

Наконец она теряет терпение, берет пылесос и открывает дверь в кабинет. Гиббс приподнимает голову и смотрит на жену усталыми, покрасневшими глазами.

— В чем дело? — спрашивает он.

— Ложись спать.

— Не могу. Я должен напечатать отчет и вернуться в Санта-Дельбарру.

— Зачем?

— За своей машиной.

— А эта девушка едет с тобой?

— Разумеется, нет.

— А почему ты вернулся в ее машине?

— Чтобы не потерять ее из вида и привезти к Хазлиту.

— Она всю дорогу демонстрировала тебе свои ноги?

— О! Дорогая, на эти вещи я уже не обращаю внимания.

— Все мужчины лгуны. В котором часу вы выехали из Санта-Дельбарры?

— В четверть четвертого.

— Но ты сказал, что нашел ее около полуночи. Чем же вы занимались все это время?

— Я не знаю, чем занималась она, а я работал в своей комнате в отеле.

— А где была она?

— Не знаю.

— Ты в этом уверен?

— Послушай, дорогая. Для двадцатилетних девушек я уже стар, мне сорок лет...

— Не для всех. Есть такие девицы, которым все равно. Кстати, почему ты решил, что ей двадцать лет? Мне показалось, что ей около тридцати.

— Ты судишь по снимку в газете, а это...

— Значит, в жизни она много лучше?

— Поверь, дорогая, я не пялил на нее глаза. Я проспал почти всю дорогу. За рулем сидела она...

— О чем же вы говорили?

— Мы не разговаривали. Хватит, дай мне закончить отчет, иначе я опоздаю на поезд. Не мешай мне работать.

Гиббс снова стучит на машинке, но его жена остается стоять в дверях.

Через несколько минут Гиббс заканчивает работу, закрывает машинку и встает.

— Я должен бежать на вокзал, — говорит он. — Бай, бай!

Гиббс выходит на улицу и направляется к автобусной остановке. Он видит, что его жена вышла на крыльцо. Гиббс машет ей рукой, но она не отвечает и скрывается в доме.

Гиббс тяжело вздыхает. Он знает, что его жена стоит сейчас у окна за тюлевыми занавесками и наблюдает за ним.

Гиббс чувствует себя усталым.

«Она доведет меня до сумасшествия, — думает он про себя. — Она становится невыносимой. Я не могу сделать и шага, как она начинает вытягивать из меня кишки своими бесконечными вопросами: с кем? куда? зачем? — и прочее. Конечно, ее тоже можно понять... сидит одна и скучает... Но что я могу поделать, если у меня такая работа?»

Автобуса все еще нет, и Гиббс продолжает свои печальные размышления: «Когда я вернусь, она снова начнет донимать меня расспросами. Она помешалась от ревности... Так долго продолжаться не может... Я не вынесу этого...»

Глава 12

Джек Эуэлл и Нед Филдинг, хорошо пообедав, в три часа дня возвращаются в офис, оставляя за собой ароматный шлейф сигарного дыма.

Нед Филдинг задумчив, хотя в его глазах светится лукавый огонек.

Филдинг молод, строен, широкоплеч и одевается с некоторой изысканностью.

Он не обладает быстрым умом Эуэлла и его предприимчивостью, но умело пользуется своим обаянием и неким магнетизмом, что в придачу к его красивому профилю привлекает к нему многочисленную клиентуру прекрасного пола.

При виде входящих мужчин Марта Гейман, секретарша, отрывается от своей работы.

— Новости есть? — спрашивает ее Эуэлл.

— Телефонный звонок от мистера Хазлита. Он просил, чтобы вы ему перезвонили.

Эуэлл подмигивает Филдингу и спрашивает:

— Других новостей нет?

— Нет. Хотите, я наберу номер мистера Хазлита?

— Подождите. Разговор будет непростым, и я хотел бы сначала докурить свою сигару.

— Что сказать ему, если он позвонит?

— Скажите, что мы еще не вернулись.

— Хорошо.

Она смотрит на них широко расставленными зелеными глазами, лишенными всякого выражения, затем снова погружается в работу.

Как говорит Эуэлл, Марта Гейман похожа на человека-автомат. Он говорит также, что она годится только для сортировки почты и печатания писем под диктовку.

Марту нельзя назвать дурнушкой, но черты ее лица слишком тяжелы, чтобы считать ее хорошенькой. Ее потуги на элегантность постоянно сдерживаются недостатком материальных средств, и она

вынуждена носить дешевые вещи, предназначенные для широкого потребителя.

Даже к парикмахеру она может себе позволить пойти не чаще, чем раз в году.

Эуэлл воспринимает Марту только как необходимую мебель в своем офисе, не более того. Нечто вроде сейфа, в котором нет денег. Или как пишущую машинку.

Филдинг не обсуждает больше Марту со своим компаньоном после того вечера, когда она до полуночи работала с ним и на него.

Эуэлл и Филдинг проходят в кабинет Эуэлла. Тщательно закрыв дверь, Эуэлл вынимает из кармана отпечатанный и подписанный документ и начинает трясти им перед носом Филдинга, сопровождая свой жест комментарием:

— Двести.., пятьдесят.., тысяч.., долларов.., чистой прибыли!

Мужчины с удовлетворением хлопают друг друга по плечу. Затем Филдинг шепотом спрашивает:

— Но если Хазлит узнает, что письмо было кем-то отправлено в субботу?

— Нам до этого нет дела. Мы не получали никакого письма. Если бы письмо было отправлено в субботу, сегодня утром мы должны были бы его получить.

Он подмигивает Филдингу и добавляет громким голосом:

— Я абсолютно уверен, что письмо не пришло, так как это первое, о чем я спросил сегодня утром Марту, когда пришел сюда.

Филдинг берет со стола блокнот и пишет своему компаньону: «Взвешивай каждое слово, которое ты произносишь. Дело настолько серьезное, что они вполне могли установить где-нибудь микрофон».

Эуэлл читает послание и кивает в знак согласия. После этого Филдинг вырывает листок из блокнота и поджигает его пламенем от зажигалки. Эуэлл продолжает:

— Хазлит захочет сам спросить об этом Марту, и я считаю, что это самое лучшее. Надо объяснить Марте, что она может отвечать на любые вопросы, пусть не пугается и говорит только правду.

Филдинг кивает.

— Ты поговоришь с ней? — спрашивает Эуэлл.

— Я считаю, что ты должен это сделать сам, Джек. Эуэлл бросает быстрый взгляд на своего компаньона:

— О'кей, Нед!

— Я пойду к парикмахеру, а ты поговори с ней в мое отсутствие.

— Это не займет много времени, так как ей, слава Богу, нужно говорить только правду. — И он добавляет шепотом:

— Она такая тупица, что не способна даже солгать. В данном случае это нам на руку.

— Она не такая уж тупица, — говорит Филдинг. — Она прекрасно справляется со своей работой и печатает письма без ошибок.

— Да, но мне она действует на нервы, особенно когда смотрит на меня своими коровьими глазами. — Он пожимает плечами и добавляет:

— Теперь мы сможем снять более респектабельное помещение и обставить его хорошей мебелью. Мы найдем другую секретаршу. Я не выношу в своем окружении дебилов.

— Она не хуже других, — настаивает Филдинг. — Обыкновенный средний уровень, как у большинства.

— Средний уровень не должен устраивать таких людей, как ты и я. Ладно, сейчас я вызову ее и объясню ей все. — Он самодовольно улыбается:

— Господи, Нед, еще только месяц назад мы мечтали, чтобы Эддисон Стирн купил этот участок за сто тысяч долларов! А теперь мы получили двести тысяч чистого дохода! Филдинг кивает:

— Я бегу к парикмахеру. Мне не обязательно присутствовать при твоём разговоре с Хазлитом?

— Нет. По сути, нам не о чем с ним разговаривать. Он спросит, получил ли я письмо, и я отвечу, что нет. Он попытается, быть может, блефовать, убеждать меня, будто ему известно, что его клиент составил и подписал письмо с намерением отправить его по почте. Эддисон Стирн ждал до последней минуты, чтобы довести нас до инфаркта, но его убили, прежде чем он смог отправить письмо! Хазлиту предстоит сейчас назначить управляющего делами Стирна, поэтому он будет блефовать.

Филдинг нахлобучивает шляпу на голову и направляется к двери.

— Я буду через час, — говорит он.

— О'кей! Только прошу тебя, Нед, ничего не пей.

— Разумеется.

Взгляд Эуэлла неожиданно становится суровым:

— Я говорю серьезно, Нед. Мы сейчас погрязли в бизнесе, и я не хочу, чтобы ты где-нибудь спьяну сболтнул лишнее...

— О! Я никогда не теряю контроль над собой.

— Тебе так кажется. Пока мы не получим эти деньги, Нед, ты не выпьешь ни одной рюмки. Потом мы вместе отметим победу. Мы устроим себе каникулы и поедem на море в какое-нибудь шикарное место.

Филдинг немного колеблется и говорит:

— Если ты настаиваешь...

— Я настаиваю! Весьма категорично! Филдинг кивает в знак согласия:

— Я удаляюсь, старина., И он выходит из кабинета, сдвинув шляпу на ухо. Эуэлл подходит к двери, ведущей в кабинет Марты Гейман, открывает ее и говорит отеческим тоном:

— Пройдите в мой кабинет, Марта. Нет, не берите блокнот. Мы просто поговорим.

Она входит в его кабинет и останавливается перед письменным столом.

— Садитесь, Марта, и побеседуем.

Она садится на указанный стул. И он впервые с тех пор, как она здесь работает, отмечает, что у нее стройная фигура и красивые ноги. Она не кладет ногу на ногу, а скромно сдвигает колени.

— Дело вот в чем, Марта. Сегодня мы заключили одну важную сделку. Я не буду вас посвящать в подробности, так как дело это сложное и вы все равно не поймете. Единственное, что я хотел бы сказать по этому поводу, так это то, что мы не смогли бы заключить этой сделки, если бы сегодня утром пришло одно письмо от некоего Эддисона Стирна.

Марта машинально кивает, давая понять патрону, что внимательно слушает все, что он говорит.

Эуэлл хмурит брови и с некоторой досадой продолжает:

— Попробуйте понять, Марта. Это очень серьезно. Прошу вас сосредоточиться. Мистер Хазлит является адвокатом и поверенным в делах Эддисона Стирна. Стирн умер. Он был убит в субботу днем. Не исключено, что Стирн имел намерение отправить письмо в субботу, но мы стоим перед фактом, что он его не отправил. По крайней мере, мы

не получили его письма сегодня утром. Вы вскрыли все конверты, не так ли?

— Да, мистер Эуэлл.

— И если бы среди них было письмо от Стирна, вы бы заметили его, верно?

— Думаю, что да, мистер Эуэлл. Эуэлл снова хмурит брови и говорит:

— Я вас не спрашиваю о том, что вы думаете, Марта. Я нанял вас на должность секретарши, и в ваши обязанности наряду с другими входит разборка почты. Вы вскрываете письма, знакомитесь с их содержанием, а затем решаете, какое письмо передать мне, а какое Филдингу. Это так?

Марта кивает.

— Итак, если бы сегодня утром пришло письмо от Эддисона Стирна, вы заметили бы его?

Она снова кивает.

— Это все, о чем вам надо знать и помнить. Если Хазлит или другой адвокат будут задавать вам вопросы, чтобы запугать вас, вы должны стоять твердо на одном: письма от Стирна не было.

— Да, мистер Эуэлл, — подтверждает она.

— И не говорите о том, что вы думаете, а говорите о самом факте. Она кивает.

— Это все, о чем я хотел с вами поговорить, Марта. А теперь соедините меня с Хазлитом.

Но Марта не двигается с места и смотрит на Эуэлла своим бесстрастным взглядом, который так раздражает его.

— Это все, что я хотел вам сказать, — повторяет он.

Она обращается к нему своим обычным почтительным тоном:

— Мистер Эуэлл, я хотела бы вас кое о чем попросить.

Он с нетерпением отвечает:

— Я очень занят, Марта.

— Это очень важно для меня, мистер Эуэлл.

— Хорошо. В чем дело?

— Вы помните тот вечер, месяца полтора назад, когда мистер Филдинг работал над контрактом по аренде участка «Вентура»? В полночь он должен был отправиться на поезде в Солт-Лейк-Сити.

— Ну и?..

— Он попросил меня тогда задержаться, чтобы помочь ему, и мы работали вместе до одиннадцати часов.

Эуэлл прерывает ее раздраженным тоном:

— Если вы хотите прибавки, то скажите об этом прямо. Вы знаете, что положение дел сейчас непростое, нас обложили налогами.

— Да, господин Эуэлл. Я понимаю, поэтому я не прошу у вас прибавки.

— Тогда что вам нужно?

— Так вот.., в тот вечер.., мистер Филдинг проявил ко мне особое внимание... Он настойчиво добивался меня...

Лицо Эуэлла искажается в неодобрительной гримасе.

— Марта, ваши личные дела не интересуют меня. Вам уже.., э... Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— Вот видите. Я не могу быть вашим наставником.

— Последнее время он был со мной очень холоден.

— Что вы хотите от меня?

— Я думала, что вы могли бы поговорить с ним, мистер Эуэлл, и, может быть, обязать его.., э.., как порядочного человека, чтобы он поступил, как подсказывает ему честь.

Эуэлл смотрит на секретаршу, словно впервые в жизни видит ее, и, как эхо, повторяет за ней:

— Как подсказывает ему честь...

Она кивает и говорит:

— Да, мистер Эуэлл, честь.

— Господи, — стонет Эуэлл, — что вы имеете в виду?

— Я думала, что он меня любит и хочет на мне жениться...

— Он вам это говорил?

— О! Не прямо, но...

Эуэлл повышает голос:

— Смею утверждать, что он вам этого никогда не скажет прямо. Неда Филдинга ждет блестящая карьера, и он не собирается портить ее, связав свою жизнь с ничтожной машинисткой. Простите, что я говорю вам это, Марта, но вы спровоцировали меня. А в заключение позвольте дать вам один совет: впредь не испытывайте моего терпения своими скучными историями из личной жизни. И, кроме того, если Филдинг тогда оказал вам внимание, то нельзя быть такой идиоткой,

чтобы думать... У вас хорошая фигура, вам двадцать пять лет, вы уже знаете жизнь и.., черт побери...

Эуэлл с трудом сдерживает себя.

Марта Гейман спокойно говорит:

— Дело в том, мистер Эуэлл, что я очень впечатлительна. И если меня до такой степени ранит равнодушие Неда, простите, мистера Филдинга, то это потому, что я замечаю и чувствую такие вещи, на которые другая бы не обратила внимания.

Встретив свирепый взгляд Эуэлла, она на секунду умолкает, затем снова продолжает своим ровным голосом:

— Например, сегодня утром, как я поняла, вы пришли в контору раньше меня. Я заметила, что вы ждали почтальона, а потом сами вложили пакет в почтовый ящик. Другая бы не обратила внимания, но я...

Эуэлл выпрямляется в своем кресле и с ненавистью и удивлением смотрит на секретаршу, которая отвечает ему невинным взглядом своих широко открытых.., о Господи!., коровьих глаз.

Теперь в его голосе слышится испуг:

— О чем вы говорите, Марта?

— О том, что я замечаю такие вещи, которые бы ускользнули от внимания других людей. Например, сегодня утром я обнаружила в пепельнице пепел от вашей сигары, а также ободок от тех сигар, которые вы получаете из Флориды., в то время как я знаю, что в субботу вечером уборщица тщательно убирает контору и чистит все пепельницы...

Эуэлл открывает рот, чтобы возразить, но сдерживает себя. Марта продолжает:

— Я заметила также, что почтальон, опуская в почтовый ящик пакет с письмами, кладет их всегда адресом кверху, причем внизу в пакете всегда лежат большие конверты, а сверху маленькие. А сегодня утром все было перепутано... — Она делает короткую паузу и добавляет:

— Я рассказываю вам обо всем этом только для того, чтобы вы могли сами убедиться в том, до какой степени я впечатлительна. Теперь вам должно быть понятно, насколько тяжело я переживаю охлаждение мистера Филдинга ко мне, и, может быть, другая бы на моем месте не воспринимала это так болезненно, как я.

Когда Эуэлл начинает говорить, он сам не узнает своего голоса:

— Что вы конкретно хотите от меня?

Она отвечает ему самым простодушным тоном:

— Я подумала, что, может быть, чем-нибудь нечаянно обидела мистера Филдинга...

— Что вы хотите?

— Я думала, что вы могли бы поговорить с мистером Филдингом и передать ему, что я на него не сержусь.., что я не изменила своего отношения к нему... Но я думаю, что не стоит ему говорить о том, что я была бы счастлива выйти за него замуж, так как у мужчины всегда должны оставаться сомнения в том, будет ли принято его предложение...

Эуэлл смотрит на свою секретаршу долгим взглядом, не в силах вымолвить ни слова.

Марта Гейман продолжает:

— Мистер Эуэлл, это действительно столь важно для вас — то, о чем со мной может говорить мистер Хазлит?

— Да.

— В таком случае вам следует, не откладывая, поговорить с мистером Филдингом. Потому что.., вы понимаете, я так потрясена... Я так нервничаю последние недели, что могу наговорить мистеру Хазлиту лишнее...

Эуэлл поднимается с места и берет в руки шляпу.

— Вы правы, — произносит он. — Я должен поговорить с Недом раньше, чем вы будете говорить с Хазлитом. Если Хазлит позвонит, передайте ему, что меня сегодня не было и что вряд ли я буду.

— А где сейчас мистер Филдинг?

— Внизу, у парикмахера.

— В таком случае вы могли бы сказать ему также, что сегодня вечером я свободна... Мне очень жаль, мистер Эуэлл, что я докучаю вам своими личными делами, но если бы вы только знали, какой с меня свалился груз. Теперь я уверена, что смогу полностью сосредоточиться на работе. Я никогда не забуду, мистер Эуэлл, того, что вы для меня делаете.

Марта Гейман встает и направляется в свой кабинет. У двери она оборачивается и говорит:

— У меня еще столько дел до вечера! Эуэлл тщетно пытается раскурить свою сигару.

Она изжевана до такой степени, что превратилась в мокрый и бесформенный огрызок.

Глава 13

В понедельник Френк Дюриза возвращается домой только к ужину. В холле его встречает жена. Она поднимает к небу свои прекрасные черные глаза, как бы призывая Господа в свидетели.

— Наконец-то ты вернулся! Я уже опасалась, что ты оставил меня на попечение бродяги.

— Кого?.. Бро... Ах, да! Если он согласен купить тебя, чтобы ты предсказывала по руке судьбу, то я готов поговорить с ним о цене.

— Какое вероломство! А я вожусь на кухне и готовлю для тебя ужин!

— А где сейчас Грэмпис?

— В своем фургоне. Он чем-то там занят. Ты знаешь, о чем я думаю? Если ты очень устал и у тебя нет настроения говорить с ним об убийствах и расследованиях, то достаточно его немного напоить. Литр виски и бутылка коктейля определенно свалят его с ног, после чего мы оба сможем спокойно отправиться в кино. Я купила спирт и записала расход в рубрику «медикаменты».

— Превосходно. Остается позвать Грэмписа и заставить его принять «лекарство». Если он выживет, то придется взять его с собой в кино. Принеси, пожалуйста, бутылки.

Вооружившись штопором, Дюриза открывает бутылку коктейля. В этот момент слышится пронзительный голос Грэмписа, входящего в салон:

— Мой инстинкт меня никогда не обманывает. Если где-то открывается бутылка, мой внутренний голос сразу приказывает мне поспешить... За шестьдесят восемь лет он еще ни разу не обманул меня.

Дюриза наливает коктейль в шейкер со льдом, перемешивает его и наполняет три стакана.

— За внутренний голос Грэмписа Виггинса! — говорит он, поднимая свой стакан.

Грэмпис выпивает стакан одним залпом, после чего набивает и раскуривает свою старую трубку. В одно мгновение комната наполняется едким дымом. Грэмпис подмигивает прокурору и говорит:

— Сынок, я размышлял над этими убийствами...

— Еще коктейль, Грэмс? — поспешно спрашивает Милдред.

— Не откажусь.

Дюриза снова наполняет его стакан, и Грэмс одним залпом опустошает его.

— Итак, эти убийства, сынок... Милдред снова прерывает его:

— Грэмс, будь так любезен, помоги мне накрыть на стол.

— О'кей, Мил, с удовольствием. И ты посмотришь, какими острыми будут ножи, после того как я их наточу. Кстати, о ножах, Френк. Я начал об этих убийствах на яхте...

Милдред смотрит на мужа и говорит:

— Я сдаюсь. Я сделала все, что было в моих силах.

Дюриза смеется:

— Давайте, Грэмс. Скажите, что вы думаете об этих убийствах.

— Я провел небольшое расследование. Я побеседовал с некоторыми людьми, и мне многое стало понятно.

— Вполне допускаю это, — говорит Дюриза, отпивая глоток из своего стакана.

— Садитесь к столу! — приглашает Милдред.

— Охотно, — произносит Грэмс, — но, может быть, сначала...

И он красноречивым жестом поднимает пустой стакан.

— У Грэмса пустой стакан, — обращается Милдред к мужу. — Ты плохо справляешься со своими обязанностями хозяина дома.

Дюриза снова наполняет стаканы.

— Я не отвечаю за себя после такого количества алкоголя, — говорит Милдред.

— Что? — удивляется Грэмс. — Но это всего лишь тонизирующее средство. Можно выпить его целую бочку, с таким же эффектом, как воду. Это ведь сухой мартини, не так ли?

И Грэмс снова залпом выпивает стакан, после чего ставит его на стол и говорит:

— Сынок, в отношении этих двух убийств... Здесь возникает только одна проблема...

— Вы хотите, чтобы рагу окончательно сгорело? — спрашивает Милдред. — На этот раз я настаиваю на ужине!

— О'кей, Мил! Подожди, я только налью себе еще один стакан и тотчас же присоединюсь к вам.

Осушив четвертый стакан мартини, Грэмпис садится за стол.

— Итак, сегодня я погулял немного по окрестностям, в том числе по пляжу. Мне было интересно поговорить с людьми и особенно с теми, у кого маленькие дети и кто проводит много времени у воды...

Грэмпис снова наполняет свой стакан.

— Ты знаешь, Мил, что Виггинсам необходим алкоголь для работы мозга, как бензин для автомобиля. Итак, сегодня на пляже я познакомился с очаровательной семьей по фамилии Таккер. Они живут в кемпинге уже почти неделю. Таккер работает на нефтяных скважинах, и, кажется, он очень дружит с виски, поэтому ему уже намекнули, чтобы он подыскивал себе новое место. Недавно он купил в кредит автомобиль, и теперь торговец пытается аннулировать сделку. Это вынудило Таккера остановиться в кемпинге под вымышленным именем. Но, в общем, он замечательный человек...

— Френк! — обращается Милдред к мужу. — Если Грэмпис говорит о ком-то, что он замечательный человек, можешь не сомневаться в том, что это означает... Он либо сидел в тюрьме, либо разыскивается полицией, либо спившийся человек, а возможно, и все вместе.

Виггинс бросает на Милдред строгий взгляд поверх своих очков в металлической оправе.

— Не будь ханжой, Мил! — говорит он. — Ты тоже Виггинс, и ты должна понимать, что если человек на плохом счету у полиции, то это еще ни о чем не говорит. Может быть, это даже делает ему честь...

При этих словах Грэмпис встает из-за стола:

— Я схожу за бутылкой бренди. Будем пить его с кофе. Это очень полезный напиток для желудка. С ним можно переваривать даже бульжники.

— А когда он у тебя кончается, Грэмпис, что ты делаешь? — спрашивает Милдред.

— У меня в фургоне всегда стоит полный ящик, — отвечает Грэмпис и убегает.

— Френк! Я в отчаянии, — говорит Милдред. — Это хуже, чем я могла предположить. И кроме всего прочего он просто влюблен в тебя, и тебе будет трудно от него отделаться.

Дюриза улыбается и гладит жену по руке:

— Не расстраивайся, милая. Твой Грэмпис мне очень нравится.

— Однако не забывай, что его свидетели могут оказаться людьми с весьма сомнительной репутацией.

— Мне это может оказаться полезным, дорогая. Кроме того, я теперь лучше понимаю тебя и знаю, что ты многое унаследовала от своей матери Виггинс.

— Тебя не приводит это в содрогание, Френк? В этот момент возвращается Грэмпис с двумя бутылками в руке.

— Одна наполовину пустая, — заявляет он, — поэтому я решил сразу захватить полную.

Наполнив стаканы, Грэмпис залпом выпивает свой и продолжает:

— Итак, возвращаясь к Таккеру... Я записал на всякий случай его адрес. Его зовут Эверетт, а жену — Мартори. Их сын недавно погиб в автомобильной катастрофе...

Грэмпис наливает себе еще стакан и добавляет:

— Я говорю все это для того, чтобы перейти к Ните Молин. Когда она поднялась на яхту?

— По ее словам, за десять — пятнадцать минут до того, как Шейл выудил ее из воды.

— И никто не видел, как она поднималась на борт?

— Нет. Похоже, что Шейл был единственным человеком, кто мог бы ее заметить, но как раз в этот момент он был поглощен созерцанием ракушки. Он говорит, что это было за десять — пятнадцать минут до того, как Молин плюхнулась в воду.

— Это еще не доказательство.

— Почему?

— В течение какого времени Шейл находился на пляже?

— Минут сорок пять.

Грэмпис качает головой:

— Мой друг Таккер находился на пляже в течение получаса.

— И что он видел?

— Самое интересное то, что он ничего не видел. Если бы Молин взяла шлюпку у понтонного моста и гребла к яхте, то он бы непременно заметил ее.

— Он мог не обратить на это внимание, — говорит Дюриза. — Такое часто бывает.

— Но только не с Таккером... Этот не пропустит ни одной красивой девушки... Он все это время разглядывал яхты и говорил

своей жене, что вот ведь есть такие счастливики, которые купаются в роскоши, в то время как он потерял работу...

Милдред перебивает его:

— Лучше бы он бросил пить, тогда бы тоже мог купаться в роскоши.

— Ну разумеется! — восклицает Грэмпис. — Ведь владельцы яхт абсолютно не пьют, как известно, и работают круглые сутки...

— Вы говорите, у вас есть адрес этого типа? — спрашивает Дюриза.

— Есть. Он живет в кемпинге, но под чужим именем. Таккер — это его настоящее имя, под которым ты сможешь вызвать его как свидетеля.

— А что говорит его жена?

— То же самое, что и он.

— Пожалуй, я их вызову и побеседую с ними.

— Дай мне рассказать тебе еще об одной любопытной вещи. В субботу днем Таккер тоже сидел на пляже. Несмотря на страшную жару, народу было немного. «Джипси Квин» стояла на якоре в том же месте. Таккер сразу обратил внимание на эту яхту, так как она самая большая из всех. Так вот, он заметил на понтонном мосту женщину, машущую платком в сторону «Джипси Квин». Тогда с яхты была спущена на воду шлюпка, и молодой мужчина подплыл к мосту и забрал женщину. Таккер видел, как она поднималась на борт яхты. На ней были шотландская юбка и красный жакет. Позднее Таккер видел в газете снимки Ниты Молин, и он полагает, что это вполне могла быть она.

— В котором часу это было?

— Около трех.

— И как долго она оставалась на борту?

— Часов до четырех. Когда она сошла на берег, в ее руке были письма, которые она опустила в почтовый ящик. Таккер сам это видел.

Дюриза на минуту задумывается:

— После ужина мне необходимо срочно вернуться в контору и еще раз опросить свидетелей. Грэмпис, вы не могли бы пригласить ко мне чету Таккер?

— Разумеется, сынок. Они придут, чтобы оказать мне услугу. Еще бренди?

— Не стоит, Грэмпис. Вам еще надо сходить за супругами Таккер.

— Но от этого напитка еще никому не было вреда! Главное — соблюдать меру, а я ее соблюдаю.

— Значит, мы не идем в кино? — спрашивает Милдред разочарованным тоном.

— А почему бы и нет? Мы пойдем на последний сеанс.

— Говорят, это потрясающий детектив, — замечает Грэмпис. — Я тоже иду с вами. Что же касается Ниты Молин, то я был бы не против с ней познакомиться. Я видел ее фото в газете... Она вполне тянет на миллион долларов!..

— Прошу тебя, Грэмпис, — улыбается Милдред, — последи за моим мужем, когда он будет брать у нее интервью.

— Хорошо. Буду смотреть в оба. А пока прикончим эту бутылку...

Глава 14

Лампа на столе Френка Дюриза стоит таким образом, чтобы его лицо оставалось в тени, а весь свет падал на стул для посетителей.

Немного в стороне сидит секретарь-стенографист. Сидящий рядом с Дюриза шериф Лассен спрашивает:

— Все готово? Начинаем?

Он поворачивается к полицейскому в штатском костюме, стоящему в дверях, и говорит:

— Начнем с мисс Молин.

Входит Нита. На ней элегантный костюм серого цвета. Она подходит к стулу, на который ей указывает прокурор. Ее волосы отливают на свету янтарным блеском.

Дюриза улыбается ей и говорит:

— Садитесь, мисс Молин. Сегодня вы будете чувствовать себя гораздо комфортнее, чем в прошлый раз, когда на вас была мокрая одежда. Прошу вас точно отвечать на все мои вопросы.

Она кивает.

— Скажите, мисс Молин, как давно вы познакомились с мистером Стирном?

— Около года назад.

— А с Артуром Райтом?

— Примерно тогда же.

— В каких отношениях вы состояли со Стирном?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Я прошу прощения за неделикатный вопрос, мисс Молин, но это совершенно необходимо для следствия... Итак, какие вас связывали отношения?

— По возрасту он годился мне в отцы, и между нами не было близких отношений. Дюриза снисходительно улыбается.

— Я знаю, что Стирн был далеко не молодым человеком, но он был по-своему привлекательным и.., очень богатым. Он когда-нибудь делал вам предложение?

— Никогда.

— Насколько мне известно, вы можете стать наследницей всего его состояния...

— Да.

— Люди, подобные Стирну, не завещают своего имущества молодым женщинам без всяких на то оснований.

— Разумеется.

— Какие же это основания?

— Не понимаю, какое это имеет отношение к убийству.

— Позвольте мне самому решать.

— Сожалею, но вас это не касается.

— Тем не менее я настаиваю.

— Вы не имеете права копаться в моей частной жизни.

Дюриза мягко говорит:

— Хорошо, поставим вопрос иначе. На какие средства вы живете? На деньги Стирна, не так ли? То есть вы находились на его содержании или он назначил вам ренту?

— Все это не имеет никакого отношения к убийству.

Дюриза на секунду задумывается:

— Насколько мне известно, мисс Молин, полтора года назад вы работали в магазине моды, жили на очень скромное жалованье. Других источников дохода у вас не было.

Лицо Ниты заливается краской. Она хочет что-то ответить, но передумывает и молча устремляет на Дюриза взгляд, полный сарказма.

Дюриза продолжает:

— И вдруг неожиданно вы выкупаете этот магазин, платя владелице наличными. Вы расширяете дело, увеличиваете штат сотрудников и восемь месяцев спустя выгодно все продаете. С тех пор вы не работаете, а занимаетесь спекуляцией земельными участками. Все, до чего вы дотрагиваетесь, превращается в золото. Совершенно естественно предположить, мисс Молин, что коммерческий дар, позволивший вам осуществить такие удачные операции, получил свое развитие под руководством более опытного и более сведущего в делах человека, чем вы.

Нита хранит молчание, продолжая пристально смотреть на Дюриза.

— Ваши отношения с Эддисоном Стирном восходят как раз к той эпохе, когда начинается ваше головокружительное восхождение к

богатству и процветанию. Все указывает на достаточно близкий характер этих отношений, не так ли?

— Ваше вторжение в мою частную жизнь является дерзким превышением власти!

Дюриза спокойным тоном продолжает:

— На моей должности становишься реалистом. Я вижу жизнь такой, как она есть. Я знаю не из теории, а из практики, что когда мужчина зрелого возраста интересуется молодой очаровательной женщиной, которая вскоре демонстрирует неоспоримые признаки материального благополучия, то их отношения далеки от платонических.

Нита секунду колеблется, затем встает со стула и говорит:

— Я не останусь здесь больше ни минуты. Полицейский в штатском делает шаг к двери.

— К сожалению, у вас нет выбора, мисс Молин, — произносит Дюриза.

— Я знаю о своих правах, — отвечает она. Дюриза терпеливо продолжает:

— Я объясню вам, мисс Молин, почему я вам все это говорю.

— Мне было бы на самом деле интересно это услышать.

— Сначала ответьте мне на один вопрос, мисс Молин, в котором часу вы поднялись в воскресенье на борт «Джипси Квин»?

— Я уже вам говорила, что это было за десять — пятнадцать минут до того, как я выскочила на палубу и упала в воду.

— В течение какого времени вы оставались на борту?

— Я успела только обнаружить трупы.

— Мне не удалось найти ни одного человека, который бы видел, как вы поднимались на яхту в воскресенье утром...

Лицо Ниты кривится в презрительной гримасе.

— Зато мне удалось найти свидетеля, — добавляет Дюриза, — видевшего молодую женщину, поднимающуюся на борт яхты в субботу днем...

Нита на секунду перестает дышать, затем произносит:

— Если у вас есть такой свидетель, то вы можете привести его.

— Где вы были в субботу днем?

— Не пытайтесь запугать меня. Если вы имеете право задавать мне любые вопросы, то я в свою очередь имею право не отвечать на

них.

— Значит, вы не хотите отвечать? Нита пренебрежительно качает головой. Дюриза поворачивается к полицейскому, стоящему у двери, и говорит:

— Картер, попросите мистера Шейла пройти в кабинет, а также мистера и миссис Таккер.

— Мистер Виггинс просил передать, что хотел бы быть принятым в одно время с Таккером. Дюриза улыбается:

— Хорошо. Пусть он тоже войдет. Полицейский открывает дверь и приглашает:

— Шейл и Таккер, входите! Виггинс, вы тоже можете войти.

Нита Молин смотрит на входящих холодно, за исключением Шейла, которому она адресует сдержанную улыбку.

Дюриза вопросительно смотрит на Таккера, высокого, угрюмого малого с сутулыми плечами, от которого ускользает смысл взгляда прокурора. Его жена начинает что-то нашептывать на ухо Грэмпу Виггинсу. Грэмп подталкивает Таккера локтем и в свою очередь начинает что-то нашептывать ему на ухо.

Таккер отрицательно мотает головой.

Грэмп обращается к Дюризе высоким голосом, переходящим в стаккато:

— Мы можем подождать здесь?

— Нет, — отвечает Дюриза с улыбкой, — подождите за дверью.

Но при виде разочарованного лица Грэмпса он смягчается:

— Вы можете сесть рядом с шерифом, мистер Виггинс, а мистер и миссис Таккер подождут в коридоре. Мистер Шейл, садитесь, пожалуйста, сюда, я хочу задать вам несколько вопросов. Шейл молча садится на указанное место.

— Вы коммивояжер?

— Да.

— Вы не знакомы ни с Эддисоном Стирном, ни с Артуром Райтом?

— Нет.

— Вы были на пляже утром в воскресенье?

— Да.

— Вы можете сказать, в котором часу мисс Молин поднялась на борт яхты?

— Я не видел, когда она поднялась на борт, но я могу сказать, когда она могла это сделать.

— Так когда же?

— Минут за пятнадцать перед тем, как я ее вынул из воды.

— Вы заметили ее впервые, только когда она подошла к борту?

— Да.

— Сколько времени она оставалась у борта?

— Минуту или две.

— Что было потом?

— Она упала за борт.

— Сколько вам понадобилось времени, чтобы подплыть к ней?

— Не знаю, мне было не до этого.

— Хотя бы приблизительно...

— Я пробежал метров пятнадцать — двадцать по пляжу, взял шлюпку и начал грести. Минуты три...

— И все это время она барахталась в воде?

— Я бы не сказал, что она барахталась. Она вынырнула раз, затем другой. Когда я подплыл к ней, она вынырнула уже в третий раз.

— Почему вы считаете, что она поднялась на борт яхты за пятнадцать минут до того, как вы ее заметили?

— Я не сказал, что это было за пятнадцать минут до того, как я ее заметил, — осторожно отвечает Шейл. — Я сказал: за пятнадцать минут до того, как я ее выловил, а заметил я ее минут за двенадцать..

— Что позволяет вам с такой точностью определить время?

— Дело в том, что она могла подняться на борт незамеченной только в это время.

— Объясните, пожалуйста.

— Ровно за четверть часа до того момента, когда я ее выловил из воды, я был погружен в созерцание очень любопытной раковины.

— Но вы указываете очень точное время — четверть часа.

— Это всего лишь мое ощущение.

— Вы остановились в отеле «Бальбоа»?

— Да.

— И вы вернулись прямо в отель после того, как дали мне показания?

— Да.

— Мисс Молин звонила вам туда?

— Да.

— Что было дальше?

— Мы поехали вместе в бар.

— А потом вы отправились вместе на «Альбатрос»?

— Да.

— Это была ее идея?

— Да.

— Вы знали мисс Харплер?

— До этой истории нет.

— Зачем вы отправились на «Альбатрос»?

— Меня пригласила мисс Молин. Неожиданно тон Дюриза становится сухим:

— Вы не обязаны отвечать на эти вопросы, мистер Шейл, и вы не обязаны говорить правду. Но дача ложных показаний может привести к нежелательным последствиям, мистер Шейл. Для чего вы отправились на «Альбатрос»?

— Он сделал это по моей просьбе, — вмешивается Нита Молин.

— Я обращаюсь к Шейлу, — сухо произносит прокурор.

— Мне нечего добавить к сказанному мисс Молин. Если вы хотите узнать, чем я занимался после дачи показаний на яхте «Джипси Квин», обращайтесь к мисс Молин.

Дюриза на минуту задумывается, затем спрашивает:

— Почему вы встали на эту позицию, мистер Шейл?

— Потому что я уверен в том, что все, что я делал после этого, не имеет никакого отношения к убийству.

— В котором часу «Альбатрос» вышел в море?

— Не знаю.

— Но вы ведь были на борту?

— Да, но я спал.

— В котором часу вы проснулись?

— Уже в открытом море.

— И что вы сделали?

— Я попытался выйти из кабины, но дверь оказалась запертой на ключ. Я принялся так стучать в нее, что мисс Харплер пришлось меня выпустить.

— И какое она вам дала объяснение?

— Ей показалось, что полицейским на борту «Джипси Квин» не нравится, что мы слишком интересуемся тем, что там происходит, и поэтому она решила немного проветриться.

Нита Молин хочет что-то сказать, но передумывает.

— Итак, в котором часу вы проснулись?

— Перед самым заходом солнца.

Дюриза медленно качает головой и говорит:

— Хорошо. Я думаю, что на сегодня достаточно. У меня сложилось впечатление, что после обнаружения трупов произошло нечто, что вы пытаетесь скрыть от меня... Придется мне набраться терпения и подождать, пока вы решитесь просветить меня на этот счет.

Дюриза вопросительно смотрит на молодых людей, но они оба молчат. Обменявшись коротким взглядом, они упрямо и сосредоточенно смотрят на носки своих туфель.

Грэмпис Виггинс ерзает на стуле и не выдерживает:

— Я бы хотел задать один вопрос. Дюриза бросает на него строгий взгляд. Грэмпис повторяет свою просьбу:

— То, о чем я хочу спросить, сынок, очень важно.

— О чем же? — произносит Дюриза сухим тоном.

— Мне бы хотелось знать, не спрашивала ли мисс Молин Шейла о том, в какой момент он не смотрел в сторону яхты, прежде чем сказать ему, когда она туда поднялась? — спрашивает Грэмпис.

Лицо Шейла на секунду мрачнеет, затем, улыбнувшись, он обращается к Дюризе:

— Не понимаю..., но я могу ответить на этот вопрос. Мисс Молин абсолютно не...

Неожиданно он, быстро взглянув на Ниту, отводит глаза в сторону, так и не закончив фразы.

Грэмпис Виггинс встает со стула и подходит к Шейлу, устремив на молодого человека свои пронизательные голубые глаза.

— Разве она не заехала за вами в отель, чтобы угостить вас в каком-нибудь баре? — спрашивает он своим высоким голосом. — Разве она вам не объяснила, почему вы не заметили ее в тот момент, когда она поднималась на борт яхты?

— Кто этот господин? — интересуется Шейл у прокурора.

— Он не является официальным лицом, поэтому вы не обязаны отвечать на его вопросы.

— Мне кажется, я уже все сказал, — произносит Шейл.

Грэмпис Виггинс подносит свой палец к носу молодого человека.

— А разве у «Альбатроса» не было в море randevу с другим судном?

— Я не знаю, — отвечает Шейл. — Я спал. Когда я поднялся на палубу, «Альбатрос» уже возвращался в Санта-Дельбарру.

— Жаль, очень жаль, — вздыхает Грэмпис Виггинс.

— Ладно, на сегодня достаточно, — говорит Дюриза. — Конечно, при условии, что никто не хочет сделать заявление.

Молодые люди молча встают и выходят из кабинета.

Когда дверь за ними закрывается, Грэмпис Виггинс говорит:

— В субботу днем Таккер видел совсем другую девушку, поднявшуюся на борт «Джипси Квин». Но он не видел, чтобы мисс Молин поднималась на яхту в воскресенье утром. Он видел только, как она вышла на палубу и бросилась в воду.

— Она говорит, что плохо себя почувствовала.

— Это она говорит. Таккер утверждает, что она просто нырнула.

— Почему вы спросили Шейла о randevу в море с другим судном?

— Потому что я постоянно думаю о морском круизе, в который собирался отправиться Стирн в воскресенье днем. «Джипси Квин» не смогла выйти в море по известным причинам, но «Альбатрос» отправился на randevу и вернулся. Почему?

— Понятия не имею, Грэмпис.

— «Альбатрос» отправился на randevу вместо «Джипси Квин». А где сейчас мисс Харплер? Что она говорит по поводу своей воскресной прогулки?

— Она имеет право на любые прогулки на своей яхте, — замечает шериф Лассен.

— Если она нам понадобится, мы всегда сможем вызвать ее, — говорит Дюриза, потягиваясь и вставая. — Я считаю, что на сегодня достаточно. Картер, скажите всем, что они свободны.

Полицейский открывает дверь в коридор:

— Вы свободны.

— Поддерживайте контакт с Таккером, — обращается Дюриза к Грэмпису. — Он еще может пригодиться нам...

В кабинет возвращается Картер:

— Там некто Хазлит настаивает на встрече с вами. Он говорит, что это очень важно. Дюриза недовольно морщится.

— Я уже устал от этого дела, — замечает он.

— Он сказал, что он адвокат и поверенный в делах.

— Ах, так... В таком случае придется его принять. Вы подождете, Грэмпис?

— Ты хочешь, чтобы я вышел? Дюриза смеется:

— Боюсь, что мистер Хазлит захочет поговорить со мной конфиденциально.

Дверь в кабинет открывается. Входит Картер, за ним Хазлит и Нита Молин. Нита обращается к Дюризе:

— Мистер Дюриза, представляю вам своего поверенного, мистера Хазлита.

— О! — восклицает прокурор. — Я не знал, что поверенный мисс Молин ждал в коридоре...

— Я не ждал, — говорит Хазлит. — Я только что приехал.

— Если бы я знал, что вы приедете, я подождал бы вас, чтобы допрашивать мисс Молин в вашем присутствии.

— Но я приехал по другому поводу. А мисс Молин абсолютно нечего от вас скрывать... Нита с возмущением выпаливает:

— Я не думала, что прокурор спросит меня о.., что он позволит себе инсинуации... Хазлит обрывает ее:

— Успокойтесь, дорогая.

Затем, повернувшись к Дюризе, он говорит ему своим самым медоточивым тоном:

— Я привез вам информацию, которая, по моему мнению, является важным свидетельством...

— Что за информация? — спрашивает Дюриза, снова садясь за стол.

Никто не обращает внимания на Грэмписа, который на цыпочках пробирается в угол комнаты и скромно садится там на стул.

Хазлит начинает объяснять ситуацию:

— Я был адвокатом мистера Стирна и вел все его дела на протяжении долгих лет. Месяц назад мистер Стирн заключил контракт о покупке нефтяного участка, последний срок подтверждения которого истекал в субботу, в полночь. Сегодня утром я назначил мисс Молин управляющей делами Стирна. Этим назначением я преследовал также

цель, чтобы мисс Молин могла потребовать продления срока подписания контракта с учетом сложившихся обстоятельств. Сегодня днем мисс Молин подписала контракт. Возможно, что нам придется решать дело в судебном порядке. Я объясняю вам все это для того, чтобы было понятно дальнейшее.

— Вы говорили о свидетельстве, — напоминает Дюриза.

— Оно у меня имеется. Мне стало известно, что Стирн сам написал о своем окончательном решении.

— В чем же дело?

Хазлит бережно достает из кармана конверт и объясняет:

— Вот конверт, отправленный в адрес конторы мистера Эддисона Стирна в Лос-Анджелесе. Он был отправлен по почте из Санта-Дельбарры в субботу, в шестнадцать часов тридцать минут.

— Ну и?..

— В этом конверте лежит копия письма, отправленного Эуэллу и Филдингу. Здесь объясняется, почему подтверждение контракта было отправлено в самый последний момент. На втором листе копии рукой Стирна написано, что он сам отправил оригинал в субботу в шестнадцать тридцать из Санта-Дельбарры.

— Покажите это письмо, — просит Дюриза. Он берет копию, изучает ее в течение нескольких минут и спрашивает:

— Письмо было отпечатано в Лос-Анджелесе?

— Не думаю. В таком случае он оставил бы его в своем кабинете, а с собой взял бы только оригинал, чтобы отправить его по почте.

— Я вижу штемпель Санта-Дельбарры. У Стирна была на яхте пишущая машинка?

— Да, портативная. Он иногда пользовался ею. Артур Райт тоже умел печатать, раньше он был секретарем Стирна.

Дюриза с интересом смотрит на Хазлита, тот продолжает:

— Эуэлл и Филдинг утверждают, что не получали письма Стирна, но я убежден, господин Дюриза, что это ложь. Они узнали о смерти Стирна и решили воспользоваться этим, чтобы скрыть получение письма. Они могут выиграть таким образом большую сумму. Я приехал, чтобы просить вас вызвать сюда этих двух бандитов и разобраться с ними. Если Стирн отправил это письмо, то вы располагаете сведениями о времени наступления его смерти и возможного мотива...

Дюриза, улыбнувшись, замечает:

— Как я понял, вы возбуждаете дело против этих двух типов и хотите использовать меня...

Хазлит протестует с видом оскорбленного достоинства:

— Я и не думал скрывать от вас, что извлеку определенную выгоду из результатов проводимого вами расследования, но я обращаюсь к вам как к судье.

Между тем Грэмпис Виггинс бесшумно подходит сзади к прокурору и читает через его плечо текст письма. Неожиданно он тычет пальцем в нижний угол письма:

— Обратите внимание на эти инициалы, вот здесь, в нижнем углу; «Э.С. — А.Р.» Я уверен, что А.Р. — это инициалы машинистки, печатавшей письмо. Это ее видел Таккер в субботу днем на яхте, а позднее на берегу, когда она опускала письмо в ящик. Даю руку на отсечение, что машинистка живет в Санта-Дельбарре.

Хазлит отвечает холодным тоном:

— Но рукою Стирна написано, что он сам отправил письмо.

— Мне плевать на то, что написал Стирн, — возмещает Грэмпис. — Я говорю о том, что можно проверить. У нас есть свидетель, видевший девушку, которая отправила копию письма. А Стирн отправил оригинал.

— Во всяком случае, — замечает Хазлит, — я посчитал своим долгом, господин прокурор, поставить вас об этом в известность, так как я рассчитываю на наше дальнейшее сотрудничество.

— Очень приятно это слышать, — говорит Дюриза, — было бы хорошо, если бы вы убедили в этом вашу клиентку.

Грэмпис, подпрыгивая, направляется к двери. Прежде чем выйти, он оборачивается и говорит Дюриза:

— Идите в кино без меня. У меня есть дела поинтереснее.

Глава 15

Когда Дюриза возвращается домой, Милдред уже готова к выходу.

— Где Грэмпис? — спрашивает она.

— Он отправился поиграть в детектива. Я не стал ему препятствовать. По крайней мере, это отвлечет его от других безрассудств.

— Что он задумал?

— Он решил разыскать машинистку с инициалами А.Р.

— Тебе не стоило отпускать его одного, Френк.

— Что я мог поделаться? Пусть развлекается, как ему нравится.

— Значит, идем без него? Посмотри, какую я надела очаровательную шляпку. Как, по-твоему, на что она похожа?

— Не знаю, что-то среднее между птичьим гнездом и горшком с цветами, на который наступил слон...

Они выходят на крыльцо, и Дюриза закрывает дверь на ключ. У дома останавливается автомобиль, из которого вылезают мужчина и женщина и идут навстречу.

— Мистер Дюриза? — спрашивает женщина.

Дюриза приподнимает шляпу и кланяется.

— Нам совершенно необходимо поговорить с вами. Мы отнимем у вас всего несколько минут... Дюриза вздыхает:

— У меня свидание и...

— Меня зовут миссис Райт, — перебивает она, — я вдова Артура Райта.

Ее имя производит тот эффект, на который она и рассчитывала.

Дюриза бросает на жену печальный взгляд и открывает дверь. Все проходят в гостиную и устраиваются в креслах.

Миссис Райт первая нарушает молчание:

— Мне очень жаль, что мы расстроили ваши планы на сегодняшний вечер, но мы приехали из Лос-Анджелеса специально, чтобы встретиться с вами и...

Мужчина перебивает ее и говорит вежливым тоном:

— Переходи прямо к делу, которое привело нас сюда, Пирл.

Дюриза с интересом смотрит на молодого человека.

— Меня зовут Уоррен Хилберс, я брат миссис Райт.

Дюриза поворачивается к женщине и говорит:

— Приношу вам свои соболезнования, мадам. Так что же вас привело ко мне?

— Я хочу дать показания.

— Слушаю вас, мадам.

— Прежде всего я бы хотела.., кое-что уточнить.., чтобы вы поняли... Эддисон Стирн был властным человеком и полностью подчинил Артура, который, впрочем, боготворил его...

Уоррен Хилберс вежливо перебивает сестру:

— Пирл! Расскажи мистеру Дюриза о том, что привело нас сюда, и, быть может, он еще успеет на свое свидание.

— В таком случае, Уоррен, может, ты сам все расскажешь?

Хилберс вынимает из портсигара сигарету и долго закуривает ее. Затем он поднимает глаза на прокурора и говорит:

— Моя сестра считает, что Артур Райт убил Эддисона Стирна, после чего застрелился сам. Дюриза демонстрирует искреннее удивление:

— Но миссис Райт только что сказала, что ее муж боготворил Стирна...

— Есть еще одна вещь, о которой моя сестра не осмеливается сказать, но которая гложет ее, — замечает Хилберс мягким, но хорошо поставленным и уверенным голосом. — Она считает, что в некотором роде виновата в том, что случилось, то есть в убийстве... Я попытался разубедить ее в этом, но она вбила себе в голову, что Райт убил Стирна после того, как она сказала ему... Пирл, расскажи сама.

— Мне трудно об этом говорить, мистер Дюриза, потому что я не могу быть объективной по отношению к женщине, которую я ненавижу.

Дюриза кивает, чтобы показать, что он внимательно слушает.

— Между Нитой Молин и Эддисоном Стирном были особые отношения, — продолжает Пирл. — Я уверена, что они были близки. Хотя сейчас я допускаю, что Эддисон мог относиться к ней как к дочери...

Она замолкает, и Хилберс подбадривает ее:

— Продолжай, Пирл.

— Не исключено, что он ее отец... Дюриза молча ждет продолжения.

— Мисс Молин в некотором смысле удивительная женщина. Она прекрасно знает, чего хочет. Не знаю, знаком ли вам этот тип женщин, но они завораживают мужчин...

Следует короткая пауза, которую прерывает Хилберс:

— Оставь философские рассуждения, Пирл. Мистеру Дюриза нужны факты. Итак, Артур Райт был без ума от Ниты Молин, но его страсть не была взаимной... Пирл, продолжай, пожалуйста, и сбрось с души камень.

Пирл Райт продолжает:

— Разумеется, муж не обсуждает такие вещи со своей женой. Но он молился на Эддисона Стирна, а тот делал все для того, чтобы Артур и Нита постоянно были вместе. Эддисон ненавидел меня и мечтал разрушить наш брак. Надо сказать, ему это удалось...

Пирл Райт делает короткую паузу и снова продолжает:

— Сначала я пыталась бороться со Стирном, но потом поняла, что его влияние на Артура слишком велико, и опустила руки. В конце концов мы пришли к молчаливому согласию: мы не разводились, но наш союз был чисто формальным. Когда Артур уезжал со Стирном, я тоже могла отправляться куда угодно. Именно поэтому я не сразу поняла, что Эддисон усиленно старался соединить Артура и Ниту. Для меня это было как гром среди ясного неба.

Пирл Райт снова замолкает.

— Скажи, как ты узнала об этом, Пирл, — говорит Хилберс.

— Мне сказал об этом Артур.

— Когда?

— В прошлую пятницу. Он признался, что любит другую. Я спросила кого, и он сказал, что Ниту. Конечно, я чувствовала себя оскорбленной. Я не скажу, что сердце мое разрывалось, но гордость моя была уязвлена. Я решила ему отомстить. Мне хотелось тоже причинить ему боль. Разумеется, я бы ему никогда этого не сказала, если бы не думала так, но в тот момент я действительно думала, что это правда...

— Что вы ему сказали?

— Что Эддисон сплавил ему надоевшую любовницу.

Следует продолжительная пауза. Наконец Дюриза спрашивает:

— Что было потом?

— Он побледнел. Я еще никогда не видела его в таком состоянии. Подобная мысль просто не приходила ему в голову, и поэтому удар оказался слишком сильным...

Хилберс комментирует рассказ своей сестры:

— Понимаете, мистер Дюриза, Пирл была в тот момент совершенно искренна. А сегодня утром между Пирл и мисс Молин произошел разговор, заставивший Пирл усомниться в правоте ее суждений. — Он встает, чтобы загасить окурок в пепельнице, затем снова возвращается на место. — Лично я не верю ни одному слову мисс Молин. Она сочинила эту красивую историю, потому что теперь ее никто не может опровергнуть, но которая тем не менее задела Пирл за живое. Сегодня утром, когда я вернулся домой, я застал Пирл, в слезах. Она пережевывала слова мисс Молин и уверяла меня, что если все это правда, то она сказала Артуру ужасную вещь. Чем больше она об этом думала, тем больше убеждала себя в том, что виновна в убийстве... Я попытался доказать ей, что ничто не подтверждает ее подозрений и что речь вовсе не идет об убийстве и последовавшем за ним самоубийстве. Речь идет, насколько я понимаю, о двойном убийстве. Я решил привезти Пирл сюда, чтобы она рассказала вам о своих подозрениях и сомнениях, ну, а окончательные выводы вы сделаете сами.

— В глубине души я убеждена, что это правда, — говорит Пирл. — Поднявшись в свой кабинет, Артур выдвинул ящик письменного стола, взял револьвер и ушел из дома, не сказав ни единого слова. После его ухода я поднялась в его кабинет, чтобы проверить, на месте ли револьвер. Его там не было...

— И что вы предприняли? — спрашивает Дюриза.

— Я попыталась связаться с Эддисоном Стирном, но он отказался меня принять.

— Но вы не видели, как ваш муж брал револьвер?

— Нет, не видела. Я только слышала, что он выдвинул и задвинул ящик стола, а когда я поднялась в кабинет, то револьвера на месте не было.

— Все это игра ее воображения, — вмешивается Хилберс. — Артур мог взять револьвер раньше. Он мог, наконец, одолжить его кому-нибудь.

— Кроме того, ничто не говорит о том, — замечает Дюриэа, — что речь идет об убийстве и последовавшем за ним самоубийстве.

— Вот именно, — подтверждает Хилберс. — Но Пирл смотрит на дело по-другому...

— Замолчи, Уоррен. Хватит ворошить все это.

Хилберс поворачивается к прокурору и объясняет, тщательно взвешивая каждое слово:

— Дело в том, мистер Дюриэа, что Пирл убеждена также в том, что Артур непременно должен был оставить письмо, объясняющее его поступок. Он должен был оправдать себя в глазах Ниты Молин и объяснить, что вынудило его на этот отчаянный шаг. Поэтому, если Пирл права и речь идет действительно об убийстве и последовавшем за ним самоубийстве, то где же в таком случае револьвер и предсмертная записка? Заметьте, что лично я считаю это плодом воображения Пирл, но...

Пирл обрывает его:

— Нет, это не плод моей фантазии. Я уверена в том, что речь идет об убийстве и самоубийстве. Но после трагедии кто-то унес револьвер и письмо. Я уверена, что Артур оставил письмо. Возможно, он напечатал его на машинке, так как письмо должно было быть длинным. Артур не ограничился бы одной фразой типа: «Я должен был это сделать!», нет, Артур объяснил бы все до мельчайших подробностей, он изложил бы историю знакомства и развития своих отношений с Эддисоном Стирном, а затем с мисс Молин. Он рассказал бы о своих подозрениях, своем отчаянии и прочее, и прочее. И кроме того, я уверена, что он оставил бы.., э.., э...

— Что именно? — спрашивает Дюриэа.

— Завещание, в котором лишил бы меня наследства.

— А что, завещание тоже исчезло?

— Похоже, что да.

— Вы не обнаружили завещания в его бумагах?

— Нет, что еще больше утверждает меня в моем мнении. Он написал завещание и вложил его в конверт, а затем передал своему банкиру, предварительно запечатав его. Банкир позвонил мне и сообщил, что в пятницу днем Артур забрал конверт, сказав, что собирается переделать завещание.

— А по первому завещанию вы назначались наследницей всего его имущества? — спрашивает Дюриза.

— Я не знаю.

— А его банкир знает?

— Нет, конверт был запечатан.

В разговор снова вмешивается Хилберс:

— Надеюсь, вы понимаете, мистер Дюриза, что, в сущности, Пирл не в чем себя упрекать. Предположим, что Эддисон Стирн действительно был отцом Ниты Молин либо считал ее своей дочерью. Это объясняет интимность их отношений и подарки, которые он ей делал. Ему стоило только сказать об этом Артуру, и все сомнения бы развеялись. Кроме того, у них было достаточно времени для объяснения. Известно, что они провели вдвоем на яхте несколько часов до убийства. Если бы Артур действительно взял с собой револьвер и собирался убить Стирна, то сначала он потребовал бы от него объяснений, не так ли, мистер Дюриза?

— Все это мне кажется вполне логичным, — говорит прокурор.

Пирл Райт перебивает его с истерической ноткой в голосе:

— Вы пытаетесь убедить меня, что я невинна в том, что произошло...

Хилберс останавливает ее:

— Не глупи, Пирл! Мы говорим о реальных фактах.

Он снова поворачивается к Дюриза и говорит:

— Я так и не смог убедить свою сестру, может быть, вам удастся это сделать. Мне кажется, что в этом деле возможно несколько вариантов. Во-первых, отношения между мисс Молин и Стирном могли быть чисто платоническими, значит, налицо двойное убийство. Во-вторых, их отношения могли быть не столь невинны, и тогда речь идет об убийстве и самоубийстве.

Дюриза на секунду задумывается и спрашивает Хилберса:

— А если допустить второй вариант, мистер Хилберс, у вас есть предположения по поводу того, как развивались события дальше?

— Да. Я думаю, что мисс Молин...

— Замолчи, Уоррен! — перебивает его сестра. — Мы уже столько раз обсасывали эту тему. Хватит об этом!

Хилберс невозмутимо продолжает, не обращая внимания на протест сестры:

— В таком случае Артур оставил бы письмо, а кроме того, револьвер тоже находился бы где-нибудь неподалеку от трупов... Отсюда вытекает, что кто-то был заинтересован в исчезновении как револьвера, так и послания, а этим человеком может быть только Нита Молин. Это означает, что она оставалась на яхте достаточно долгое время и успела спрятать от посторонних глаз то, что считала необходимым. Поэтому Пирл совершенно напрасно мучает себя. Если мисс Молин действительно была любовницей Стирна и собиралась вдобавок разрушить брак Пирл, то сестра имела право сказать мужу то, что сказала. Но если это было не правдой, то у Стирна было достаточно времени, чтобы объяснить это Райту...

Хилберс умолкает, высказав все, что мог, чтобы унять угрызения совести своей сестры.

Дюриза поворачивается к миссис Райт и спрашивает ее:

— Вы были в субботу на острове Каталина?

— Да. В пятницу вечером я безуспешно пыталась связаться со Стирном. Тогда я позвонила брату и попросила его приехать. Мне нужен был его совет...

— Но ты мне ничего не сказала о револьвере, Пирл.

— Нет. Я решила сказать тебе об этом только в субботу.

Хилберс объясняет Дюриза:

— Пирл рассказала мне только о своей ссоре с мужем. Я успокоил ее, сказав, что не вижу в этом ничего трагического.

— Когда вы отправились на остров? — спрашивает Дюриза.

— В субботу утром, около восьми часов.

— Немного позднее, — поправляет Пирл. — В половине девятого. Да, катер отчалил в половине девятого.

— У нас прекрасный катер с мощным мотором, — добавляет Хилберс.

— И вы весь день провели вместе? — спрашивает прокурор как бы между прочим.

— Да, — отвечает Хилберс. — Затем, улыбнувшись, продолжает:

— Конечно, мы разлучались на короткое время, минут на десять — пятнадцать...

Пирл Райт говорит:

— В субботу днем я спала больше часа. Да, почти полтора часа.

— О! — восклицает Дюриза. — Я задал вопрос просто так и не спрашиваю вас о таких подробностях. В какой части острова вы остановились?

— Я точно не знаю. Окна коттеджа выходят на бухту...

— Мы остановились в коттедже миссис Эльвиры Ралей. Я часто снимаю у нее коттедж. Мой катер не столь комфортабелен, чтобы спать в нем.

— А когда вы уехали с острова?

— В воскресенье вечером. И в этой связи, мистер Дюриза, мне бы хотелось обратить ваше внимание еще на одну вещь. Когда в субботу утром Пирл уходила из дома, она не собиралась туда возвращаться. Она оставила письмо Артуру, в котором писала, что не может больше выносить его равнодушие и дружбу с человеком, разрушившим их брак. Но она не может согласиться также на его брак с бывшей любовницей его друга, тем более что он просит ее саму подать на развод. Если он хочет развестись с ней, то пусть сам ходатайствует о разводе в калифорнийском суде. Кроме того, она намерена возбудить иск против Эддисона Стирна, обвинив его в отчуждении мужа и разрушении их брака. Пирл собиралась подать иск уже в понедельник.

— А где вы оставили письмо? — спрашивает Дюриза Пирл.

— На ночном столике Артура.

— Прислуга могла его прочитать?

— Нет. Письмо было запечатано.

После короткой паузы Хилберс продолжает:

— Итак, в воскресенье вечером Пирл вызвали в почтовое отделение острова на переговоры. Звонила мисс Молин. Она сообщила, что случилось нечто ужасное и что Пирл должна немедленно вернуться домой, чтобы уничтожить письмо, если оно существует.

— Откуда ей было известно об этом письме? — спрашивает Дюриза.

— Это остается тайной, — отвечает Хилберс. — Объяснение может быть только одно: в субботу утром, после отъезда Пирл, Артур вернулся домой, прочитал письмо и снова вложил его в конверт. После этого он встретился с Нитой Молин и рассказал ей о письме.

— Письмо было на месте, когда вы вернулись домой? — обращается Дюриза к Пирл Райт. Она кивает. Хилберс продолжает:

— Нита Молин не хотела, чтобы ее имя упоминалось в прессе. Она знала, что полиция придет в дом и обнаружит письмо. Поэтому она посоветовала Пирл вернуться и уничтожить его.

— Вы спросили у мисс Молин, откуда ей стало известно о письме? — спрашивает Дюриза Пирл.

— Нет. В телефонном разговоре все это звучало не так категорично. Она просто посоветовала мне уничтожить письмо в том случае, если я его написала.

Хилберс смотрит на часы и хмурит брови:

— Прошу прощения, мистер Дюриза. Мы задержали вас дольше, чем я предполагал. Надеюсь, вы сможете убедить Пирл в том, что я прав, успокаивая ее: у Эддисона Стирна было достаточно времени, чтобы спокойно объяснить все Артуру на борту яхты.

Дюриза поворачивается к Пирл Райт и улыбается ей.

— Это абсолютно справедливо, миссис, — говорит он.

Хилберс с благодарностью смотрит на Дюриза. Пирл Райт слезливым тоном обращается к прокурору:

— Умоляю вас, мистер Дюриза, обещайте мне, что вы проясните этот вопрос и узнаете, был ли на самом деле Эддисон Стирн отцом Ниты Молин или чем-то в этом роде...

— Или она была его любовницей, — добавляет Хилберс.

Затем молодой человек поворачивается к Милдред:

— Надеюсь, вы простите нам наше вторжение. Мне, право, очень неловко, что мы испортили вам вечер, но...

Милдред импульсивным жестом протягивает ему руку:

— Не стоит извиняться, мистер Хилберс. Я прекрасно вас понимаю. Вы поступили правильно.

Дюриза провожает посетителей до крыльца. Когда он возвращается в гостиную, Милдред говорит ему:

— Они оба очень симпатичные. Ты тоже считаешь, что кто-то унес из каюты револьвер и письмо?

— Вполне возможно. — Он на секунду задумывается и добавляет:

— Может быть, нам тоже поиграть в детективов, что ты на это скажешь? Было бы неплохо вернуться на яхту и в спокойной обстановке еще раз все осмотреть.

— Значит, мы не идем в кино? Фильм демонстрируется сегодня последний вечер...

— Ты Виггинс или нет? Твой предок не колебался между долгом и бредятиной...

— В таком случае я выбираю долг...

— Ты достойна быть женой прокурора, Мил. А я постараюсь быть достойным Грэмпса Виггинса. В путь!

Глава 16

Милдред уверенно ведет машину по ночному городу. Неожиданно она спрашивает:

— Скажи, Френк, а чем, собственно, занимается шериф? Пока ты работаешь, он развлекается...

— Он знает свое дело. Когда следствие заканчивается удачно, он приписывает весь успех себе, а в случае неудачи умывает руки. А в интервале он довольствуется допросами свидетелей и прочим. Ты ведь знаешь Лассена...

— Да, конечно.

Милдред на лихом вираже подъезжает к дамбе и останавливает машину у яхт-клуба.

— Охрана на месте? — спрашивает она у мужа.

— Нет. Мы сняли охрану. Каюты заперты на ключ. Впрочем, мисс Молин назначена теперь управляющей имуществом Стирна, и завтра нам придется передать ключи ей.

Дюриза берет жену под руку, и они направляются в сторону клуба.

— Мне нужно спросить разрешение на одну из этих шлюпок, — объясняет он.

— Разве мы не можем взять шлюпку втихаря?

— Что? Ты предлагаешь прокурору стать ночным гангстером? Ты хочешь, чтобы я угнал лодку у людей, оказавших мне доверие и выбравших меня на эту должность?

— Я бы предпочла выйти замуж за корсара.

— Действительно, так может говорить только настоящая Виггинс! Я передам это Грэмпу. Значит, берем «Джипси Квин» на бордаж?

— Мне следует сшить черные паруса с изображением черепа, чтобы поднять их на мачте... Тихо! Там кто-то есть...

Они подходят на цыпочках к освещенному окну клуба и заглядывают внутрь. Вокруг стойки бара толпятся пять или шесть членов клуба. Они пьют, курят, разговаривают. Комната утопает в голубом табачном дыму.

— Держу пари, что они рассуждают об убийстве, — говорит Милдред. — Если они тебя заметят, то не отпустят так просто.

Супружеская чета молча идет к понтону и устраивается в одной из пришвартованных к нему шлюпок. Дюриза распутывает трос и садится за весла.

— Предупреждаю, что я не чемпион по гребле.

— Ты прекрасно играешь в теннис, — утешает его Милдред. — Кроме того, ты великолепно едешь верхом. Именно этим ты и пленил меня.

— Прекрасное было время!

— Хотя теперь я понимаю, почему ты никогда не предлагал мне покататься на лодке.

— Это был совет моего отца.

— Твой отец был умным человеком. Если бы я раньше увидела, как ты гребешь, я бы никогда не вышла за тебя замуж.

— В таком случае садись сама за весла, и мы посмотрим, на что годится супруга корсара...

Они меняются местами, и Милдред берет за весла.

Ее удары уверенны и сильны. Лодка скользит по воде, словно стрела.

— Черт побери! — восклицает Дюриза. — А я и понятия не имел, что ты умеешь так грести. Может быть, ты еще многое другое скрываешь от меня?

— Я участвовала в соревнованиях по гребле и даже неоднократно выигрывала их. Это было в колледже. Бери трос, мы причаливаем. Где здесь лестница?

— С другой стороны.

— Так не говорят. Надо говорить: «с правого борта». А теперь скажи мне, где левый борт.

— Это тот, который противоположен правому.

— Молодец! А где правый борт?

— Там, где находится лестница, чтобы подняться на борт «Джипси Квин».

Милдред причаливает к яхте, Дюриза ловко прыгает на палубу и начинает привязывать трос.

— Не сюда, — говорит Милдред. — К корме. А я проверю, какой ты сделаешь узел. Мне бы не хотелось возвращаться назад вплавь.

— Слушаюсь, мой капитан, — улыбается Дюриза. — Любопытно, где ты освоила профессию моряка?

— Я плавала юнгой на яхте.

— Что-то мне это не нравится! Я много слышал о том, что творится на этих яхтах...

— Грэмпис может еще больше расширить твой кругозор. Не зря я предупреждала тебя о нем. У тебя есть ключ от этого замка?

Они входят в кабину лоцмана, затем спускаются оттуда в большую каюту, где были обнаружены трупы.

— Я прихожу в восторг от мысли, что сама провожу расследование, — замечает Милдред.

— Это влияние кинематографа, Мил.

— А по положению трупов можно сделать вывод о том, что речь идет об убийстве и самоубийстве?

— Положение трупов свидетельствовало о том, что Стирн умер первым, потому что тело Райта лежало на его ногах.

— Они были убиты оба из одного револьвера?

— Похоже, но я еще не получил окончательных результатов вскрытия. Доктор Грейбар вызвал из Лос-Анджелеса своего коллегу, доктора Петермана, признанного авторитета в этой области.

— Ты думаешь, что Стирн продиктовал Райту письмо, адресованное торговцам нефтяными участками?

— Не исключено.

— А миссис Райт убеждена в том, что ее муж оставил подробный отчет о том, что и почему он сделал.

— Вот пишущая машинка, на которой он мог его напечатать.

— Шериф обнаружил на ней отпечатки пальцев?

— Наверняка. Впрочем, подожди, Мил, не двигайся... На валике остались какие-то следы...

— Да, действительно. Следы букв совсем свежие...

— Не прикасайся, Мил.

Дюриза наклоняется над пишущей машинкой и издает продолжительный свист. Милдред говорит с возмущением:

— Ведь ты не хочешь сказать, что шериф до такой степени болван, что не заметил этого?

— Не знаю. Единственное, в чем я уверен, так это в том, что ему далеко до Шерлока Холмса...

Некоторое время они молчат, затем Дюриза говорит:

— Мне надо было самому все тщательно осмотреть, но я не выношу подобные зрелища... Когда я увидел трупы, меня затошнило. Я поручил осмотреть каюту Лассену и его заместителю Биллу Вигарту, а сам пошел допрашивать свидетелей.

— Может быть, эти слова были напечатаны уже после убийства?

— Вряд ли. Сначала яхту охраняли полицейские, а затем все двери были заперты на замки.

— А у мисс Молин нет ключей?

— Нет. Замки купил сам шериф. Было всего два ключа: один остался у него, а другой он передал мне. Думаю, что мне придется пойти сейчас к нему.

Неожиданно Милдред громко смеется.

— Тебе смешно? — спрашивает немного обиженный супруг.

— Нет. Просто я подумала о том, что сказал бы об этом Грэмпис.

Билл Вигарт тщательно осматривает в лупу пишущую машинку.

— Ни одного отпечатка пальцев! — заявляет он.

— Вы не находите это странным? — спрашивает Дюриза.

— Вы правы, — осторожно отвечает Вигарт. — Но, по правде говоря, мистер Дюриза, я не часто имел дело с пишущими машинками. Похоже, что ее протерли нейлоновой тряпкой, пропитанной маслом. Но, может быть, это в порядке вещей на море и уберегает предметы от порчи. Я просто не в курсе дела.

— Хорошо. Допустим, что после того, как письмо было напечатано, Стирн протер машинку, но почему в таком случае на валике остались эти слова? Если Райт напечатал их перед самой смертью, то на клавишах должны были остаться отпечатки...

— Вполне логично.

— Вы не осматривали машинку раньше, Билл?

— Нет. Я занимался другими вещами, дверными ручками и прочим.

— Вы обнаружили что-нибудь интересное?

— Я обнаружил отпечатки, не принадлежащие ни одному из убитых. Впрочем, они могут быть старыми...

В каюту входит шериф Лассен.

— Ты что-нибудь нашел, Билл?

— Ничего.

— Это похоже на инсценировку, — говорит Дюриэа. — Нас просто хотят сбить с толку. А возможно, что это на руку кому-либо из наследников.

— Нам больше нечего здесь делать, — решает Лассен.

Дюриэа кивает ему в знак согласия. На понтонном мосту мужчин ждет Милдред. Полицейские направляются к своим машинам. Милдред садится за руль, а Дюриэа устраивается на сиденье рядом с ней. Некоторое время они едут молча.

— Что-то ты не очень разговорчив, — замечает Милдред.

— Я думаю...

— Что-то не так?

— На машинке не оказалось ни одного отпечатка пальцев...

Почему ты не захотела вернуться с нами на яхту?

— Не забывай, что я Виггинс... Чем дальше я нахожусь от полицейских, тем лучше себя чувствую.

— А что ты скажешь насчет посещения морга?

— Сейчас?

— Да. Мне необходимо узнать результаты вскрытия. Судебные эксперты находятся там.

— Поезжай один, Френки. Я поеду спать и мечтать о тебе.

— Ты правда не хочешь взглянуть на трупы?

— Я предпочитаю спать.

— Ты не упускаешь случая, чтобы поспать одной.

— Я не виновата в том, что у тебя извращенный вкус, но ты никогда не заманишь Виггинсов в морг!

— Пожалуйста, приготовь мне коктейль. Когда я вернусь, я выпью его вместо снотворного.

Глава 17

Утром, когда Френк просыпается, Милдред принимает душ. Натягивает на голову одеяло, не осмеливаясь взглянуть на будильник.

Милдред выходит из ванной комнаты, благоухая свежестью, в полупрозрачном пеньюаре...

— Доброе утро, Шерлок, — говорит она.

— Доброе, Ватсон.

— Ты поздно вернулся?

— В три часа!

— Я и не слышала...

— Очень жаль...

— Твои докторишки хорошо поработали?

— Еще бы!

— Ну, а результат?

— Они пришли к выводу, что обе жертвы были убиты около пяти часов дня, в субботу. Точнее, между четырьмя и «шестью. Который сейчас час?

— Половина девятого.

— Господи! У меня назначена встреча с нефтяными «магнатами» Эуэллом и Филдингом.

Неожиданно до Дюриза доносится странный звук. Похоже, что кто-то стучит по сковороде...

— Грэмпис приглашает нас на завтрак, — объясняет Милдред. — Я услышала, как он прогонял прислугу из кухни, и проснулась.

Лицо прокурора неожиданно освещается радостью. Он восклицает:

— Я думаю, что бренди Грэмписа поставит меня на ноги. Попроси его добавить бренди в мой кофе. Я бегу в душ, а потом спускаюсь к вам. В халате.

— Соседи будут шокированы.

— Плевать.

Милдред весело смеется:

— Они уже привыкли к нашим экстравагантностям... Я иду, не то он расколется свою сковороду!

Когда Дюриза входит в фургон, Грэмпис заканчивает жарить блинчики. В обеих руках он держит по сковородке, которыми ловко манипулирует.

— Попробуй блинчики, сынок. Ты еще никогда не ел таких. Их нужно полить кленовым сиропом. Один мой приятель из Вермонта делает восхитительный сироп из клена и присылает его мне. Я познакомился с ним год назад в кемпинге во Флориде.

Опорожнив чашку кофе, Дюриза протягивает ее Грэмпису:

— Еще полчашки, пожалуйста. У меня важная встреча.

— Что ты узнал прошлой ночью, сынок?

— Вы думаете, я что-то узнал?

— Об этом говорит вся улица. — Что-нибудь касающееся пишущей машинки? — спрашивает Милдред.

— Нет. Но, судя по снимкам, Райт мог действительно убить Стирна.

— Я бы хотел взглянуть на эти снимки, — говорит Грэмпис.

Дюриза подмигивает жене:

— Нет, Грэмпис, вряд ли вам захочется увидеть трупы. Они ужасны.

— Господи! — восклицает Грэмпис. — Я видел в жизни такое, от чего у тебя бы кровь застыла в жилах. Покажи мне снимки, сынок, и послушайся моего совета: возьми копию письма Стирна и проверь, на этой ли машинке она напечатана. Это очень просто и может оказаться полезным.

— Прекрасная мысль, Грэмпис, — говорит Дюриза, потягивая бренди мелкими глотками. А вы нашли машинистку с инициалами А. Р.?

— Нет. Это нужно делать не ночью, а днем. Сегодня я разыщу ее.

— Ты надеешься, что она молода и хороша собой, Грэмпис? — спрашивает Милдред.

— Никогда нельзя терять надежду, — замечает Грэмпис, подмигивая внучке. — Еще немного бренди, сынок?

— Спасибо. В час дня из Лос-Анджелеса приезжает водолаз. Хотите подняться на борт «Джипси Квин», Грэмпис?

В глазах старика появляется радостный блеск.

— Очень мило с твоей стороны, сынок. Что ты надеешься найти в воде? Револьвер?

— Возможно. Или еще что-нибудь. Грэмпис на минуту задумывается, затем снова откупоривает бутылку бренди.

— Я рад, что ты стал членом нашей семьи, сынок. Еще капельку? Дюриза быстро выпивает глоток и выбегает из фургона, приподнимая полы своего халата. Побрившись и одевшись, он садится в машину и едет в контору.

Милдред и Грэмпис заканчивают завтрак в фургоне.

— Твой муж — отличный парень, — говорит Грэмпис. — Когда он освободится, я сообщу ему одну очень важную информацию.

Милдред снисходительно улыбается и спрашивает:

— Какую информацию, Грэмпис? Грэмпис понижает голос и конфиденциальным тоном произносит:

— В какое морское путешествие собиралась «Джипси Квин» в три часа дня? И почему «Альбатрос» неожиданно снялся с якоря и отправился в открытое море?

— Но «Альбатрос» никуда не уплыл!

— Уплыл, но в тот же вечер вернулся, около полуночи. Тед Шейл был на борту. Он проснулся перед заходом солнца, когда яхта уже возвращалась назад. Где она была? На свидании, на которое собирались покойники, пока были живы!

— Но у тебя нет никаких доказательств, Грэмпис!

— Мне достаточно моей интуиции. Я это чувствую и постараюсь убедить в этом Френка.

— Но прокурору необходимы доказательства!

— Он их получит!

— Френку нужно быть очень осторожным...

— Он ничем не рискует. Напомни ему, пожалуйста, о снимках, которые он обещал мне показать. Мне необходимо взглянуть на них.

Глава 18

Дюриза кивком приветствует посетителей, входящих в его кабинет.

Эуэлл протягивает ему руку со словами:

— Меня зовут Джек Эуэлл. Очень рад, что могу быть вам полезен. Стирн был хорошим человеком, и мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам арестовать его убийцу. Позвольте представить вам моего компаньона, мистера Филдинга.

Дюриза пожимает руку Филдингу.

— Моя жена, — представляет Филдинг стоящую рядом с ним молодую женщину. Дюриза кланяется.

— Они поженились вчера, — добавляет Эуэлл, криво усмехнувшись. — Любовный роман разворачивался под моим носом, но я ничего не замечал. Итак, чем мы можем быть вам полезны?

Дюриза прокашливается и говорит:

— Вы занимаетесь куплей-продажей нефтеносных участков в графстве Вентура. И вы заключили со Стирном договор о продаже ему одного из этих участков. Он должен был подтвердить свое согласие не позднее субботы. Срок истекал в полночь. Это верно?

— Да, но он не заявил о своих правах.

— А его душеприказчик?

— Это дело будет обжаловано в суде. Мы не признаем сделки. Наша позиция ясна. Срок истекал в субботу и никоим образом не мог быть продлен.

— И вы не получали письма Стирна, подтверждающего контракт?

— Нет.

— Однако поверенный Стирна утверждает, что такое письмо было отправлено.

Эуэлл смотрит на прокурора широко открытыми чистыми глазами.

— Я в свою очередь тоже не сомневаюсь в том, мистер Дюриза, что Стирн намеревался отправить такое письмо. Я не был бы даже удивлен, если бы письмо было подготовлено, но что-то помешало Стирну его отправить.

— Вы понимаете, мистер Эуэлл, нас интересует все, что могло бы нам позволить установить время наступления смерти. На копии письма, которую мне показал Хазлит, по его словам, рукой покойного указано, что оригинал был отправлен в субботу до пяти часов дня. Не исключено, что Стирн отправил копию раньше оригинала и указал на ней не сам факт, а лишь намерение сделать это.

— Именно так и произошло, — говорит Эуэлл. — Он отправил сначала копию, а оригинал отправить не успел, потому что его убили до пяти часов вечера.

— Вы уверены, что не получали письма?

— Абсолютно уверен. Марта., э., миссис Филдинг может это подтвердить. Она вскрывала почту в понедельник утром.

Дюриза оборачивается к миссис Филдинг. Ровным бесстрастным голосом она рассказывает ему, что утром в понедельник, как обычно, вскрыла почту, чтобы рассортировать письма, но письма от Стирна не было.

Когда она заканчивает объяснение, Дюриза говорит:

— Я прошу каждого из вас оставить мне письменные показания, подтвердив их присягой.

— Разумеется, — кивает Эуэлл. Миссис Филдинг предлагает:

— Если вы позволите, мистер Дюриза, я отпечатаю их на машинке вашего секретаря.

— Хорошо, — соглашается Дюриза. Грэмпис Виггинс входит в контору прокурора, пропуская вперед молодую блондинку.

— Прокурор на месте? — спрашивает он.

— Да, но он сейчас занят, — отвечает охранник. — У вас назначена встреча?

— Нет, но я должен непременно увидеть его.

— Вы можете обратиться к одному из его ассистентов...

Виггинс настаивает с легким раздражением:

— Передайте прокурору, что его срочно хочет видеть Виггинс. Это очень важно, вы слышите?

Охранник уходит и спустя минуту возвращается.

— Вы можете войти, мистер Виггинс. Грэмпис берет молодую женщину под руку и увлекает ее за собой.

— Смелее, — подбадривает ее Грэмпис. — Это всего лишь пустая формальность. Говорить буду я.

Дюриза отрывает голову от бумаг и обращается к Грэмпу угрюмым тоном:

— В вашем распоряжении всего несколько минут. И кладет на стол перед собой свои карманные часы. Грэмпу объясняет:

— Эту молодую женщину зовут Альта Родман. Дюриза берет ручку и блокнот.

— Мисс или миссис? — спрашивает он.

— Миссис, — отвечает она. Грэмпу придвигает ей стул, усаживает ее и сам садится рядом.

— Я вас слушаю, — говорит Дюриза.

— Миссис Родман работает билетершей в кинотеатре, — объясняет Грэмпу, — но она печатает на машинке и берет уроки стенографии, чтобы в ближайшем будущем стать секретаршей. Она подрабатывает печатанием на машинке дома или по вызову. Ее имя и адрес известны в специализированных агентствах. Вечером она работает в кинотеатре, но днем свободна...

— Вы были на борту «Джипси Квин» в субботу днем? — спрашивает женщину Дюриза.

— Да.

— И вы печатали письма под диктовку мистера Стирна?

— Да.

Дюриза глубоко вздыхает и убирает часы в карман.

— В котором часу вы поднялись на борт?

— Я не хочу выступать свидетелем по делу.

— Почему?

— У меня есть на то причины. Грэмпу объясняет Дюриза:

— Если ее шефы узнают, что она подрабатывает днем, то она потеряет свое место в кинотеатре. Я пообещал ей, что ее имя не появится в прессе.

— Я не могу этого гарантировать, но постараюсь сделать все от меня зависящее, — заверяет Дюриза.

Грэмпу говорит женщине, чтобы успокоить ее, что на прокурора можно положиться.

— Однажды я уже работала на мистера Стирна, — говорит женщина. — В субботу он мне позвонил и попросил срочно приехать на яхту. Я очень обрадовалась, так как он щедро платит.

— В котором это было часу?

— Около половины третьего. Я была одета и через двадцать минут уже была на месте.

— Вы приехали на автобусе?

— Нет, мистер Стирн сказал, чтобы я взяла такси.

— Такси остановилось у яхт-клуба?

— Да. Я ждала на понтонном мосту... Мистер Райт приехал за мной.

— Вы были с ним знакомы?

— Да.

— Что было дальше?

— Мистер Стирн был, мне показалось, в прекрасном настроении. Он сказал, что хочет продиктовать мне письма, и я села за стол, на котором были разложены морские карты.

— Сколько писем было всего?

— Шесть.

В разговор вмешивается Грэмпис:

— Я попросил миссис Родман захватить с собой блокнот со стенографическими записями. Она может снова отпечатать эти письма, если нужно.

— Если вас не затруднит, миссис Родман, — говорит Дюриза. — Вы не помните, было ли среди них письмо, адресованное фирме «Эуэлл и Филдинг»?

— Да.

Дюриза ерзает на стуле и спрашивает напряженным голосом:

— Это письмо отправили вы?

— Нет. Я отправила копию на адрес конторы Стирна в Лос-Анджелесе. Он сказал, что оригинал отправит сам с Центрального почтамта.

— Хорошо. Что было после того, как мистер Стирн продиктовал вам письма?

— После этого мистер Райт проводил меня в большую каюту, где стояла пишущая машинка.

— Портативная?

— Да.

— Вы были знакомы с этой моделью?

— Я печатаю на любой машинке.

— Вы не заметили ничего необычного?

— Когда я закончила печатать, я прошла в лоцманскую кабину, чтобы попросить мистера Стирна подписать письма. Он очень оживленно беседовал о чем-то с мистером Райтом и попросил меня подождать снаружи. Я облокотилась на борт и в течение нескольких минут разглядывала другие яхты.

— Что было дальше?

— Мистер Райт вышел и спустился в большую каюту, а мистер Стирн взял письма и начал их просматривать. Его лицо было красным, и он разговаривал со мной очень сухо.

— Дальше?

— Он прочитал и подписал письма, попросил меня вложить их в конверты, наклеить марки и написать адреса. На копии письма Эуэллу и Филдингу он написал несколько слов, затем вложил ее в конверт и сам написал адрес.

— Это все?

— Он заплатил мне десять долларов и спросил, достаточно ли. Я ему сказала, что достаточно, и поблагодарила его. Тогда он сказал, что мистер Райт проводит меня.

— А потом?

— Я опустила письма в почтовый ящик, который находится возле яхт-клуба.

— В поведении мистера Райта что-нибудь изменилось, когда он вас провожал?

— На обратном пути к понтонному мосту он не проронил ни слова.

— Хорошо. А теперь попрошу вас отпечатать мне письма, продиктованные Стирном, чтобы я мог с ними ознакомиться.

— Хорошо, мистер Дюриза.

Дюриза снимает трубку внутреннего телефона.

— Я распоряжусь, чтобы вас проводили в кабинет секретаря, — предлагает он.

Грэмпис Виггинс громко кашляет, чтобы привлечь к себе внимание прокурора. Дюриза вопросительно смотрит на него.

— Я хочу напомнить, что миссис Родман может печатать на любой машинке, — говорит старик.

Дюриза поворачивается к молодой женщине и спрашивает ее:

— Вы помните машинку, на которой печатали в субботу на яхте?

— Да, портативная машинка...

— Лента и валик были новыми?

Она на секунду задумывается и отвечает:

— Я не обратила внимания на ленту, потому что она была нормальной. А валик был старым.

Лицо Грэмпа расплывается в широкой улыбке.

— Не правда ли, интересно, сынок? Когда дверь за молодой женщиной закрывается, Дюриза говорит Грэмпсу:

— Снимаю шляпу, Грэмпе.

— О! Это было не так уж сложно. Я позвонил в несколько агентств, чтобы узнать имена стенографисток, работающих по вызову. Я получил длинный список имен, в котором только три имели инициалы А. Р. Я связался с ними, вот и все.

— Признаю, что я ошибся. Я думал, что Стирн продиктовал письмо Артуру Райту и тот поставил свои инициалы. Когда-то Райт был секретарем Стирна.

— Да, я тоже сначала подумал о Райте, — признается Грэмпе. — Но потом я вспомнил, что он подписывает свои письма Артур С.Райт, следовательно, его инициалы С.А.Р.

— Вы оказались правы, — соглашается Дюриза, улыбнувшись. — Но теперь интересно выяснить, что за манипуляции были проделаны с машинкой.

— Кто заинтересован в том, чтобы считать, что Стирн умер первым? Мисс Молин, не так ли? — спрашивает Грэмпе.

— Да...

— Тот, кто подменил машинку, не знал всего...

— Чего именно?

— Он не знал того, что Стирн вызывал машинистку, которая отправила копию письма, но он знал, что на борту яхты была пишущая машинка.

Дюриза снимает трубку внутреннего телефона и набирает номер шерифа. Лассена не оказывается на месте, и Дюриза отдает распоряжение его заместителю:

— Как только шериф вернется, пусть сразу же позвонит мне. Кроме того, пришлите в мой кабинет пишущую машинку, которую вчера вечером мы взяли с яхты «Джипси Квин».

Когда Дюриза вешает трубку, Грэмпе говорит:

— Эта малышка Молин очень скрытная. Кроме того, она умеет шевелить мозгами. «Джипси Квин» собиралась отплыть в три часа дня. Куда? Речь шла не о простой морской прогулке. Зачем Нита Молин приехала сюда в воскресенье в такую рань?

Дюриза пожимает плечами. Грэмпис продолжает:

— Я уверен, что у них было запланировано в море свидание с другой яхтой. Возможно, что леди с «Альбатроса» была в курсе дела и отправилась на свидание вместо «Джипси Квин». На твоём месте я бы пригляделся к мисс Харплер...

— Она придет сюда вечером. Я хочу задать ей несколько вопросов.

— Прекрасно.

В этот момент в комнату входит заместитель шерифа. Он вносит пишущую машинку.

Дюриза снимает трубку и говорит своей секретарше:

— Пришлите ко мне миссис Родман. Минуту спустя в кабинет входит молодая женщина и кладет несколько листов бумаги на стол Дюриза.

— Мне осталось напечатать одно письмо, — сообщает она.

— Спасибо, — благодарит ее Дюриза. — Взгляните, пожалуйста, на эту машинку.

Она внимательно осматривает ее. Дюриза спрашивает:

— Это та машинка, на которой вы печатали на борту «Джипси Квин»?

Женщина отрицательно качает головой.

— Нет, — говорит она.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно.

— Что заставляет вас так думать?

— Прежде всего, клавиши на той машинке не были обтянуты каучуком, как здесь...

Следует пауза, которую прерывает ликующий возглас Грэмписа:

— Ты славно поработал, сынок!

Глава 19

Питер Лассен с важным видом позирует перед репортерами калифорнийской прессы, собравшимися на борту «Джипси Квин».

Все застывают в ожидании, глядя на последние приготовления водолаза.

Дюриза не любит себя рекламировать и держится в стороне от представителей полиции. Стоящий рядом с ним Грэмпис потягивает свою старую почерневшую трубку.

На погружающегося в воду водолаза нацелены десятки камер.

Несколько минут спустя со дна моря приходит его первая телефонограмма:

— Дно чистое и песчаное.

Спустя еще некоторое время человек, принимающий сообщения, информирует:

— Он что-то обнаружил.., изогнутую дужку.., золотую.., еще одну изогнутую дужку, золотую. Это очки. Он просит, чтобы ему спустили корзинку.

Билл Вигарт готовит к спуску маленькую корзинку из плетеных железных прутьев.

Спустя некоторое время радист сообщает:

— О'кей! Поднимите корзинку.

Все толпятся вокруг Вигарта, чтобы увидеть очки, поднятые с морского дна. Радист передает:

— Очки найдены в пяти метрах от левого борта. Стекла были на сантиметр погружены в песок.

Журналисты скрипят перьями.

Воздушные пузыри медленно огибают яхту.

Человек, принимающий телефонограммы, сообщает:

— Кажется, больше ничего нет, кроме нескольких пустых консервных банок, зарытых в песке. Больше ничего.

— Пусть поднимается, — говорит шериф. Грэмпис вынимает изо рта почерневшую трубку:

— Сейчас время морского отлива, сынок, не так ли?

— Да.

— А в воскресенье, когда обнаружили трупы, был прилив, верно?

— По-моему, да.

— А в субботу, когда, вероятно, было совершено убийство, тоже был отлив?

— Какое это имеет значение? — спрашивает Дюриза, взглянув на Грэмпа.

— Я пытаюсь определить положение яхты в тот момент, — объясняет Грэмпс. — Судно, стоящее на якоре, перемещается в зависимости от ветра и прилива или отлива. Ни в субботу, ни в воскресенье утром ветра не было, значит, в расчет следует принимать только уровень воды.

— Не понимаю, — произносит Дюриза. Грэмпс вновь раскуривает свою трубку.

— Я рассуждаю так, — говорит он. — Это судно имеет в длину тридцать пять метров. Если добавить к этому длину якорной цепи, то можно рассчитать угол...

Дюриза понял.

— Подождите! — кричит он группе моряков. — Не поднимайте его. Пусть направляется в сторону пляжа. Метров на пятьдесят.

— Он ничего там не найдет, Френк, — возражает шериф.

— Во время прилива яхта переместилась к пляжу, — поясняет Дюриза, — а ее носовая часть была направлена в сторону моря.

Шериф морщится. Ему не нравится, что все внимание репортеров обращено сейчас на прокурора.

Воздушные пузыри, появляющиеся на поверхности воды, указывают на то, что водолаз направляется в сторону пляжа.

На палубе царит молчание. Неожиданно Лассен говорит:

— Это ничего не даст.

И в тот же момент раздается торжествующий голос телефониста.

— Он нашел его! — восклицает он. — Револьвер тридцать восьмого калибра!

— Минутку! — Дюриза проходит вперед. — Необходимо пометить место, где он его обнаружил.

— Мы отвезем ему на шлюпке буй, нагруженный балластом, и спустим корзину для револьвера, — предлагает телефонист.

И он объясняет водолазу по телефону, что нужно делать.

— Скажите ему еще, — добавляет Дюриза, — чтобы он после этого вернулся на то место, где обнаружил очки, и отметил его тоже.

Несколько минут спустя Вигарт и матрос возвращаются в шлюпку и поднимаются на палубу яхты. Вигарт держит в руке револьвер тридцать восьмого калибра из полированной стали, в барабане которого оказываются две гильзы.

Репортеры щелкают камерами. Шериф берет револьвер и отходит к борту.

Он торжественно поднимает руку с оружием и произносит:

— Можете снимать, ребята!

Репортеры направляют на него свои камеры.

Грэмпис отводит Дюриза в сторону:

— Ты понял, сынок? Дюриза смеется:

— Разумеется, понял. Все поняли. Лассен неплохой малый, но падок на рекламу. Проекторы опьяняют его. Впрочем, это мелочи...

— Но я не об этом, сынок, — прерывает его Грэмпис. — Плевать мне на этого павлина!

— А о чем же?

— Ты обратил внимание на таблицу приливов и отливов?

Дюриза отрицательно качает головой.

— Жаль, — вздыхает Грэмпис. — Именно это приведет нас к разгадке.

— Каким образом?

— В субботу уровень воды в море достиг самой низкой отметки в семнадцать часов шесть минут. Следующее понижение уровня моря было отмечено в воскресенье утром в пять часов тридцать четыре минуты. Прилив отмечен в одиннадцать часов пятьдесят пять минут, отлив — в семнадцать часов пятьдесят шесть минут. Новый прилив — в двадцать три часа сорок восемь минут. Послушай, сынок, уйдем отсюда и поговорим спокойно где-нибудь в другом месте. Теперь тебе понятно, в чем весь секрет?

— Понятно, Грэмпис, — отвечает Дюриза. — Пошли.

Прежде чем спуститься в шлюпку, Грэмпис тычет пальцем в ребро Дюриза, чтобы привлечь его внимание к своим словам.

— Сынок, во-первых, нужно распорядиться, чтобы буи оставались на своих местах, а во-вторых, нужно составить карту этой

бухты с указанием якорной стоянки и тех мест, где водолаз обнаружил очки и револьвер.

— Хорошо, — соглашается Дюриза, — хотя, откровенно говоря, я не понимаю, для чего это нужно.

Грэмпис увлекает прокурора на задворки яхт-клуба и там объясняет ему свою мысль.

— Послушай, — говорит он, — в субботу ветра не было ни днем, ни вечером. Ветер подул только в воскресенье ночью, да и то это был легкий бриз. Ночью с субботы на воскресенье и весь день в воскресенье было полное затишье.

— Да, ну и что?

— Ты еще не понял? Это же прекрасные естественные часы, которые помогают нам проследить за развитием событий.

— Я что-то не понимаю.

Грэмпис начинает терять терпение:

— Да по тому, как яхта отклоняется от стоянки... Он прерывается, присаживается на корточки и делает отметки пальцем на земле.

— Смотри, вот вода опустилась, Здесь стоит яхта. Что происходит с ней в этот момент? Она поворачивается носом к берегу, так?

Дюриза кивает. Его так занимает возбужденность Грэмписа, что он не может полностью сосредоточиться.

— Далее наступает квадратурный прилив, вода сначала медленно, а затем, набирая скорость, поднимается. Нос судна медленно поворачивается. Спустя некоторое время, когда прилив достигает наивысшей отметки, нос яхты устремлен в сторону моря. Понятно?

Дюриза кивает в знак согласия.

— Допустим, что яхта имеет тридцать пять метров в длину и цепь, прикрепленная к якорю, образует угол между морским дном и поверхностью воды. В зависимости от уровня прилива или отлива этот угол заметно меняется. Носовая часть судна опишет, таким образом, окружность, скажем, от шести до семи метров. Корма судна при этом опишет окружность гораздо большего размера. Тебе понятно?

Грэмпис поднимает глаза на улыбающееся лицо прокурора и взрывается:

— Нет, я вижу, что ты ничего не понимаешь! Посмотри сюда...

Грэмпис срывает с себя очки и трясет ими перед носом Дюриза.

— Как далеко ты можешь их забросить?

— Не очень далеко.

— Прекрасно! И не стоит этого делать, так как в этом нет никакого смысла. Но если бы ты стал с кем-то драться, ты снял бы очки, не правда ли?

— Вероятно.

— Разумеется, ты бы их снял и положил в такое место, где мог бы их потом найти. Если бы тебе пришлось драться на яхте, ты снял бы очки и положил их на стиргер. Может быть, это и не самое лучшее место, но вполне подходящее... Во время драки твои очки вполне могли свалиться за борт. Они упадут на дно как раз в том месте, где погрузились в воду. Понятно?

Дюриза утвердительно кивает. Грэмпис продолжает:

— А теперь возьмем револьвер. Его можно закинуть далеко, но ты не захочешь привлечь внимание людей, сидящих на пляже и глазеющих на яхты, а также загорающих на палубе других яхт.

Дюриза снова кивает.

— Итак, — продолжает Грэмпис, — если бы тебе надо было избавиться от револьвера, из которого ты стрелял и которым совершил убийство, ты бы просто склонился над водой и незаметно опустил в нее свою пушку...

Улыбка неожиданно исчезает с лица Дюриза.

— Теперь тебе понятно, сынок? Тебе о чем-нибудь говорит расстояние между тем местом, где были обнаружены очки, и местом, где найден револьвер? Когда началась драка и очки упали в воду, стояла малая вода, то есть отлив. Яхта была повернута носом к берегу. Когда же в воду опустили револьвер, то яхта смотрела носом в открытое море. Другими словами, сынок, пушку утопили во время полной воды, то есть прилива, а убийство было совершено во время отлива. Иначе быть не могло.

Дюриза кажется теперь мрачнее тучи.

— Вы хотите сказать, что револьвер утопили не сразу после убийства?

— Нет, не сразу, а гораздо позднее. Спустя несколько часов... Теперь тебе понятно?

Прокурор молча кивает. Грэмпис продолжает:

— Похоже, что вдова Райта сказала чистую правду. Ты помнишь слова миссис Родман? Когда она покинула яхту, около четырех часов,

между Райтом и Стирном чувствовалось напряжение...

— Да, но...

— По-моему, произошло следующее. Когда Райт вернулся на борт, проводив машинистку, мужчины повздорили. Они стояли на палубе, на корме, в том месте, где натянут тент, предохраняющий от солнца. Во время отлива яхта поворачивается носом к берегу, и задняя палуба с пляжа не видна. Итак, мужчины перешли на кулаки. Один из них снял очки, и они упали в воду. Драка закончилась, но ненависть осталась. В ход пошел револьвер. Я убежден, что это оружие Райта, надо проверить номера. Речь идет об убийстве и самоубийстве, как и предполагает миссис Райт. Тебе остается только разыскать исчезнувшее завещание и исповедь Райта.

— Во всем этом что-то есть, Грэмпис, — говорит Дюриза с ноткой восхищения в голосе.

— Еще бы! Послушай, сынок, что было дальше. На следующее утро на борт поднимается малышка Молин и обнаруживает в большой каюте два трупа. На ковре она видит револьвер, а на столе или в машинке письмо, подписанное Райтом. В послании было, видимо, нечто, что не понравилось ей и о чем она не хотела уведомлять прессу. Она похищает письмо, а потом решает похитить также револьвер. Она не решается бросить оружие в воду, боясь, что сталь сверкнет на солнце и привлечет чье-либо внимание, поэтому она склоняется над водой и падает.

Ей было дурно? Ничего подобного! У нее за пазухой был револьвер, и она нырнула, чтобы избавиться от него и одарить тритонов и русалок... Дюриза задумывается, затем возражает:

— Ваша теория имеет одно слабое место, Грэмпис. Это очки. Они могли лежать на морском дне уже давно и, скорее всего, не имеют никакого отношения к драме.

— Благодаря своей форме очки довольно быстро погружаются в песок. Если бы они пролежали в воде в течение месяца, от них не осталось бы и следа. Впрочем, сынок, ты сможешь скоро это узнать, проверив стекла очков и сравнив их с рецептами, выписанными Райту и Стирну.

— О'кей! — соглашается Дюриза. — А сейчас садимся в машину и едем.

Грэмпис устраивается на сиденье рядом с прокурором и говорит:

— Сынок! Хочу поделиться с тобой еще одной мыслью относительно малышки Молин...

Дюриза включает зажигание и, откинувшись в кресле, закуривает сигарету.

— Что вы имеете в виду, Грэмс?

— Малышка Молин хорошо соображает. Она сразу поняла, что ты пригласил чету Таккер, потому что они что-то видели. Я наблюдал за ней и заметил, что она очень испугалась.

— Теперь уже поздно что-нибудь изменить. — Когда Таккер отрицательно мотнул головой, лицо Ниты просияло. Было очевидно, что с ее души свалился камень...

— Возможно, но теперь Таккер уже не может изменить свои показания.

— Конечно, сынок. Но я думаю о другом...

— О чем же?

— Надо найти другую пару свидетелей, которых Молин никогда раньше не видела.

— И что дальше?

— Ты переделаешь сценарий. Сначала ты вызовешь в кабинет Ниту, а потом войдет эта пара. Дальше последует немая сцена: ты поднимешь брови и вопросительно посмотришь на вошедших, но на этот раз мужчина и женщина должны будут, не колеблясь, утвердительно закивать головами. После этого ты торжественно улыбнешься во весь рот, как если бы папаша Виггинс умер, оставив тебе миллион долларов. Ты скажешь этой паре, чтобы они подождали в коридоре. Когда они выйдут, ты потрясешь немного малышку и увидишь, что из этого выйдет.

— К сожалению, Грэмс, я не могу на это пойти.

— Почему?

— Потому что в настоящий момент мы не можем предъявить мисс Молин никакого обвинения. Мы располагаем только гипотезами, а она богата, и у нее есть адвокат. Прокурор может действовать подобным образом только в том случае, когда он уверен, что имеет дело с опасным преступником...

— Господи Боже мой! — восклицает Грэмс. — Научись немного рисковать! Ведь ты женат и к тому же на Виггинс!

Дюриза весело смотрит на возбужденного Грэмса.

— Невозможно, Грэмс. Я отвечаю не только за себя, но и за свою должность. Я не имею права запятнать свое имя.

— Хорошо, хорошо, оставим этот разговор! — соглашается Грэмс разочарованным тоном. — Поехали. Надо узнать, кому принадлежит этот револьвер.

Глава 20

Нита Молин сидит в кабинете Дюриза, сложив на коленях руки в перчатках. Неожиданно она меняется в лице.

— Итак, мисс Молин, я повторяю свое утверждение о том, что смерть мистера Стирна была вам выгодна в финансовом смысле, не так ли?

— Да.

Дюриза выдвигает ящик своего стола и достает из него револьвер тридцать восьмого калибра, обнаруженный водолазом на морском дне.

— Я хотел бы, мисс Молин, чтобы вы сказали мне, знакомо ли вам это оружие. Нита встает, делает шаг назад:

— Сожалею, мистер Дюриза, но я не люблю такие предметы.

— Посмотрите на него внимательнее, — настаивает Дюриза, сунув ей револьвер под нос. — Вы его уже видели раньше?

— Нет. Я не часто вижу оружие.

— Значит, вы не узнаете его?

— Нет.

— Вы в этом уверены?

— Да.

Дюриза говорит медленно, подчеркивая каждое слово:

— Этот револьвер был поднят водолазом со дна океана. Нет сомнения в том, что он был брошен в воду с «Джипси Квин».

Она молчаливо качает головой, не спуская глаз с оружия.

— На револьвере есть номер, — продолжает Дюриза. — А по нашим законам, любой торговец оружием обязан при его продаже записать в книгу номер оружия, имя и адрес клиента.

— Да, я знаю.

— Ах, так? Благодаря номеру мы установили, что он был продан сначала одному оружейнику в Лос-Анджелесе, а тот продал его в свою очередь..., кому бы вы думали?

Нита чувствует себя как пойманный в клетку зверь, но она сжимает зубы и молчит.

Дюриза спокойно продолжает:

— Револьвер был продан известному вам Артуру С.Райту.

— Это револьвер Артура? — удивляется Нита.

— Да.

— И его сбросили в воду с яхты?

— Очевидно. Но это еще не все, мисс Молин.

Нита поднимает вверх тонкие брови. Дюриза продолжает:

— Благодаря специальному прибору, названному сравнительным микроскопом, мы можем безошибочно установить принадлежность данной пули данному оружию. У нас есть неопровержимые доказательства, что пули, которыми были убиты Стирн и Райт, выпущены из этого револьвера.

Нита Молин погружается в глубокую задумчивость.

— Реконституция^[4] преступления позволила нам сделать вывод о том, что вместо предполагаемого двойного убийства речь идет в данном случае об убийстве и последовавшем за ним самоубийстве. Что вы об этом думаете?

— Я? Ничего.

— Сколько времени вы пробыли на яхте, прежде чем вам стало плохо?

— Минуту или две, не больше. Когда я подплыла к яхте, я позвала кого-нибудь, но никто мне не ответил. Я подумала, что все еще спят. Я поднялась на яхту и решила приготовить кофе. Я спустилась в большую каюту и.., увидела трупы.

— Сколько времени вы оставались там?

— В каюте с трупами?

— Да.

— Только несколько секунд, максимум минуту.

— Что вы делали потом?

— Я закричала и побежала по яхте, но все каюты были пусты. Тогда я подбежала к борту и...

— Да, нам известно, что произошло потом. Я хотел бы знать, что произошло до этого.

— Но больше ничего не произошло.

— Вы все рассказали?

— Да, все.

— Вам больше ничего не известно?

— Нет, ничего. Дюриза хмурится.

— Тем не менее я убежден, мисс Молин, что вы что-то скрываете.

Нита возмущенно вскакивает со стула и говорит:

— Я не могу больше иметь с вами дело, мистер Дюриза. Я вам все сказала, и я отказываюсь от дальнейших допросов. Я не хочу...

В этот момент дверь в кабинет открывается, на пороге появляется мисс Стивене, секретарша Дюриза, и докладывает:

— Здесь мистер Виггинс. Он говорит, что вы его ждете.

— Пусть подождет, — отвечает Дюриза с легким раздражением.

— Он говорит, что привел людей, которых вы... Грэмпис деликатным движением отстраняет мисс Стивене и входит в кабинет.

— Спасибо, милочка, — начинает он своим пронзительным голосом. — Мистер Дюриза назначил встречу этим людям... Входите, друзья мои.

Прокурор ошеломленно смотрит на Грэмписа и на входящую в кабинет пару.

Внешность обоих не внушает ему доверия. Мужчина кажется очень робким и смущенным, зато женщина — настоящая бой-баба. Она решительным жестом отстраняет Грэмписа, подходит к Ните и начинает беззастенчиво разглядывать ее. Мужчина тоже внимательно смотрит на Ниту.

— Что скажете? — спрашивает Дюриза раздраженным тоном.

Мужчина энергично трясет головой. Мужеподобная женщина следует его примеру и неистово трясет своими жирными лохматыми волосами.

Дюриза понял, что Грэмпис обвел его вокруг пальца. Он поворачивается к старику и говорит, едва сдерживая ярость:

— Хватит! Уходите! Уведите отсюда этих людей!

— Слушаюсь, мистер, — отвечает Грэмпис с наигранной почтительностью.

Повернувшись к своим «друзьям», он произносит:

— Это все, что от вас хотел прокурор. Вы можете идти.

Раздраженность Дюриза возрастает, когда он осознает, что изгнание четы из кабинета было запланировано Грэмписом. Когда посетители выходят из кабинета и мисс Стивене закрывает за ними дверь, рассерженный Дюриза поворачивается к мисс Молин.

К его удивлению, в ее облике произошли разительные изменения. Горделивая надменность улетучилась. Губы девушки дрожат, хотя она

изо всех сил пытается овладеть собой. Неожиданно она разражается рыданиями, обхватив голову руками.

— Прошу прощения... — говорит Дюриза смущенным тоном.

— О! Я не должна была этого делать! Мне не пришло в голову, что кто-то мог меня видеть. Я уже в прошлый раз сильно перепугалась, когда приходила другая пара. Я поняла, что вы ищете...

Дюриза быстро меняет тактику и спокойным голосом произносит:

— Мне кажется, мисс Молин, будет лучше, если теперь вы мне скажете всю правду.

— Когда эти люди меня видели?

— Мисс Молин, я попрошу вас сделать подробнейшее заявление, не упуская ни одной мелочи. Он открывает дверь в смежный кабинет:

— Мисс Стивене, будьте любезны записать показания.

Усадив секретаршу, он обращается к мисс Молин:

— Я вас слушаю.

Нита смущенно говорит:

— Я рассказала вам не всю правду...

— ...о вашем появлении на яхте...

— Да. Я была на яхте в субботу днем.

— О! — восклицает Дюриза. Он тут же спохватывается... Не стоит демонстрировать Ните свое удивление.

— Продолжайте, мисс Молин, я слушаю.

— Видите ли, Эддисон очень настаивал, чтобы я приняла участие в этой морской прогулке, во время которой он хотел обсудить со мной какие-то важные вещи. Но я ему сказала, что в субботу буду занята, так как у меня была назначена встреча с парикмахером..., я вам уже говорила... В субботу, около часу дня, Эддисон позвонил мне.

— Где вы были?

— У парикмахера.

— А где был Стирн?

— В Санта-Дельбарре, в яхт-клубе.

— Зачем он звонил?

— Он меня спросил, в котором часу я освобожусь, и я сказала, что часа в два. Он попросил меня освободиться как можно скорее и выяснить, где находится Пирл Райт или на худой конец Хилберс. Он попросил меня перезвонить ему, как только я что-нибудь узнаю.

— Он вам сказал, куда звонить?

— Да, в яхт-клуб.

— Дальше.

— Освободившись, я сразу поехала к Пирл Райт. Ее не было дома, и прислуга ничего не могла мне толком объяснить.

— Вы знакомы с Уорреном Хилберсом?

— Да.

— Стирн хотел, чтобы вы подтвердили, что миссис Райт находится в обществе своего брата?

— Да.

— И узнали, где находится ее брат?

— Да.

— Как вы это обнаружили?

— Я позвонила своим друзьям на остров Каталина, и они сказали мне, что Пирл и ее брат появились утром, часов в девять или десять.

— Дальше?

— Обычно вся эта группа яхтсменов-фанатиков снимает один или несколько коттеджей на острове. Я узнала от своих друзей по телефону, что Уоррен и Пирл некоторое время кружили на катере вокруг острова, а позднее они видели на катере одного Уоррена, из чего я заключила, что они сняли коттедж, где осталась Пирл. Я спросила у друзей, где Хилберс обычно останавливается, и они мне назвали коттедж старой миссис Ралей.

— Вы попытались дозвониться до миссис Райт?

— Я позвонила ей позднее, в воскресенье вечером.

— Значит, Уоррен — фанатик водного спорта?

— Да, но он любит только сверхскоростные катера. Обычные яхты его не интересуют. Они схожи в этом с сестрой. Это она подарила ему последний катер.

— Мистер Стирн не сказал вам, зачем он их разыскивал?

— Нет. Я думаю, он хотел быть уверен, что... О, я не знаю.

— Уверен в чем?

— Не знаю, — повторяет Нита, покачав головой.

— Хорошо, продолжайте. Что вы сделали после того, как узнали, где они находятся?

— Я попыталась дозвониться до Эддисона. В яхт-клубе мне ответили, что он уехал и не сказал, когда вернется. Тогда я решила сама отправиться в Санта-Дельбарру, чтобы поговорить с Эддисоном.

— О чем?

— О том, что произошло между Артуром и Пирл. Я не хотела быть замешанной в их ссору.

— Итак, вы отправились в Санта-Дельбарру?

— Да.

— В котором часу вы туда приехали?

— Около четырех часов.

— Вы поднялись на яхту?

— Да.

— Как?

— Когда я вошла на понтонный мост, я заметила человека в шляпке с другой яхты. Я попросила его подбросить меня на «Джипси Квин». Он охотно согласился.

— Вы застали там Райта и Стирна?

— Нет, только Эддисона. Он очень удивился, увидев меня. Он приложил палец к губам, чтобы я молчала, и жестом пригласил меня пройти в носовую часть яхты. Там он сказал, что просил меня только позвонить ему. Он вовсе не хотел, чтобы я приезжала.

— Что вы ответили?

— Я сказала, что приехала узнать, что произошло. Он заверил меня в том, что ничего не случилось, и просил приехать утром в воскресенье.

— Вы ему рассказали о результатах ваших поисков?

— Да.

— Он что-нибудь сказал по этому поводу?

— Он мне сказал, что Артур не должен знать о том, что я приезжала.

— Вам это показалось странным?

— Да. Я настаивала, чтобы он сказал мне, что все-таки произошло. Он объяснил мне, что Пирл Райт ушла из дома и, вероятно, оставила записку для Артура. И не исключено, что в ней она писала также обо мне.

— Это все, что он вам сказал?

— Да. Казалось, он нервничал и опасался, что Артур узнает о моем неурочном появлении на яхте. В то же время он меня уверял, что все будет в порядке, после того как он поговорит с Артуром, и рекомендовал мне приехать в воскресенье пораньше.

— Дальше?

— Мы спустились в шлюпку, и он проводил меня до яхт-клуба.

— И Артур Райт не узнал о вашем визите? Нита, помешкав, говорит:

— Похоже, что узнал.

— Почему вы так думаете?

— Когда я выходила из шлюпки, я услышала, что Эддисон тихо выругался. Затем он мне сказал: «Артур вышел на палубу. Не оборачивайтесь и идите прямо в яхт-клуб».

— Вы так и сделали?

— Да.

— Это произошло около четырех часов?

— Да. По дороге в Лос-Анджелес я остановилась у заправочной станции и посмотрела на часы: было двадцать пять минут пятого.

— Хорошо. И вы позвонили миссис Райт на остров Каталина в воскресенье днем, после того как узнали об убийстве?

— Да.

— Зачем?

— Я подумала, что в дом может прийти полиция и обнаружить это письмо... Она замолкает.

— Продолжайте, — просит Дюриза.

— В письме могли быть вещи, вы понимаете, грязное белье...

— Вы боялись оказаться в щекотливом положении?

— Я думала не столько о себе, сколько о Пирл. Дюриза на минуту задумывается:

— Скажите, мисс Молин, вам не приходило в голову, что она убила своего мужа? Нита твердо отвечает:

— Нет.

— Но вы подумали, быть может, что на нее падет подозрение?

— Я подумала, что эта мысль может прийти в голову полицейским, если они обнаружат письмо.

— И вам было известно, что в письме речь шла о вас?

— О.., нет. Я только позднее вспомнила о словах Эддисона.

Минуту они молчат, затем Дюриза спрашивает:

— Это все, что вы хотели мне сказать, мисс Молин?

— Да, это все.

— А в отношении того, что произошло в воскресенье утром?

Нита округляет глаза:

— А что произошло в воскресенье утром?

— Разве вы ничего не укрыли после обнаружения трупов? Какой-нибудь предмет, чтобы он не попался на глаза полиции?

— Нет, мистер Дюриза, ничего.

— О'кей, мисс Молин. Я думаю, что мы можем на этом закончить. Очень жаль, что вы не рассказали все это сразу.

— Я... Вы понимаете... Я боялась навредить миссис Райт. Очень сожалею.

Нита Молин встает и, попрощавшись, выходит из кабинета. Дюриза поворачивается к мисс Стивене:

— Свяжите меня с Лос-Анджелесом, с Главным управлением полиции.

Мисс Стивене уходит в свой кабинет, и несколько минут спустя Дюриза беседует с управлением:

— Говорит Френк Дюриза, прокурор Санта-Дельбарры. Прошу вас срочно произвести обыск в квартире Ниты Молин, проживающей в Мэплхерст билдинг, квартира шестьсот один. Возьмите ордер на обыск. Это связано с делом об убийстве на яхте. Я ищу письмо, написанное Артуром Райтом перед смертью. Оно исчезло. Мисс Молин только что покинула мой кабинет, через два часа она будет дома. В вашем распоряжении чуть больше часа. О'кей?

— О'кей! Мисс Молин, квартира шестьсот один, Мэплхерст билдинг.

Дюриза вешает трубку.

Выйдя из кабинета прокурора, Нита Молин доходит до угла улицы и останавливается. Убедившись, что за ней не следят, она заходит в драг-стор^[5] и закрывается в телефонной кабинке.

Она опускает монету в щель, на которой написано: «Междугородные переговоры», и говорит:

— Мисс Смит, номер кабины шесть-четыре-один-два-пять. Соедините меня с Тедом Шейлом, Ричгроув. Номер девять-семь-три-два-четыре.

Ее просят опустить восемьдесят пять центов и подождать.

Нита закуривает сигарету. Ее руки немного дрожат.

Три минуты спустя она слышит голос операторши:

— Говорите. Соединяю.

Нита бросает сигарету на пол и давит ее каблуком. В трубке раздается голос Шейла:

— Хэлло!

— Тед, вы узнаете меня?

— Да.

— Я хочу вас попросить об одной услуге.

— О'кей!

— Меня только что назначили управляющей делами Стирна. Моему адвокату Хазлиту срочно нужны некоторые бумаги. Я прошу вас взять их у меня дома и передать ему. Они находятся в верхнем ящике стола в сафьяновой папке. Ключ спросите у консьержа внизу. Я позвоню ему и предупрежу о вашем приходе. Сделайте вид, что вы что-то принесли мне, чтобы не возбудить подозрений. Купите несколько книг, и пусть их вам упакуют. Вы оставите пакет у меня. Папку спрячьте под пиджак и сразу поезжайте к моему адвокату, в контору «Хазлит и Таккер». Скажите ему, что я оставила папку в вашей машине. Вы все поняли?

— Абсолютно.

— Когда я вернусь, вы не откажетесь выпить со мной и немного потанцевать? Вы не будете против?

— Еще бы я был против!

Нита гортанно смеется, наподобие «роковой» женщины.

— Очень приятно. Пока! Она вешает трубку и смотрит на циферблат часов.

Глава 21

Джоан Харплер сидит напротив Дюриза и смотрит на него с иронией в глазах.

— Вы льстите моему самолюбию, — говорит она. — Я чувствую себя почти кинозвездой.

— Однако я был довольно сдержан в комплиментах, мисс Харплер.

— Разумеется, я говорю только о своих ощущениях.

В присутствии молодой женщины прокурор испытывает некоторое смущение. По-видимому, это объясняется ее полной раскованностью, в то время как большинство посетителей чувствуют себя в его кабинете не совсем уютно. Кажется, мисс Харплер все это забавляет.

— Я восхищен вашим мастерством в управлении такой яхтой. Это не такое уж простое дело для женщины. Вы всегда путешествуете одна или приглашаете время от времени друзей?

— О! Иногда, при условии, что наши вкусы совпадают. Я не люблю устраивать «дебош» на яхте. Я люблю яхту, потому что я люблю море и рыбную ловлю.

— Поскольку вы чаще путешествуете одна, то зачем вам такая большая яхта?

— Дело в том, что я ее купила по случаю, в прошлом году. Совсем недорого. Это настоящее чудо!.. — Она делает короткую паузу и добавляет:

— Я думаю, вы пригласили меня сюда вовсе не для того, чтобы поговорить о моей яхте и моих вкусах. Но я хочу вас предупредить, что если мы будем говорить об «Альбатросе» и о море, то я уже не смогу переключиться на другую тему.

Дюриза улыбается и говорит:

— Должен признать, что великолепнее вашей яхты нет ничего на Калифорнийском побережье. Но все-таки согласитесь, что вам одной очень трудно справляться с ней?

— Согласна. Поэтому я не часто отправляюсь одна в круизы.

— А этот круиз в Санта-Дельбарру был в некотором смысле необычным?

— В некотором смысле да.

— Что же вас заставило отправиться в него? Джоан Харплер смеется:

— Мистер Дюриза, вы очень ловко маневрируете. Я понимаю, что предшествующий разговор был вступлением, а теперь вы переходите непосредственно к сюжету.

Дюриза вежливо улыбается. Она отвечает:

— Я решила продемонстрировать свою независимость одному человеку, который сделал мне предложение и поэтому решил, что отныне будет контролировать мои действия. Я провожу эксперимент.

Если он уступит, все будет прекрасно. Если нет, то я буду знать, что легко отделалась, и.., прощай, семейная жизнь!

— Понятно. А что вы скажете о вашей воскресной прогулке?

Джоан Харплер делает гримасу:

— Ах, мне очень жаль, что так получилось. Я чувствую себя в положении мирно проходящего мимо дерущихся людей человека, которого полицейские арестовывают только за то, что он случайно оказался поблизости.

Дюриза снова улыбается и говорит:

— Может быть, вы могли бы рассказать мне об этой прогулке с той же откровенностью, как и о путешествии в Санта-Дельбарру?

— Конечно, тем более что эта прогулка как-то связана с событиями, в силу которых я оказалась в этом кабинете.

— Это удар ниже пояса, мисс Харплер! Не очень-то благородно с вашей стороны.

— Я не сожалею об этом. Вот мой ответ: мисс Молин поднялась на мою яхту, чтобы переодеться. Я одолжила ей свою одежду. После этого она попросила меня еще об одной услуге. Ей хотелось знать, какие люди, помимо полицейских, поднимаются на борт «Джипси Квин».

— Она вам объяснила, почему это ее интересует?

— Довольно туманно. Она мне сказала, что еще один человек был приглашен в морское путешествие, но этот человек не появился.

— Что она, собственно, хотела от вас?

— Она меня попросила принять на борт яхты человека, который установил бы наблюдение за «Джипси Квин».

— И вы согласились?

— Без всякого энтузиазма.

— И что было дальше?

— Она договорилась с Тедом Шейлом. Сама она тоже решила остаться на яхте, чтобы время от времени сменять его на посту.

— И каким же образом все это связано с вашей воскресной прогулкой?

— Немного терпения, мистер Дюриза. Все по порядку. В какой-то момент мисс Молин предложила Телу Шейлу спуститься в каюту и немного вздремнуть в ожидании предстоящей ему бессонной ночи. Он внял доводам рассудка и спустился в указанную мной каюту. Мисс Молин решила, что, пока полицейские находятся на яхте, бессмысленно вести наблюдение, и отправилась на берег сделать несколько телефонных звонков. Она попросила меня разбудить Шейла, если полицейские покинут «Джип-си Квин». Я ей ответила, что у меня есть другие дела помимо наблюдения за чужой яхтой и что я вообще не собираюсь все время стоять на якоре. Я хотела дать ей понять таким образом, чтобы она не была слишком назойлива. Между тем она спустилась на берег. Неожиданно мне пришла в голову мысль, что она, быть может, оставила здесь Шейла, чтобы он обыскал мою яхту или чтобы убрать его на некоторое время и обстричь свои делишки. Короче, я не хотела никоим образом, чтобы она вмешивала меня в свою жизнь, и решила проучить ее. Я снялась с якоря и отправилась в открытое море.

— Но разве вы не заперли Шейла в каюте, мисс Харплер?

Джоан Харплер широко улыбается:

— Да. Я спустилась к его каюте и крикнула ему через дверь, что я собираюсь отправиться в море и чтобы он возвращался на берег. Ответом на это был его громкий храп. Я не знала, на самом ли деле он спит или разыгрывает передо мной комедию, желая прокатиться в моем обществе. Уверяю вас, мистер Дюриза, у меня есть опыт в таких делах. Некоторые молодые люди ведут себя в подобных ситуациях непозволительно...

— Вы далеко отплыли?

— О, я точно не знаю. Я делала большие круги и любовалась закатом солнца в горах.

— А что делал Шейл?

— Он проснулся при заходе солнца и начал барабанить в дверь. Тогда я спустилась к нему.

— Что вы ему сказали?

— Я ему объяснила, что решила совершить прогулку по морю и на всякий случай заперла его. Он рассмеялся и сказал, что испугался, как бы я его не похитила. Затем он стал волноваться, что это может плохо для него кончиться, что он потеряет работу... Впрочем, он был очень вежлив. Он прекрасно разбирается в навигации и помог мне поставить яхту на якорь.

— Мисс Молин ждала вас у причала?

— Да.

— Какова была ее реакция?

— Мисс Молин — особа весьма избалованная. Мне пришлось ей объяснить, что я не состою у нее на службе. Впрочем, она быстро поняла ситуацию и извинилась.

— После этого мистер Шейл встал на вахту на борту «Альбатроса»?

— Да. Мисс Молин попросила меня об этом, и я ей сказала, что предоставляю Шейлу гостеприимство до утра.

— Что делала мисс Молин дальше?

— Она сказала, что возвращается в Лос-Анджелес. Кажется, за ней кто-то приехал сюда от поверенного мистера Стирна. Шейл вел себя как истинный джентльмен и стоял на вахте всю ночь.

— Вы не знаете, кто-нибудь поднимался ночью на «Джипси Квин»?

Дюриза задает этот вопрос машинально, не придавая ему большого значения.

— Да. Кто-то поднимался на яхту незадолго до того, как я пошла спать. Около часу ночи. Дюриза подсакивает в своем кресле.

— Кто-то поднимался ночью на яхту?

— Да.

— Но кто это был?

— Мы не знаем.

— Мужчина или женщина? Мисс Харплер колеблется. Минуту спустя она говорит:

— Это был мужчина либо женщина, переодетая в мужчину.

— Этот человек долго оставался на борту яхты?

— Не более пяти минут.

— Почему вы не сказали мне об этом раньше?

— Вы меня не спрашивали. Если бы вас это интересовало, вы бы сами могли установить наблюдение за яхтой.

— Вы не могли бы описать этого человека?

— Нет. Я видела только силуэт. Что меня удивило, так это ловкость, с которой он греб веслами и управлял шлюпкой. Может быть, Шейл сможет описать его, так как он смотрел в бинокль. Я видела только, что человек что-то нес в руке, поднимаясь на яхту, и затем, спускаясь в шлюпку, — нечто вроде сумки, но достаточно тяжелой.

— Почему вы думаете, что сумка была тяжелой?

— Я сужу по тому, как он держал ее в руке, и по звуку, когда он поставил ее на дно шлюпки.

— Может быть, это был чемодан?

— Возможно, но в таком случае чемодан был небольшим.

— А не могла это быть портативная пишущая машинка?

Джоан Харплер на секунду задумывается.

— Да, — говорит она, — вполне возможно, что это была портативная машинка.

Глава 22

Френк Дюриза уютно устроился на диване в гостиной. Милдред тоже здесь, цветущая, благоухающая, в нарядном платье из набивной ткани.

Грэмпис необычайно элегантен в хорошо сшитом костюме. В его руках шейкер, который он энергично трясет, перемешивая коктейль.

— Как называется этот коктейль?

— Я еще не придумал ему название. Когда его пьешь, ничего не ощущаешь: никакого жжения ни в горле, ни в желудке, но через пять минут жизнь видится в розовом свете.., даже тем людям, которые обычно видят ее другой, например прокуроры...

Грэмпис разливает жидкость по стаканам. Дюриза делает маленький глоток из своего стакана.

— Мне бы очень хотелось его попробовать, но боюсь, что мне придется еще вернуться в контору...

— Ну уж нет! — возражает Милдред. — Пусть шериф немного поработает!

— Нет, придется мне. Он упрячет в тюрьму невиновного, а тень падет на меня.

— Насколько я знаю из газет, твое следствие может плохо обернуться для Ниты Молин, — говорит Милдред.

— Да, она переживает сейчас неприятные моменты, — замечает Грэмпис. — Насколько я понимаю, сейчас все упирается в письмо к «нефтяным магнатам». Стирн сказал машинистке, что сам отправит письмо с почтамта. Он должен был это сделать до пяти часов. В таком случае он покинул яхту не позднее чем без двадцати минут пять. Если же он не отправил письмо, значит, его убили между четырьмя и четырьмя часами сорока минутами. В это время на яхте находилась малышка Молин. В четыре тридцать она была на заправочной станции. Все правильно, Френк.

— Верно. Знаешь, Милдред, мне кажется, мы должны выдвинуть Грэмписа на должность шерифа Санта-Дельбарры.

— У нас получится отличная команда, сынок.

— Через неделю вам все осточертеет, Грэмпис. Ничего стоящего и интересного. Мелкие кражи, махинации, угоны автомобилей, водители под хмельком, драки. И только изредка настоящая кража со взломом или ограбление. При таких условиях Шерлоком Холмсом стать трудно, Грэмпис.

— А убийства?

— Примерно два случая за год, но в основном на почве ревности или во время потасовки. Обычно виновные сами являются в полицию с повинной или пытаются покончить жизнь самоубийством. Настоящих таинственных преступлений почти не бывает...

— Что ты собираешься делать с Нитой Молин? — спрашивает Милдред.

— Понятия не имею, — отвечает Дюриза с улыбкой. — Шериф хотел бы предъявить ей обвинение, но я предпочитаю подождать. Сначала я должен закончить следствие. Завтра я собираюсь отправиться на остров Каталина, чтобы уточнить кое-какие детали.

— О, возьми меня с собой! — просит Милдред.

— Не могу. Это служебная командировка.

— Но я не буду тебе мешать, я просто буду тебя сопровождать.

Дюриза отрицательно качает головой. Грэмпис подмигивает внучке и говорит:

— Оставь его. Я тоже собирался завтра на остров. Если хочешь, поедem со мной. Какое нам дело до того, что прокурор тоже окажется на нашем катере?

— А если я полечу на самолете? — спрашивает, смеясь, Дюриза.

— Зачем? — откликается Милдред. — На таких коротких расстояниях стюардесс нет... Френки, что ты рассчитываешь там найти?

— Я хотел бы подробнее узнать о том, чем там занимались Пирл Райт и Уоррен Хилберс.

— Почему?

— Просто для очистки совести.

— Но почему ты не можешь поручить это полиции?

— Чтобы не создавать шумихи. Немного подумав, он продолжает:

— Возможно, что в воскресенье, часа в четыре, произошло какое-нибудь событие. Либо должно было произойти в соответствии с заранее намеченными планами.

— Какое событие?

— Не знаю. Никто не знает. Но «Джипси Квин» должна была выйти в море в воскресенье в три часа дня. «Альбатрос» в это время находился в море. Если я узнаю, например, что Пирл Райт в три часа дня тоже была в море, на катере своего брата, то это совпадение покажется мне весьма подозрительным.

— Молодец, сынок! — восклицает Грэмпис. — Я знал, что ты в конце концов выйдешь на малышку Харплер. Ты все это время находился под ее гипнозом, и она это знает!

— Интересно... — замечает Милдред.

— Она далеко не так проста, как кажется. Когда ее слушаешь, веришь каждому ее слову. Но когда ее нет рядом..., когда не видишь ее прекрасных чистых глаз и не слышишь журчания ее мелодичного голоса..., тогда отдаешь себе отчет, что все ее слова ничего не значат.

— Коктейль получился великолепный, Грэмпис! — говорит Милдред. — Он даже на тебя подействовал.

— Что ты имеешь в виду? Я всегда люблю поговорить.

— Но сейчас ты выдаешь секреты моего дражайшего мужа. Благодаря твоему коктейлю я узнаю много нового.

— Что именно?

— Когда мой супруг возвращается домой из своей конторы, он говорит со мной только о законе. Но вот приходишь ты со своим безымянным коктейлем, и я узнаю, что хозяин дома находится под гипнозом молодой женщины с красивыми глазами и завораживающим голосом...

В этот момент в гостиную входит вернувшаяся из отпуска прислуга и объявляет, что стол накрыт.

Грэмпис поспешно наливает себе еще один стакан, залпом выпивает его и говорит:

— Ты понимаешь, сынок, я не могу поверить, чтобы такая женщина, как мисс Харплер, опасалась насильственных действий со стороны такого парня, как Тед Шейл, и поэтому заперла его в каюте.

Прокурор ставит стакан на стол. Милдред не спускает с него глаз. Дюриза говорит:

— Вероятно, она что-то скрывает, не желая посвящать кого бы то ни было в свои личные дела. Милдред поднимается с кресла и произносит:

— Грэмпс, завтра я еду с тобой на Каталину. Мы не можем оставить Френка без моральной поддержки, когда его гипнотизируют красивые глаза и грудной голос. Я поступаю так исключительно в интересах штата Калифорния и правосудия!

— За стол! — приказывает прокурор.

Обед в самом разгаре, когда звонит телефон. Прислуга сообщает, что это шериф Лассен. Дюриза выходит из-за стола и идет к телефону.

Когда он возвращается, Грэмпс вопросительно смотрит на него.

— Сожалею, Грэмпс, но ваша гипотеза провалилась.

— Почему?

— Очки действительно пролежали на морском дне довольно длительное время.

— Почему ты так думаешь?

— Шериф связался с оптиком, который поставлял очки Стирну и Райту. Найденные очки не могли принадлежать ни тому, ни другому.

— Вот оно что!

— У найденных очков разные стекла. У человека, которому они принадлежали, правый глаз видит почти нормально, а левый требует значительной коррекции. Это довольно редкий случай. Шериф уверен, что эти очки не имеют никакого отношения к «Джипси Квин».

— А какая яхта стояла на прошлой неделе по соседству?

— Их было две или три. Шериф разыщет их. Грэмпс широко улыбается и говорит:

— Ладно, тем лучше. Это была всего лишь рабочая гипотеза.

— Но ваши выкладки о приливе и отливе и о перемещении судна не утратили своей силы в отношении револьвера.

И вообще, Грэмпс, я восхищаюсь вами. А как ловко вы провели Ниту Молин в моем кабинете!

— Это она бросила револьвер в море? — спрашивает Милдред.

— Наверняка, — отвечает Дюриза. Грэмпс с грохотом бросает на тарелку вилку и нож.

— Господи Боже мой! — восклицает он. — Мне пришла в голову великолепная мысль!

— Нет! — умоляет Дюриза. — Давайте сначала закончим обед.

— Нет, вы только послушайте! Новая гипотеза!

— Ладно, валяйте! Какая гипотеза?

— Относительно мисс Харплер. Когда Тед Шейл ее заметил, она стояла на палубе своей яхты. Шейл сказал, что она была в купальнике и только что вышла из воды, так как по ее телу стекали капли воды.

— Да. Ну и что?

— Она вполне могла доплыть до «Джипси Квин». И не забывай, сынок, что шлюпка «Джипси Квин» была прикреплена тросом к понтонному мосту. Это значит, что некто покинул яхту после убийства. А если речь идет об убийстве и самоубийстве, значит, некто, кто находился в это время на борту яхты, знал об этом. И этот некто вернулся в шлюпке на берег.

— Нита Молин, — заключает Милдред.

— Нет, вряд ли, ведь она обнаружила шлюпку у понтонного моста. Можно предположить следующее: либо некто находился на борту яхты и вернулся в шлюпке на берег, либо некто достиг яхты вплавь, обнаружил доказательства совершенного убийства и самоубийства, уничтожил их по неизвестным нам причинам, после чего отвел шлюпку к понтонному мосту, чтобы придать драме вид убийства.

— О-о! — вырывается у Дюриэа.

— И мисс Харплер могла это сделать! Сынок, ты молод и впечатлителен. Не позволяй ей одурачить тебя.

В голосе Грэмпса звучат интонации, исключаяющие всякие шутки. Милдред задумчиво смотрит на него, затем поворачивает голову к мужу. Дюриэа краснеет под ее испытующим взглядом. Почувствовав, что кровь прилила к его лицу, он еще больше смущается и еще больше краснеет.

Ошеломленно глядя на мужа, Милдред говорит:

— Грэмпс, надеюсь, ты не уедешь от нас, не оставив мне рецепта приготовления своего коктейля, который удивительным образом развязывает языки...

Глава 23

Миссис Гиббс отрывает глаза от газеты и устремляет их на мужа:

— Здесь пишут, что твоя подружка наплела небылицы...

— Какая еще подружка?

— Ты знаешь, о ком я говорю.

— О мисс Молин?

— Именно. Кажется, для нее это теперь плохо кончится. Она была последней, кто видел обоих мужчин живыми.

— Это лишь то, что известно на данный момент.

— Он должен был отправить письмо до пяти часов, но письмо не было отправлено. Ты понимаешь? Он был мертв, когда она еще находилась в черте города.

— У них нет против нее никаких улик.

— Не понимаю, почему ты ее защищаешь?

Гиббс молча продолжает обедать.

— Если ты сказал мне правду относительно времени, когда вы выехали из Санта-Дельбарры, то почему ты вернулся домой только в половине восьмого?

— Я заходил в бистро перекусить.

— Неужели? Ты решил позавтракать в обществе мисс?

— Вот именно. Как только мы въехали в город, я позвонил ее адвокату. У нас оставалось время до встречи, и мы пошли выпить по чашке кофе.

— Разве ты не ел?

— Ел. Яичницу с ветчиной.

— А она?

— То же самое.

Немного помолчав, миссис Гиббс неожиданно спрашивает:

— А где твоя пишущая машинка?

— В моем кабинете.

— Но это другая машинка.

Вилка в руке Гиббса застывает в воздухе.

— С чего это ты взяла?

— Я знаю, потому что печатала письмо на старой машинке.

— Я тебя просил не трогать мою машинку.

— Это почему же?

— Ты ее портишь.

— Не больше, чем ты. Но ты не ответил на мой вопрос: где ты взял эту машинку?

— Но с чего ты решила, что это другая машинка?

— На той был новый валик, но эмаль была поцарапана.

— Ничего не понимаю. Видимо, я ее взял у кого-то вместо своей.

— У кого же?

— Не знаю. Где-нибудь в отеле.

— Я так и думала. Ты провел ночь в отеле с этой женщиной. Это ее машинка. Ты взял ее вместо своей.

— У нее не было машинки.

— Не считай меня идиоткой. В газете помещен снимок машинки. Они утверждают, что это улика, которую оставила на яхте Нита Молин. Значит, она и есть убийца. На снимке в газете твоя машинка, взгляни, разве ты не узнаешь ее? Нита взяла ее вместо своей.

— Не глупи. Это моя старая машинка. А что касается валика, то он очень быстро стирается. Тем более что мне пришлось печатать много отчетов.

— Не утомляй себя. Если ты мне не докажешь, что у тебя с Нитой были только деловые отношения, то я позвоню прокурору в Санта-Дельбарру и скажу ему, что у меня находится машинка Молин.

— Если ты это сделаешь..., я.., я.., сверну тебе шею!

— Чтобы спасти ее?

— Да нет же! Я тебе говорил, что работаю на одну адвокатскую контору. Ты хочешь, чтобы я потерял место?

— В таком случае я напишу анонимное письмо.

— Ты не напишешь его! — восклицает Гиббс, тщетно пытаюсь найти выход из создавшегося положения.

— Не напишу? Откуда ты знаешь, что я этого уже не сделала?

— Я вспомнил! — говорит Гиббс, ударив себя кулаком по лбу. — Я оставил свою машинку в приемной конторы Хазлита. Когда я выходил, то, видимо, прихватил одну из их машинок. Я сейчас же отнесу им эту и заберу свою.

Миссис Гиббс встает из-за стола, упирает руки в бедра и, глядя на мужа с сардонической усмешкой, говорит:

— Ты еще не ел десерт.

— Спасибо, я наелся.

— Ты слишком торопишься избавиться от этой машинки.

— Я не хочу, чтобы они подумали, что я... И вообще я хочу забрать свою.

— Ты хочешь сказать, что это не Нитина машинка?

Конечно, нет.

Хорошо. Иди к своим адвокатишкам и забирай свою машинку. Пока ты не принесешь свою старую машинку, ты не получишь эту. Я спрятала ее.

Нелдон Таккер входит в кабинет Хазлита. Он в возбужденном состоянии.

— Они у нас в руках! — торжествующе заявляет он.

— Каким образом, Нелдон? — спрашивает Хазлит.

— Я порылся в архивах и наткнулся на одно решение Верховного суда, о котором никто не вспомнил.

— Любопытно...

— В решении сказано, что в случае убийства, жертвами которого стали двое лиц или больше, такое преступление рассматривается как массовое бедствие.

— И что из этого вытекает?

— Из этого вытекает порядок, в котором рассматривается наступление смерти каждого из нескольких погибших.

Хазлит задумчиво морщит лоб и говорит:

— Этот параграф ограничивается случаями кораблекрушения, пожара и прочее?

— Нет. Эти слова приводятся только в качестве примера. В четвертом пункте параграфа сказано, что в случае смерти двух лиц одного пола старше пятнадцати и моложе шестидесяти лет лицо, старшее по возрасту, считается пережившим более молодого.

Хазлит вскакивает с места.

— Господи! — говорит он. — Мы приобретаем все! Наши противники уничтожены, Нелдон!

— Именно это я и хотел сказать, Джордж.

— Bravo! Лишь бы только Гиббс не наделал глупостей!

— А какова его роль в этой истории?

— Частный детектив всегда может переусердствовать. Дело в том, что... В общем, посмотрим.

Таккер подозрительно смотрит на своего компаньона.

— Я с Гиббсом не имею никаких дел, — сухо говорит он.

И он демонстративно удаляется в свой кабинет, закрыв за собой дверь.

Хазлит нервно расхаживает по кабинету.

Глава 24

Носовая часть небольшого парохода, связывающего Калифорнийский берег с островом Каталина, погружается в прозрачные воды океана. Брызги пены, поднимаемые форштевнем и разлетающиеся по бортам судна, напоминают белые усы.

Френк Дюриза, его жена и ее дед лениво растянулись в шезлонгах на палубе.

Прокурор вынимает из кармана конверт, на котором отпечатан адрес: «Калифорния, Санта-Дельбарра, прокурору Дюриза».

Он долго крутит конверт в руке.

— Это то письмо, которое тебе принесли сегодня в пять утра? — спрашивает Грэмпис.

— Да. Вы слышали звонок?

— Я слышал, как ты спрашивал, в чем дело. И я слышал ответ почтальона.

Дюриза вынимает письмо из конверта. Грэмпис и Милдред нагибаются, чтобы прочитать текст:

«Если вы хотите найти убийцу обоих мужчин, вам нужно выяснить, где находилась Нита Молин между полночью в воскресенье и тремя часами утра в понедельник. Я сообщаю вам об этом потому, что хочу, чтобы жертвы были отомщены. Когда вы узнаете, где находилась Нита Молин в вышеобозначенное время, дайте в лос-анджелесской „Геральд трибюн“ в рубрике „Бюро находок“ объявление следующего содержания: „Разыскиваемое лицо находилось там-то...“ — и не забудьте упомянуть имя человека, в обществе которого она находилась. После этого я напишу вам другое письмо, в котором сообщу нечто очень важное. Но я напишу его только после появления в газете объявления».

Письмо подписано одним словом — «Благожелатель» — Ну, что скажете? — спрашивает Дюриза.

— Это письмо написано женщиной, — заявляет Милдред.

— Почему ты так считаешь?

— Оно написано ревнивой женщиной, это очевидно, — отвечает Милдред.

— А вы что скажете, Грэмпис?

— Дайте мне письмо.

Он берет письмо в руки и внимательно изучает его.

— Письмо напечатано небрежно, — говорит он. — В нем четыре ошибки, несколько исправлений и подтирок. Кроме того, сразу видно, что оно напечатано на старой машинке. Буква «а» немного съезжает, а буква «е»... О! Сынок, подожди-ка...

— В чем дело? — спрашивает Дюриэа.

— Всемогущий Боже! — восклицает Грэмпис. — Ты знаешь, что это, сынок?

— Э..., нет...

— Да это же самая лучшая улика во всем этом деле, понимаешь?

Дюриэа напряженно смотрит на старика:

— Грэмпис, умоляю вас, объясните, в чем дело.

— Ты не понимаешь? Буквы в этом письме точно такие же, как и на копии письма Стирна, предназначенного для Эуэлла и Филдинга. Посмотри, сынок. Это письмо напечатано на той же самой машинке, какой пользовалась миссис Родман в субботу днем на «Джипси Квин»!

Дюриэа ошеломленно смотрит на старика, затем вынимает из своего кармана ксерокопию письма Стирна и сравнивает оба текста.

— Вы правы, Грэмпис, — говорит он. — Теперь необходимо разыскать человека, написавшего это письмо.

— Откуда оно было отправлено?

— Из Лос-Анджелеса.

— И она просит поместить объявление именно в лос-анджелесской газете. Она определенно живет в Лос-Анджелесе, — заключает Милдред.

В этот момент раздается гудок парохода.

— Мы входим в порт, сынок. Спрячь письмо, но не в карман, а то его вытащит какой-нибудь карманник... Прежде чем мы отправимся на охоту, неплохо было бы перекусить. Я, право, проголодался.

— Я тоже, — говорит Милдред. — Френк, ты ведь не допустишь, чтобы твоя женушка умерла от голода? Представь только, какой это вызовет скандал...

— Хорошо, — соглашается Дюриэа. — Я и сам не против подкрепиться.

Некоторое время спустя трио отправляется на поиски коттеджа. В одном из окон они видят табличку с объявлением о сдаче помещений на день, на неделю, на месяц. Это и есть коттедж старой миссис Ралей.

Дюриза протягивает руку миссис Ралей и просит ее ответить на несколько вопросов.

— Да. Они были здесь в прошлую субботу. Мистер Хилберс уже неоднократно останавливался здесь.

— Не могли бы вы мне его описать? — спрашивает Дюриза, чтобы быть уверенным в том, что речь действительно идет о Хилберсе.

— Он высокий и стройный, черноволосый. Ему лет двадцать семь-двадцать восемь. Очень привлекательный молодой человек. У него красивый голос, который невозможно забыть. На нем был пиджак цвета морской волны и фуражка яхтсмена.

— Вы видели женщину, которая была с ним?

— Я видела его сестру. Она была с ним, когда он расплачивался.

— Опишите ее, пожалуйста.

— Красивая молодая брюнетка, весит около шестидесяти килограммов. Очень хорошо сложена.

— Вы ее уже видели раньше?

— Да, но точно не помню когда..., мне кажется, она что-то здесь забыла.

— А что именно?

— Купальник.

— Он у вас?

— Да. Вы хотите взять его?

— Да. Это может быть важно. Вы уверены, что он принадлежит сестре мистера Хилберса?

— Во всяком случае, кому-нибудь из их группы. Он висел над ванной. Сейчас я схожу за ним.

Спустя несколько минут она возвращается с купальником, на котором яркими красками изображены сцены из морской жизни. Над высокими гребнями волн летят пеликаны, из воды высовывают свои морды тюлени. Их усы топорщатся, рты раздвинуты в саркастической ухмылке.

Дюриза берет купальник и протягивает его жене. Милдред изучает его оком эксперта.

— Недурно, — говорит Милдред. — Он сшит на хорошую фигуру.

Дюриза обращается к пожилой даме:

— Я забираю его. Напишите, пожалуйста, ваше имя на кайме или просто сделайте какую-нибудь отметку, чтобы вы могли потом узнать его.

Он протягивает ей ручку. Она пишет свое имя на кайме купальника. Дюриза протягивает ей снимок, вырезанный из газеты.

— Вы узнаете ее?

— Да. Почему ее снимок напечатан в газете?

— Она жена Артура С. Райта, который недавно был убит на яхте.

— Господи! Этот Райт был ее мужем? Я знала, что она замужем, но я не знала фамилии мужа. Дюриза складывает купальник и говорит:

— Я прошу вас никому не рассказывать о нашей беседе, хорошо?

— Разумеется, господин прокурор. Вернувшись в порт, Дюриза погружается в раздумье. Милдред спрашивает его:

— Это купальник испортил тебе настроение? Ты похож на угрюмого и мрачного палача...

— Дело в том, дорогая, что я уже видел этот купальник.., в воскресенье утром.., на мисс Харплер...

Джоан Харплер, сидя в кабинете прокурора, не скрывает своего раздражения. Она дает волю иронии.

— Я вижу, что у прокурора есть много преимуществ по сравнению с судьями, — говорит она. — При желании прокурор беседует с дамами о купальниках.

Дюриза спокойно парирует:

— Это потому, что вы были в купальнике в воскресенье утром. На нем были изображены сцены из морской жизни: охотящиеся за рыбой пеликаны и ухмыляющиеся тюлени.

— Абсолютно верно, только мне казалось, что тюлени раскрыли пасти, чтобы петь. Впрочем, куда мне до вашей профессиональной наблюдательности. Я вынуждена надевать купальник только потому, что уважаю закон, однако теперь я знаю, что тюлени посмеиваются надо мной... Дюриза встает с кресла:

— Поскольку мое описание купальника совпадает с вашим, мисс Харплер, я бы хотел на него взглянуть. Если вы не возражаете, я провожу вас на яхту.

— Может быть, мне лучше надеть его на себя?

— Действительно, мисс Харплер, я как раз хотел вас об этом попросить.

— Сожалею, мистер Дюриза, но я одна на яхте. Я, конечно, понимаю, что ваш интерес чисто профессиональный и будет направлен исключительно на тюленей, но...

— Моя жена находится в соседнем кабинете, — прерывает ее Дюриза. — Если хотите, она будет сопровождать вас.

— Великолепно! Я всегда думала, что жены великих детективов увлечены работой своих мужей. Может быть, стоит еще кого-нибудь пригласить?

Дюриза пересекает кабинет и открывает дверь в смежную комнату.

— В чем дело? — спрашивает Милдред. — На тебе лица нет...

— Все дело в этом купальнике. Она намекает, что я злоупотребляю своим положением, чтобы полюбоваться ее телом. Это отвратительно.

— И ты хочешь, чтобы я поехала с тобой? Дюриза утвердительно кивает.

— Пойдем, Грэмпис, — говорит Милдред. — Надо его спасать. Ты лицо неофициальное, старое, и тебе можно любоваться женскими прелестями.

Грэмпис возмущенно отвечает:

— Я категорически возражаю против того, что я стар. Я не стар, я просто долго живу.

Дюриза вводит их в кабинет и представляет мисс Харплер.

— Два сопровождающих для каждого из нас, мистер Дюриза? Превосходно! Я воспользуюсь случаем, чтобы продемонстрировать вам свое вечернее платье, которое, на мой взгляд, недостаточно облегает бедра. Может быть, вы заколете мне его булавками, мистер Дюриза, чтобы я могла потом его заузить?

Дюриза, покраснев от гнева, открывает рот, чтобы что-то ответить, но Грэмпис опережает его:

— Вы знаете, мисс, он очень занят. Но у меня много свободного времени, и я охотно бы это сделал для вас. Она поворачивает к нему голову:

— Вы хотите испортить мне вечер? Меня пригласили на ужин в город, и я вынуждена отказаться от приглашения только потому, что

прокурора интересуют рисунки на моем купальнике!

Машина Дюриэа останавливается у понтонного моста, они пересаживаются в шлюпку и плывут к «Альбатросу».

— Я могу надеть купальник без сопровождающих? — спрашивает Джоан.

— Если бы меня не было, — говорит Милдред, — им бы взбрело в голову, чтобы вы надевали его в их присутствии...

Джоан выходит из каюты, хлопнув дверью. Спустя несколько минут она появляется в купальнике.

— Спасибо, мисс Харплер, — говорит Дюриэа. — Ваш купальник был здесь. Это все, что я хотел узнать, а также лишний раз убедиться, что он вам очень идет.

— Что? — восклицает она. — Разве вас не интересуют рисунки? Разве тюлени не помогут вам решить загадку убийства?

— Вы правы, — соглашается Грэмпис. — Мы не должны ничем пренебрегать.

И он склоняется над тюленями и пеликанами, поправляя свои очки.

Джоан Харплер возмущенно говорит:

— Кто бы мог подумать такое о человеке столь respectable вида?

— Не стоит доверять внешности, мисс Харплер, — советует Грэмпис. — Но не бойтесь, я вас не укушу.

И Грэмпис медленно обходит вокруг девушки, застывшей, как изваяние.

— Вы удовлетворены? — спрашивает она ледяным тоном.

— Увы, только мое любопытство, — вздыхает Грэмпис.

Джоан Харплер порывисто выбегает из комнаты.

— Итак, Френк, купальник на ней, и надо признать, что он ей действительно идет, — говорит Милдред. — И не стоит так смущаться. Она только этого и добивается.

Глава 25

Дюриза немного отодвигается от стола, чтобы достать из кармана сигару.

— Где может быть Грэмпис? — спрашивает он.

— Где-нибудь болтается. Ты же знаешь, он не может усидеть спокойно дома.

— Я бы хотел побродить с ним. Эта история с купальником выбила меня из колеи. Не понимаю, как я мог...

— Френк, успокойся. Она сама во всем виновата, ей доставляло удовольствие дразнить тебя. С Грэмписом у нее бы это не вышло.

— Может, сходить в кино, Мил? Только не на детектив. Надевай свою шляпу и пойдем.

Дюриза уже полностью расслабился в ложе, когда его плеча касается рука билетерши.

— Простите, мистер Дюриза, вас просят к телефону.

— Я на минуту, Мил, — говорит прокурор, вставая.

— Я иду с тобой. Я не хочу, чтобы ты исчез, а я осталась здесь одна.

Дюриза входит в телефонную кабину. Выражение удивления на его лице быстро сменяется возмущением. Когда он выходит, Милдред его спрашивает:

— Кто это был?

— Идем, — бросает он. — Это касается нас обоих.

— Куда мы идем?

— В полицейское управление.

По дороге в управление Дюриза не разжимает рта.

— Послушай, Френк, в чем дело?

— Полиция кое-кого арестовала.

— Наконец-то! Может быть, теперь кончится эта история с «Джипси Квин»?

— Речь совсем не об этом. Полиция арестовала мужчину, переодетого женщиной. Понятно?

— И поэтому тебе звонят в кинотеатр?

— Через несколько минут ты все поймешь. Он останавливает машину перед полицейским управлением и входит в здание вместе с женой. Шеф полиции незаметно подмигивает ему.

— Простите, что потревожил вас, мистер Дюриза, но дело очень странное... Он ничего не хочет говорить и...

— Неважно, — откликается Дюриза. — Введите его.

Шеф полиции делает знак полицейскому, который выходит из комнаты и минуту спустя возвращается в сопровождении человека, завернутого в покрывало.

Впервые в жизни Грэмпис Виггинс чувствует себя не в своей тарелке. Полицейский грубо сдергивает с него покрывало, и Грэмпис предстает перед изумленной публикой в купальнике, на котором изображены ухмыляющиеся тюлени и пеликаны-рыболовы, выхватывающие на лету рыбу из белого гребня волны.

— Разрази меня гром! — восклицает Дюриза.

— И меня тоже! — повторяет вслед за мужем Милдред.

Взгляд Грэмписа полон бесконечного отчаяния.

— У меня украли одежду, — объясняет он.

— Он разделся на пляже, — добавляет шеф полиции, — нацепил на себя этот купальник и нырнул в воду. Когда он вышел на берег, его одежды там не было. Полицейский задержал его, потому что на пляже произошло столпотворение. Вы его знаете?

— Мы в некотором смысле родственники.

— Он сказал нам, что является родственником миссис Дюриза и...

— Мы одолжим у вас покрывало, — перебивает его Дюриза.

— Я не стал называть им свое имя, — говорит Грэмпис.

— Идемте, Грэмпис, — произносит Дюриза. Он заталкивает старика в машину, и они возвращаются домой. По дороге Грэмпис наклоняется вперед и пытается объяснить ситуацию:

— Послушай, сынок, я распутал дело..., я...

Глядя на дорогу, Дюриза отвечает:

— Грэмпис, давайте не будем об этом говорить.

— Как это не будем? Ведь я только ради этого и старался!

— С этого момента, Грэмпис, следствие будет носить более официальный характер. Надеюсь, мы договорились. В противном случае я верну вас шефу полиции и скажу, что вы не могли дать мне

вразумительного объяснения по поводу этого маскарада. Закон запрещает мужчине носить женское платье...

Грэмпис задыхается от возмущения:

— Поздравляю! Таким образом на твоём счету будет хоть один арест. Это лучше, чем ничего. Но я пытаюсь тебе объяснить...

— Довольно, Грэмпис! С меня достаточно!

— Гром небесный! И все же ты выслушаешь меня! Если бы у тебя были глаза и ты умел смотреть, а не только краснеть перед этой милашкой, то ты бы заметил, что на ней был совершенно новый купальник, который еще ни разу не побывал в воде.

Смысл сказанного Грэмписом не сразу доходит до прокурора. Затем неожиданно он останавливает машину на обочине дороги.

— Как вы сказали?

— Твои глаза застилала пелена, и ты ничего не заметил, но я внимательно разглядел купальник.

— Тебе не хватало только лупы, — говорит Милдред. — Я уверена, что ты разглядел все пупырышки на ее коже.

— Вы думали, я это делал для собственного удовольствия?

— Ты бы предпочел не смотреть на нее, а потрогать, да, Грэмпис?

— Оставьте меня в покое! Вы не поняли, что я разглядывал кайму купальника. Со стороны спины на кайме были написаны какие-то цифры... Мне это показалось странным.

— Действительно. А что дальше? — спрашивает Дюриза.

— Я отправился в город и обнаружил эти купальники в самом шикарном магазине на авеню, это филиал одного лос-анджелесского магазина. Мне сказали, что эти купальники поступили в продажу неделю назад. Я заинтересовался, не было ли среди покупателей некоей дамы... Я дал им подробное описание мисс Харплер, и они мне ответили, что она купила купальник именно в тот день. Тогда я купил купальник, соответствующий моему размеру. Я решил пойти на пляж и искупаться в нем, чтобы посмотреть, какие с ним произойдут изменения после того, как он побывает в соленой воде. Вы помните, что Тед Шейл заметил впервые мисс Харплер, когда она только что вышла из воды?

— Да, — отвечает Дюриза. — Итак, какие метаморфозы произошли с цифрами на вашем купальнике?

— Понятия не имею! — сердито бурчит Грэмс. — Кто-то похитил мою одежду на пляже, и, пока я ее искал, за мной уже шествовала целая толпа зевак. Потом появился полицейский и отвел меня в полицейское управление, так что у меня не было возможности снять эту тряпку и взглянуть на цифры. Они написаны на спине.

— Не расстраивайтесь, Грэмс. Дома мы все посмотрим.

Когда компания входит в дом, служанка при виде Грэмса застывает в ужасе.

Прокурор срывает покрывало с костлявых плеч старика.

— Стойте смирно, Грэмс. Ура, вы выиграли! Цифры были на этом месте, не так ли? Они почти стерлись.., чернила растворяются в воде и...

— Я был уверен, что эта дама не так проста, — торжествующе говорит Грэмс. — Она специально разыграла перед нами комедию оскорбленной стыдливости, чтобы Френк не слишком пялил глаза на ее купальник.

— Но какое все это имеет значение? — спрашивает Милдред.

— Что нам это дает, сынок? Выходит, что на острове Каталина с Хилберсом была мисс Харплер?

— Нет, с ним была Пирл Райт, — отвечает Дюриза. — А если купальник принадлежит Джоан Харплер, то это означает, что Пирл Райт находилась на борту «Альбатроса» с Джоан Харплер. Минутку... «Альбатрос» бросил здесь якорь около шести часов вечера в субботу... Да, все сходится.

— Что сходится? — спрашивает Милдред.

— Миссис Райт вполне могла совершить убийство и вернуться на «Альбатрос», наплетя что угодно Джоан Харплер: что ей необходимо выследить мужа или что-нибудь в этом роде. Возможно даже, что мисс Харплер в этот момент не было на борту. Она могла отправиться в город за продуктами. Миссис Райт могла доплыть на шлюпке до «Джипси Квин» и убить обоих мужчин. Это преднамеренное убийство, так как она предварительно взяла из стола револьвер мужа, сочинив для нас другую историю.

— Очень интересно, продолжай, — говорит Милдред.

— После обнаружения трупов мисс Харплер быстро сложила в уме два и два и поняла, чем ей может грозить присутствие на «Альбатросе» миссис Райт. Тогда она решила скрыть этот факт,

спрятала ее в каюте, которую Тед Шейл нашел запертой. Но Нита Молин заподозрила, что на яхте кто-то скрывается. Возможно, она увидела какой-то забытый предмет или почувствовала запах духов Пирл Райт...

— Молодец, сынок! Ты делаешь успехи! — восторженно восклицает Грэмпис.

— Мисс Молин решила проникнуть на «Альбатрос» и обнаружить там Пирл Райт. Она с невинным видом попросила у мисс Харплер разрешения якобы понаблюдать за «Джипси Квин».

— Но в воскресенье днем Пирл Райт находилась на острове Каталина, — возражает Милдред, — и мисс Молин разговаривала с ней по телефону.

— Действительно, но дай мне рассказать все по порядку. Я до этого еще не дошел. Как только Нита Молин отправилась на берег, чтобы позвонить, Джоан Харплер заперла Шейла в каюте и пошла в яхт-клуб, чтобы позвонить оттуда Уоррену Хилберсу на остров Каталина. Она ему сказала, чтобы он мчался «на всех парусах» навстречу «Альбатросу», который выходит в открытое море. Море в тот день было на удивление спокойным, и оба судна, шедшие навстречу друг другу, могли развить максимальную скорость. Когда они поравнялись, Пирл Райт пересела с яхты в катер своего брата. Брат и сестра быстро продумали алиби. Помнишь слова Хилберса о том, что они с сестрой расставались только на короткое время, и как она с невинным прямотушием напомнила ему о своей послеобеденной сиесте?

— Но при чем здесь купальник? — спрашивает Милдред.

— Ты не поняла? Когда оба судна встретились в море, миссис Райт уложила свою одежду в пакет и бросила ее на палубу катера. Но сама она не могла прыгнуть с «Альбатроса» на катер. Она надела купальник мисс Харплер и нырнула в воду. Как только «Альбатрос» удалился на достаточное расстояние, она поднялась на катер, взявший курс на остров...

— Если убийство было совершено в шесть часов, значит, Стирн отправил злополучное письмо, — говорит Грэмпис.

Дюриза утвердительно кивает.

— Теперь мне понятна эта любовная история, — восклицает Грэмпис.

— Какая история?

— История женитьбы Филдинга на секретарше! Дюриза на минуту задумывается, затем говорит:

— Мне кажется, Грэмпис, вы попали в самую точку. Едем в Лос-Анджелес!

— Я поеду с тобой, — решает Милдред.

— Я тоже, — кричит Грэмпис. — Только оденусь. Господи Боже мой!

— В чем дело? — спрашивает Дюриза.

— Я не могу войти в фургон. Ключ от двери находился в брюках, которые украли, и я не могу взломать дверь, так как я придумал систему сигнализации с сиреной...

— Бедняга Грэмпис, — вздыхает Милдред, — придется тебе остаться дома.

— Мне? Остаться? Ни за что! Я поеду в чем есть!

— Это невозможно, тебя примут за сумасшедшего. Впрочем, если ты наденешь одежду Френка, эффект будет аналогичным, так как ты просто утонешь в ней.

— Но...

— Нет, Грэмпис, — твердо заявляет Дюриза. — Случая в полицейском управлении вполне достаточно... Вы не можете больше посягать на мою профессиональную честь.., и предстать в таком виде перед вдовой, которую я собираюсь обвинить в убийстве мужа.

— Вы просто неблагодарные люди...

— Идем, Милдред, — говорит Дюриза, взяв жену под локоть.

— Послушай, Френк, Грэмпис вполне заслужил, чтобы...

— Ничего не поделаешь, — обрывает Дюриза. — Дорога каждая минута. Сейчас же выезжаем.

— Мне очень жаль, Грэмпис, — сочувственно вздыхает Милдред.

Супруги Дюриза бегут к машине, которая тотчас же трогается с места.

С минуту Грэмпис стоит неподвижно, переполненный чувством возмущения. Неожиданно его осеняет.

— Мой фургон заперт, но сама машина открыта, — бормочет он. — Итак, вперед.

Под ошеломленным взглядом прислуги Грэмпис лихорадочно заворачивается в покрывало, скатывается вниз по ступенькам крыльца,

запрыгивает в свою старую колымагу, включает зажигание, жмет на стартер, на крутом вираже выезжает из решетчатых ворот на шоссе и мчится, как ураган, волоча за собой свой фургон, словно жестянку, привязанную к хвосту кота.

Глава 26

Дюриза останавливает машину перед домом Артура С. Райта.

Предварительно он попросил подкрепления в управлении полиции. Полицейская машина бесшумно подъезжает к дому и останавливается позади машины прокурора.

Френк, Милдред и полицейские группируются на тротуаре.

— Я боюсь, что она может покончить с собой. Если она попросит разрешения выйти, ты пойдешь с нею, Милдред.

— Хорошо, — отвечает Милдред.

— Итак, дети мои, вперед! — говорит Френк. И он нажимает на кнопку электрического звонка. Дверь открывает прислуга. Дюриза заявляет:

— Я хотел бы видеть миссис Райт. Я прокурор Санта-Дельбарры.

— Сожалею, мистер, но миссис никого не принимает.

— Ей придется принять меня, — сухо произносит Дюриза.

Он деликатно отстраняет служанку и входит в дом. За ним следуют полицейские.

— Где она? — спрашивает Дюриза.

— Наверху. Она отдыхает в своей комнате.

— Она одета?

— Да.

— Идемте с нами.

Они шумно поднимаются по лестнице. Деревянные ступени скрипят под тяжестью массивных мужчин.

Наверху служанка указывает им на дверь.

Когда Дюриза входит в комнату, Пирл Райт смотрит на него с удивлением, которое сменяется возмущением и, наконец, тревогой.

— Я сожалею, что побеспокоил вас, миссис Райт, — начинает Дюриза, — но мне необходимо срочно задать вам несколько вопросов, связанных со смертью вашего мужа.

— Но...я...

Дюриза показывает ей купальник.

— Не забывайте, что каждое ваше слово будет тщательно проверено. Прежде всего я хотел бы узнать, при каких обстоятельствах

вы одолжили купальник у мисс Харплер. Кстати, она звонила вам, не так ли?

— Я.., да, она...

— Мисс Харплер попала в нашу ловушку, — уверенно говорит Дюриза. — Она поспешила купить новый купальник взамен старого, но вместо того, чтобы вам помочь, она только навредила себе...

Пирл Райт растерянно оглядывает собравшихся.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Мисс Харплер звонила мне совсем по другому поводу. А что касается купальника, то я... Дюриза перебивает ее:

— Вы надели его, чтобы перейти с яхты мисс Харплер на катер вашего брата. Он отвез вас на остров, где вы сфабриковали себе алиби.

Дюриза делает короткую паузу и заканчивает:

— Мне очень жаль, Миссис Райт, но я вынужден предложить вам пройти со мной в управление полиции.

Пирл Райт смотрит на прокурора безнадежным взглядом и говорит усталым голосом:

— Пойдемте, если вы настаиваете на этом. Сомневаюсь, что это вам что-нибудь даст. Я действительно находилась на яхте Джоан, когда Нита Молин попросила позволить ей вести наблюдение за «Джипси Квин». Мы опасались, что, если Джоан откажет, это может вызвать ее подозрения.

Дюриза спокойно спрашивает:

— Я бы хотел услышать ваше объяснение, почему вы убили своего мужа?

— Но я не убивала его! Именно поэтому...

— Как? Вы хотите, чтобы мы поверили в то, что, фабрикуя себе алиби, вы ничего не знали о смерти мужа? Вы считаете нас такими наивными?

— И тем не менее это правда. Я подозревала, что Эддисон Стирн и Артур готовят какую-то махинацию, чтобы лишить меня наследства. Я догадывалась, что Стирн намеревается соединить Ниту Молин и Артура, после того как он разведется со мной. Тогда я решила пошпионить за ними. В субботу утром мы с Уорреном отправились на катере за «Джип-си Квин» из Лос-Анджелеса. Когда мы убедились в том, что яхта взяла курс на Санта-Дельбарру, мы развернулись и

поплыли на остров Каталина, где нас ждала Джоан. Несколько дней назад она согласилась предоставить яхту в мое распоряжение.

Пирл Райт умолкает, стараясь взять себя в руки. Затем продолжает:

— Когда мы прибыли на остров, то не сразу нашли Джоан, так как она отправилась на рыбную ловлю в открытое море. Когда же наконец мы ее обнаружили, ей пришлось вернуться на остров, чтобы заправиться бензином. И когда в конце концов мы прибыли в Санта-Дельбарру и пришвартовались неподалеку от «Джипси Квин», было уже шесть часов вечера. Я стала наблюдать за яхтой в бинокль.

— И что же вы увидели?

— Ничего, мистер Дюриза. Это доказывает...

— Это доказывает, что вы убили вашего мужа почти сразу после того, как «Альбатрос» стал на якорь.

— Но я вас уверяю в том, что я невиновна!

— Согласно вашему собственному заявлению, вы находились в каких-нибудь тридцати метрах от того места, где был убит ваш муж. У вас была возможность сделать это. Кроме того, вы сфабриковали себе алиби, чтобы ввести полицию в заблуждение. Учитывая все изложенное, миссис Райт, я вынужден арестовать вас. Можете взять с собой некоторые вещи и предметы туалета.

Неожиданно в доме раздается неопиcуемый грохот от передвигаемой мебели. Затем слышится выстрел, после чего дом погружается в мертвую тишину.

— Смотрите за этой женщиной! — приказывает Дюриза одному из полицейских. — Остальные идут со мной.

Они бегом спускаются вниз по лестнице.

Дюриза открывает дверь в комнату, и в него сразу летит стул.

Грэмпис Виггинс в одном купальнике и с половой щеткой в руке прыгает из угла в угол, нанося быстрые и точные удары.

Уоррен Хилберс с искаженным от ярости лицом и безжизненно повисшей рукой хватает другой рукой все, что ему подворачивается, и бомбардирует старика.

— Остановитесь! — кричит один из полицейских. — Или я стреляю!

Обе враждующие стороны застывают в немой сцене. Грэмпис Виггинс обращается к Дюриза:

— Хватай его, Френк! Хватай его! Теперь ты понял?

— Что понял?

— Это он убил Райта и Стирна! Очки были его... Любой оптик подтвердит это.

Внезапно Хилберс бросается к двери.

Один из полицейских ныряет за ним и хватается его за ноги приемом, используемым в регби.

Грэмпис задумчиво чешет затылок.

— Да, сынок, — говорит он. — Все так. Когда Хилберс проводил свою сестру на «Альбатрос», он только сделал вид, что возвращается на Каталину, а сам взял курс на Санта-Дельбарру. У него быстроходный катер, делающий шестьдесят миль в час. Хилберс был на содержании своей сестры. Это она купила ему этот катер. Если бы Пирл Райт развелась со своим мужем, это было бы катастрофой для Хилберса, в то время как смерть Райта и Стирна делала его сестру богатой наследницей. Пирл рассказала ему о своем разговоре с мужем, об отношениях Стирна с Нитой Молин, и тогда он завладел револьвером Райта. Может быть, Райт и искал его в ящике своего стола, но револьвера там уже не было.

Дюриза пытается прервать Грэмписа, но тот уверенно продолжает:

— Хилберс прибывает на рейд Санта-Дельбарры и поднимается на борт «Джипси Квин». На палубе он наталкивается на Райта. Начинается драка. Очки Хилберса летят за борт. Оба кубарем катятся в нижнюю каюту, и там Хилберс стреляет. Он не мог выстрелить на палубе, боясь привлечь внимание. В это время Стирн возвращается с почтамта, откуда он отправлял злополучное письмо. Хилберс поджидал его. Все очень просто: убийство и так называемое самоубийство за крупный куш. Хилберс не знал, что, согласно закону, если бы Райт убил Стирна, он потерял бы право (равно как и его наследники) на состояние Стирна.

Поглядывая на Хилберса, Грэмпис завершает свой рассказ:

— Короче, Хилберс спокойно вернулся на остров и сыграл роль преданного брата. Он знал, что его сестра скрывалась на «Альбатросе», а следовательно, не могла рассказать этого полиции, и он охотно помог ей сфабриковать алиби. Он считал, что ему ничего не угрожает. В случае удачи он получит много денег, а в случае неудачи

отвечать придется его сестре. При виде полицейских он испугался и решил удрать. Я появился вовремя...

Грэмпис торжествующе смотрит на Дюриэа, потом на свою внучку:

— Ты довольна своим дедом, Мил?

— Ты великолепен, Грэмпис!

Хилберс яростно нападает на старика.

— Только не считайте меня идиотом, — говорит он. — Я все правильно рассчитал, и полиция клюнула на версию убийства и самоубийства. Кроме того, я оставил отпечатанное на машинке письмо-объяснение, которое впоследствии таинственно исчезло...

Грэмпис широко улыбается прокурору:

— Здесь мы должны признать, что допустили слабину, сынок. Пушку и исповедь могла слямзить только малышка Молин. Но после этого она неожиданно решила вести наблюдение за «Джипси Квин». Она поняла, что исповедь — это фальшивка и что на самом деле речь идет об убийстве. Она это знала твердо, потому что не могла быть причиной ссоры между Стирном и Райтом. Ее отношения со Стирном были чистыми, как между отцом и дочерью. Тем не менее она не хотела, чтобы ее имя было запятнано, и поэтому похитила «предсмертную исповедь».

Грэмпис неожиданно поворачивается к Хилберсу и говорит:

— Мы бы в любом случае добрались до тебя, парень, и не позднее чем завтра. Ты оставил в воде свои очки, а это равносильно тому, как если бы ты оставил свою визитную карточку.

Дюриэа в свою очередь обращается к Хилберсу:

— Теперь я припоминаю, с каким трудом вы прикуривали сигарету от спички. Вам никак не удавалось поднести пламя к кончику сигареты.

Грэмпис улыбается и говорит Хилберсу:

— Что я тебе говорил, парень!

Один из полицейских, не спускающий подозрительного взгляда со старика в купальнике, обращается к Дюриэа:

— А кто этот чужак?

— Это родственник моей жены, — объясняет Дюриэа. — Он мечтает стать детективом.

Грэмпис счастливо улыбается Милдред и подмигивает Дюриэа:

— Я больше не мечтаю, сынок. Я уже вполне заслужил диплом!..

---

notes

1

Особый судебный следователь, в обязанности которого входит расследование случаев смерти при необычных или подозрительных обстоятельствах.

2

Торговец контрабандными спиртными напитками.

3

Администрация отеля.

4

Воспроизведение обстановки и подробностей преступления.

5

Магазин-аптека.